ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1954 год 12

ХОРОШО!

Фото М. Озерского.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 12 декабрь 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Дядя Стёпа милиционер

Сергей Михалков **Рисунки В. Сутеева.**

Пятнадцать лет назад я получил права шофёра-любителя и с тех пор сам вожу автомобиль. Однажды на одной из улиц Москвы я сделал нарушение: остановил свою машину в неположенном месте, у тротуара на пешеходной дорожке. Ко мне подошёл милиционер. Каково же было моё удивление, когда я увидел своего дядю Стёпу, только в милицейской форме. Это был очень высокий милиционер. Выше всех милиционеров, каких я когда-либо видел в своей жизни!

Дядя Стёпа вежливо попросил меня предъявить водительские права и попросил больше никогда не нарушать правил уличного движения. Я извинился и обещал ему быть в следующий раз внимательнее. Мы познакомились и разговорились. Оказалось, что до того, как стать милиционером, дядя Стёпа служил на флоте. Это меня ещё больше удивило. Мой дядя Стёпа, про которого я девятнадцать лет назад написал весёлую поэму для детей, тоже ведь служил на флоте! Вы вряд ли знаете, что поэма «Дядя Стёпа» впервые была напечатана в журнале «Пионер» ещё в 1935 году. И вот теперь я решил написать продолжение моей весёлой книжки — поэму про дядю Стёпу-милиционера.

Кто не знает дядю Стёпу?
Дядя Стёпа всем знаком!
Знают все, что дядя Стёпа
Был когда-то моряком,

Что давно когда-то жил он
У заставы Ильича
И что прозвище носил он:
Дядя Стёпа-Каланча.

И сейчас средь великанов,
Тех, что знает вся страна,
Есть такой Степан Степанов —
Бывший флотский старшина.

Он шагает по району
От двора и до двора,
И опять на нём погоны,
С пистолетом кобура.

Он с кокардой на фуражке,
Он в шинели под ремнём.
Герб страны блестит на пряжке —
Отразилось солнце в нём!

Он идёт из отделенья,
И какой-то пионер
Рот раскрыл от изумленья:
«Вот так ми-ли-ци-о-нер!»

Дядю Стёпу уважают
Все — от взрослых до ребят.
Встретят — взглядом провожают
И с улыбкой говорят:

«Да-а! Такому молодцу
Форма новая к лицу!
Если встанет на посту,
Все увидят за версту!»

* * *

Возле площади затор —
Поломался светофор:
Загорелся жёлтый свет,
А зелёного всё нет...

Сто машин стоят, гудят,
С места тронуться хотят,
Три, четыре, пять минут
Им проезда не дают.

Тут сотруднику ОРУДа
Дядя Стёпа говорит:
«Что, братишка? Дело худо?
Светофор-то не горит?»

Из стеклянной круглой будки
Голос слышится в ответ:
«Ни к чему такие шутки!
Что мне делать, дай совет!»

Рассуждать Степан не стал —
Светофор рукой достал,
В серединку заглянул,
Что-то где-то подвернул...
В то же самое мгновенье
Загорелся нужный свет.
Восстановлено движенье,
Никаких заторов нет!

Нам ребята рассказали,
Что Степана с этих пор
Малыши в Москве прозвали
Дядя Стёпа-Светофор!

* * *

Что случилось?
На вокзале
Плачет мальчик лет пяти.
Потерял он маму в зале,
Как теперь её найти?

Все милицию зовут,
А она уж тут как тут!

Дядя Стёпа не спеша
Поднимает малыша,
Поднимает над собою,
Над собой и над толпою
Под высокий потолок:
«Посмотри вокруг, сынок!»

Смотрит Коля — видит: прямо,
У аптечного ларька,
Утирает слёзы мама,
Потерявшая сынка.

Слышит мама голос колин:
«Мама! Мама! Вот где я!»
Дядя Стёпа был доволен:
«Не распалася семья!»

* * *

Шёл из школы ученик —
Всем известный озорник.
Он хотел созорничать,
Но не знал, с чего начать.

Шли из школы две подружки —
Две болтушки-хохотушки.
В сумках книжки и тетрадки,
Но в тетрадках всё в порядке.

Вдруг навстречу озорник —
В ранце с двойками дневник,
Нет эмблемы на фуражке,
И ремень уже без пряжки.

Не успели ученицы
От него посторониться, —
Он столкнул их прямо в грязь,
Издевательски смеясь.

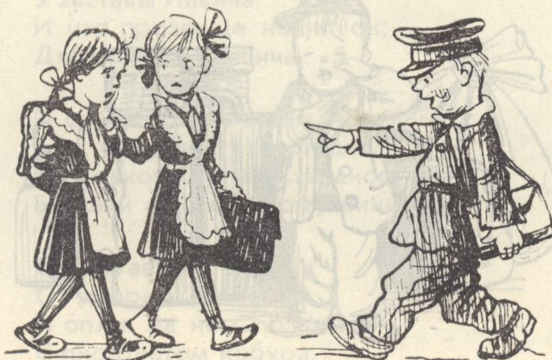
Ни за что он их обидел
У прохожих на виду,
А потом трамвай увидел,
Прицепился на ходу,

На подножку встал ногой,
Машет в воздухе другой!

От дверей универмага
Дядя Стёпа в тот же миг
Сделал три огромных шага
Через площадь напрямик.

На трамвайном повороте
Снял с подножки сорванца:
«Отвечайте: где живёте?
Как фамилия отца?»

С постовым такого роста
Спорить запросто не просто!

* * *

На реке и треск и гром —
Ледоход и ледолом.

Полоскала по старинке
Бабка в проруби простынки.
Треснул лёд — река пошла,
И бабуся поплыла.

Бабка охает и стонет:
«Ой! Бельё моё утонет!
Ой! Попала я в беду!
Ой, спасите! Пропаду!»

Дядя Стёпа на посту —
Он дежурит на мосту.

Дядя Стёпа сквозь туман
Вдаль глядит, как капитан.
Видит: льдина. А на льдине
Плачет бабка на корзине.

Не опишешь, что тут было!
Дядя Стёпа руки — вниз,
Перегнувшись за перила,
Как над пропастью, повис.

Он успел схватить в охапку
Перепуганную бабку.
А старуха за корзину:
«Я бельё своё не кину!»

На мосту народ хохочет:
«Ты бельё, бабуся, брось!»
А бабуся, знай, бормочет:
«Вместе вытащит, авось!»

Так Степан и спас её,
И корзину, и бельё!

* * *

Шли ребята мимо зданья,
Что на площади Восстанья.
Вдруг глядят: стоит Степан —
Их любимый великан!

Все застыли в удивленье:
«Дядя Стёпа! Это вы?
Здесь не ваше отделенье
И не ваш район Москвы!»

Дядя Стёпа козырнул,
Улыбнулся, подмигнул:

«Получил я пост почётный!
И теперь на мостовой,
Там, где дом стоит высотный,
Есть высотный постовой!»

* * *

Гладко залитый каток,
Как натянутый платок!

На трибунах все встают:
Конькобежцам старт дают,
И они бегут по кругу,
А болельщики друг другу
Говорят: «Гляди! Гляди!
Самый длинный впереди!

Самый длинный впереди —
Номер «8» на груди!»

Тут один папаша строгий
Своего спросил сынка:
«Неужели эти ноги
У команды «Спартака»?»

В разговор вмешалась мама:
«Эти ноги у «Динамо»!
Очень жаль, что наш «Спартак»
Не догонит их никак!»

В это время объявляют:
Состязаниям конец!
Дядю Стёпу поздравляют:
«Ну, Степанов! Мо-ло-дец!»

Дядей Стёпою гордится
Вся милиция столицы:
Стёпа смотрит сверху вниз —
Получает первый приз!

* * *

Дяде Стёпе, как нарочно,
На дежурство надо срочно.
Кто сумел бы по пути
Дядю Стёпу подвезти?

Говорит один водитель,
Молодой автолюбитель:

«Вас подбросить к отделенью
Посчитал бы я за честь,
Но, к большому сожаленью,
Вам в «Москвич» мой не залезть!»

«Дядя Стёпа, я подкину,—
Тут другой шофёр позвал.—
Залезай в мою машину,
В ярославский самосвал!»

* * *

Как-то утром в воскресенье
Вышел Стёпа со двора.
Стоп! Ни с места! Нет спасенья:
Облепила детвора.

На начальство смотрит Витя,
От смущенья морщит нос:
«Дядя Стёпа! Извините!»
«Что такое?» «Есть вопрос!

Почему, придя с Балтфлота,
Вы в милицию пошли?
Неужели вы работу
Лучше этой не нашли?»

Дядя Стёпа брови хмурит,
Левый глаз немного щурит,
Говорит: «Ну что ж, друзья!
На вопрос отвечу я!

Я скажу вам по секрету,
Что в милиции служу,
Потому что службу эту
Очень важной нахожу!

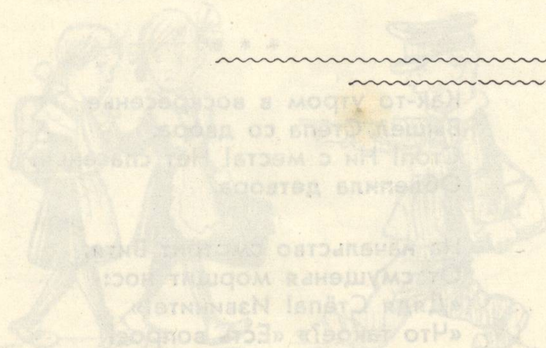
Кто с жезлом и с пистолетом
На посту зимой и летом?
Наш советский постовой!
Это тот же часовой!

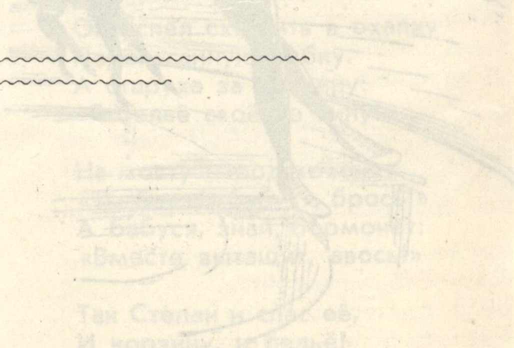
Ведь недаром сторонится
Милицейского поста
И милиции боится
Тот, чья совесть нечиста.

К сожалению, бывает,
Что милицией пугают
Непослушных ребятишек
И капризных малышей.
Нам, милиции, обидно,
Нас не знают, очевидно!
И когда я это вижу,
Я краснею до ушей!»

У ребят второго класса
С дядей Стёпой больше часа
Продолжался разговор.
И ребята на прощанье
Прокричали: «До свиданья!
До свиданья! До свиданья,
Дядя Стёпа-Светофор!»

Атлантическая повесть

Мирослав Жулавский. *(Окончание)* **Рисунки А. Кокорина.**

Гергардт Шмидт ходил по убежищу, время от времени останавливаясь около расщелины в стене. Со стороны океана наплывали тучи, бросавшие густую тень. В доте стало почти темно. Море лоснилось внизу нездоровым блеском, застывшее, подобно ледяному пласту. Обессиленный гнетущей духотой ветер замер над дюнами. Ни малейшего звука не доносилось ни от океана, ни от леса. Свинцовая тишина нависла над побережьем, заполнила дот, гудела в ушах Шмидта.

Гергардт Шмидт беспокойно шагал от выхода до амбразуры — туда и обратно, туда и обратно. Иногда, когда ему казалось, что он слышит, как под чьей-то ногой скрипит сухой песок, он останавливался на полушаге. Но это лишь летучие дюны осыпались в тишине. И Шмидт снова начинал ходить туда и обратно, туда и обратно... Гонимый тревогой и неуверенностью, он не мог усидеть на месте.

Воздух становился всё тяжелее. Несмотря на холод, царивший внутри бетонного помещения, лицо Шмидта покрылось пóтом. Облака на северо-западе сгустились в тёмную тучу. Над океаном, на самом горизонте, появилась чёрная полоса, которая, вырастая, разливалась в огромное пятно зловещего бронзового оттенка. Трава на дюнах застыла без движения. Только далеко на севере раз и другой глухо прогрохотало.

Гергардт Шмидт постепенно переставал думать о своём теперешнем положении. Он замер у амбразуры, весь превратившись в зрение и слух. Издалека, как бы из глубины неба и времени, выплыло целиком поглотившее его живое воспоминание. Сколько же лет тому назад это было? Девять? Почти девять... Тогда здесь не было так сыро и душно. Тихо шелестели вентиляторы. Он, Гергардт Шмидт, стоял около этой же самой амбразуры в новёхоньком, блестевшем от чистоты доте, вкрапленном в пейзаж, как все укрепления Атлантического вала, стоял и прислушивался к рокоту, широко разливавшемуся по небу. Был рассвет, и длинная полоса не то туч, не то дыма низко висела тогда на севере небосклона.

Вдали снова протяжно загрохотало. Гергардту показалось, что он слышит голос товарища, которому впоследствии размозжило череп: «А я вам говорю, что это обычная гроза».

Тогда грохотало так же, как теперь, и таким же кровавым отблеском были озарены нависшие на горизонте тучи. Сквозь амбразуру было видно, как солдаты в шлемах перебегают между дотами. Това-

Шмидт набросился на еду.

рищи, толкая друг друга, протискивались к амбразуре.

— Нет,— сказал Шмидт,— это — вторжение...

Голос его глухо прозвучал в пустом доте, стукнулся о заплесневевшие своды и, отлетев от них, звенел эхом в засыпанных ходах сообщения. Шмидт вздрогнул и осмотрелся. Повсюду валялись груды щебня и истлевшего дерева. Вдоль стены медленно двигалась тень проплывавшей мимо тучи. Она просачивалась сквозь амбразуру, словно через линзу проекционного аппарата. Шмидт закрыл лицо ладонями.

— Я больше этого не выдержу! — шепнул он.

За его спиной раздался шорох. Шмидт резко обернулся, прижавшись всем телом к стене.

У входа с испуганными лицами стояли мальчики.

— Это мы, — сказал, неуверенно улыбнувшись, тот, что был побольше.

Шмидт закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Вас никто не видел? — спросил он ослабевшим голосом, отрывая плечи от стены.

— Никто,— ответил Гастон. Он взглянул на Шмидта и, довольный собой, подойдя к костру, положил на камень сумку. Он вытащил из неё бутылку кофе, длинный белый хлебец и кусок сыра.

— К столу подано, — шутливо сказал он, приглашая Шмидта изысканным жестом.

Но Шмидт не был расположен к шуткам. Оттолкнув мальчика, он набросился на еду.

Гастон и Бернар смотрели на него с изумлением. Они ещё никогда не видели, чтобы кто-нибудь так ел. Шмидт, казалось, забыл о них. У него тряслись руки, когда он подносил ко рту кусочки сыра. Он пил прямо из бутылки, и в горле у него громко булькало. Хлеб он глотал целыми кусками, не разжёвывая.

Принесённого, однако, хватило ненадолго. Шмидт вытер рот тыльной стороной ладони, отставил пустую бутылку и взглянул на ребят, словно к нему только

что вернулось сознание. На лице его появилось выражение замешательства.

— Простите, — сказал он, опустив глаза. Однако он сразу же поднял их и, сконфуженно улыбнувшись, отчего его дикая, небритая физиономия приобрела что-то детское, добавил: — Я уже давно не ел ничего такого вкусного...

Бернар, копаясь в кармане, старался выглядеть как можно более равнодушным. Он подошёл к Шмидту и протянул руку.

— Вы курите?

На его ладони лежала огромная сигара.

— Сигара! — радостно воскликнул Шмидт. Он почти вырвал её у Бернара и тотчас же бросился нетерпеливо разгребать кучу пепла в костре. Наконец он нашёл тлеющий уголёк, прикурил от него и затянулся.

— Спасибо вам, ребята! — прохрипел он, выпуская клубы дыма.

Он выглядел забавно с этой дорогой сигарой в золотом ободке, с заросшим, одичалым лицом. Но выражение глубочайшего удовлетворения постепенно смягчало резкость его черт. Шмидт улыбался. Он то вынимал сигару изо рта и с удовольствием смотрел на неё, то снова пускал большие клубы дыма. Глядя на него, Бернар перестал чувствовать угрызения совести из-за того, что взял у отца без спросу сигару. Однако блаженство, в котором пребывал Шмидт, начало его понемногу раздражать. Ему не терпелось как можно скорее узнать, кто такой этот Шмидт и что он делает здесь, в доте.

— Месье, вы обещали нам рассказать,— начал он робко.

Лицо Шмидта потемнело, словно на него упала тень от тучи. Он машинально затянулся сигарой, хотя было видно, что он не чувствовал уже того удовольствия, какое испытывал минуту назад.

— Да, — буркнул он, — разумеется.

В глазах его снова мелькнул страх и напряжённое внимание. Он подошёл к амбразуре и выглянул наружу, как бы желая проверить, не грозит ли ему какая-нибудь опасность, о существовании которой он на минуту позабыл. Но дюны неподвижно белели под потемневшим небом. Море лоснилось вдали недобрыми свинцовыми бликами. Издалека доносились раскаты грома, тяжело отдававшиеся в небе.

Шмидт обернулся к мальчикам.

— Меня разыскивает полиция, — выговорил он залпом.

Бернар бросил на Гастона многозначительный взгляд, но Гастон, казалось, не заметил его. Он не спускал глаз с немца.

— За дезертирство,—прибавил Шмидт.

Он уселся на своей лежанке и с минуту молчал. Ни один из мальчиков не нарушил тишины.

— За дезертирство из Иностранного легиона,— добавил Шмидт.

Он насторожённо вглядывался в лица мальчиков, как бы желая прочесть на них впечатление, произведённое его признанием.

Бернар чувствовал, как кровь приливает к его лицу. Дезертир! Может ли быть поступок более подлый и трусливый, чем дезертирство? Бернар не мог себе этого представить. Бежать из-под знамени, которому принесена присяга, оставить, предать товарищей по оружию! Можно было допустить, что Шмидт — разыскиваемый убийца или мошенник. Но дезертир? Дезертир, покинувший французское знамя?!

Он посмотрел на Гастона, но и на этот раз не встретил его взгляда. Гастон не переставал с напряжённым вниманием смотреть на лицо немца. Лоб его был нахмурен, будто он пытался понять что-то очень трудное.

Шмидт неподвижно сидел в углу. Голова его была опущена, а локти упёрты в расставленные колени. За его спиной грохотал приглушённый бетонной стеной гром приближавшейся бури.

Шмидт шевельнулся и окинул мальчиков быстрым взглядом. В полумраке блеснули его глаза.

— Хотя, собственно, это и не совсем точно... Я не столько дезертировал, сколько подпал под соответствующую статью военного кодекса. А это не одно и то же...

Он усмехнулся и сделал, как бы оправдываясь, лёгкое движение руками.

— Что, трудно, правда? И я так думаю. — Он отложил погасшую сигару и провёл ладонью по волосам от лба к затылку. Видно было, что ему нелегко исповедываться.— Я не знаю, ребята, кто вы и как я должен с вами говорить. Но вы видите, мне нечего рассказать вам, кроме того, что произошло со мной в действительности.

Он показался Бернару сейчас более молодым, чем минуту назад. Может быть, потому, что он говорил с ними, как с ровесниками, а может быть, потому, что

улыбка придавала его лицу детское выражение, никак не вязавшееся с его густой щетиной.

— Да я и не так уж много старше вас,— проговорил Шмидт, как бы отвечая на мысли Бернара. — Самое большее, я мог бы быть вашим старшим братом. Когда меня мобилизовали, мне было восемнадцать лет.

Он в задумчивости оглядывал свои руки и медлил, словно то, что он собирался сказать, могло доставить ему неприятности.

— Мне было восемнадцать лет, и я знал обо всём этом не больше, чем каждый из вас. Едва я немного подрос, как меня одели в мундир. Мне сказали, что надо защищать родину. Откуда я мог бы знать?

Голос его бубнил в разрушенном доте, как в погребе. Снаружи всё больше темнело. Густая тень легла на стену, около которой он сидел.

Бернар переборол себя и выдавил из пересохшего горла:

— Но вы, месье, вероятно, знали, как немцы поступают... как они убивают, поджигают, истязают... Весь мир знал об этом...

Шмидт приподнял голову. Белки его глаз блеснули.

— Скажи мне, мой мальчик, ты ведь, должно быть, знаешь, как держат себя французские солдаты в Индо-Китае? Знаешь, что они убивают, поджигают, истязают... Весь мир знает об этом...

Бернар подскочил и закричал с возмущением:

— Я в это не верю! Это коммунистическая пропаганда!

Шмидт с грустью кивнул головой:

— Ага, значит, знаешь, но не веришь. Так вот послушай же, мой мальчик. Я также знал, но не верил. Тяжело поверить, что свои могут поступать, как дикие звери.

Бернар снова почувствовал на щеках тепло. Незнакомец больше не был ему страшен. Он с холодной отвагой бросил ему прямо в лицо:

— Да, месье, но так поступали немцы, а не французы. Наши солдаты в Индо-Китае превыше всего ставят честь мундира.

Шмидт снова кивнул головой. Некоторое время он вглядывался в разгорячённое лицо мальчика, наконец серьёзно сказал:

— Я знаю об этом значительно больше, чем ты, мой мальчик. Я возвратился оттуда.

Гастон, который, казалось, не принимал участия в разговоре, внезапно очнулся. Рот его открылся, будто он хотел что-то спросить.

— Я возвратился из Индо-Китая, — произнёс Шмидт, отделяя слово от слова, будто ему было важно, чтобы в этом не оставалось ни малейшего сомнения. — Я был там в Легионе...

Мальчики были потрясены. Бернар снова заговорил, хотя чувствовал, что слова с трудом проникают сквозь комок, стиснувший его горло.

— Вы дезертировали из Легиона?

Шмидт не шевельнулся на своей подстилке. Стало так темно, что его едва было видно.

— За это меня и разыскивают, — буркнул он. — Хотя я, собственно, не дезертировал. Нет... Может быть, я в конце концов это и сделал бы, но тогда я не успел.

— Если вы не дезертировали, так чего же вы боитесь? — отозвался Гастон.

Шмидт с минуту молчал. Наконец он начал хрустеть пальцами. Слышно было, как один за другим щёлкают растягиваемые им суставы.

— Это долгая история,— проговорил он с неохотой. — Чтобы рассказать её, нужно начать всё с начала.— Он потёр ладонью лоб, собираясь с мыслями. — Помните, я уже говорил вам, что меня взяли в армию под конец войны. Кажется, я говорил также... Я сидел здесь, в этом доте...

Он обвёл глазами углы, полные мрака. Раскаты грома пронеслись над бетонными сводами и гудели в пустых ходах сообщения.

— Я сидел здесь полтора года, ожидая вторжения, но, когда оно наконец наступило, я повоевал не много. Эти доты оказались никуда не годными. Нас обошли с тыла, понимаете? Ну, а потом плен... — Он безнадёжно махнул рукой. — Плен есть плен. Невесёлая история. Целых четыре года... Знаете, у меня был такой клубок зелёных военных ниток... Каждый день я делал на нитке один узелок... И спрашивал себя, что раньше кончится: моя неволя или клубок? Когда он стал кончаться, я начал делать узелки с каждым разом все ближе друг к другу... Я внушал себе, что неволя кончится вместе с клубком. Я был глуп, как сапог.

Слабый отблеск молнии осветил внутренность дота. На стене мелькнула и пропала бледная тень Шмидта. Воздух содрогнулся от раската грома, раздавшегося высоко в небе. Сквозь плоскую расщелину амбразуры с шелестом посыпался песок.

Шмидт продолжал:

— Наконец наступил день, когда я завязал последний узелок. Ничего нельзя было поделать: клубок всё же кончился. Я был так уверен в своём предчувствии, что в этот день едва не предпринял побега. Но куда было бежать? Лагерь находился на Корсике. Вокруг — море... И вот, когда мы вечером возвращались с работы (мы ремонтировали там пути), я встретил в лагере знакомого унтер-офицера, которого не видел с тех пор, как мы вместе попали в плен. Лицо его выражало довольство, он грыз яблоко. Мы разговорились. Я рассказал ему обо всём. И об этом клубке ниток тоже. Он посмеялся над этим и сказал, что я не худо рассчитал, ибо если я буду разумным, то моя неволя может сегодня же кончиться. Я начал умолять его, чтобы он объяснил, каким образом. Сначала он ничего не хотел говорить, но в конце концов отвёл меня в сторону и выложил всё начистоту. Я могу быть немедленно освобождён, если подпишу на пять лет контракт о вступлении в Иностранный легион. Половину денег выдадут на руки сразу же, половину — по прибытии в часть. Те, кто поумнее, давно уже это сделали и живут припеваючи вместо того, чтобы гнить за колючей проволокой. Мы, немцы, ведь отличные солдаты, и в Легионе нас носят на руках. Уверяю вас, он задурил мне голову весьма основательно. А потом заявил, что если я не согласен, то он сразу же даст мне новый клубок ниток, чтобы я мог снова завязывать узелки. Я окончательно отупел и согласился...

Стало так темно, что мальчики уже совсем не видели Шмидта и только слышали его голос, доносившийся из мрака. Он звучал отчётливо и взволнованно. Шмидт замолчал, как бы заново переживая далёкие события.

— Уверяю вас, — продолжал он свой рассказ, — я был глуп, как сапог. Лишь позднее у меня в мозгах наступило просветление. В Оране, где формировался батальон, я встретил много немцев, завербованных, как и я, в лагерях военнопленных. Сначала я даже не жалел, что ввязался в это дело. Я был снова в армии, у меня были новые товарищи. Ну и на другом конце света побывать было интересно. Это каждому интересно, не так ли? Я даже не был зол на того знакомого унтер-офицера, который заработал на мне, как на проданном баране, тридцать марок. Когда мы начали рассказывать друг другу, кто и как попал в Легион, выяснилось, что каждого из нас завербовал какой-нибудь пленный, ставший французским агентом. Ну, поехали мы пароходом в Индо-Китай. Сначала было не так уж плохо. Однако, когда мы приехали, вскоре многим расхотелось там оставаться.

Молния, сверкнувшая у входа в дот, на мгновение озарила согнутую фигуру Шмидта. Он продолжал сидеть, уперев локти в колени, уткнув лицо в ладони рук.

— Вы были в боях? — спросил Бернар. В его голосе прозвучал живой интерес.

Шмидт снова заговорил:

— В боях? Да, в одном бою. Вскоре после прибытия. Нам сказали, что в джунглях упрятан склад каучука, принадлежащий фирме Мишелен. Наш батальон получил задание найти этот склад. Меня тогда даже не удивило, что я должен подставлять голову под пулю за какой-то каучук, на котором разбогатеет какой-то Мишелен. Я же говорил вам, что был глуп, как сапог. И вот мы пошли за этим каучуком. Но дело всё в том, что этот каучук лежал где-то в джунглях, а в них были вьетнамцы. И стоило нам забраться туда, как мы уже ничего не видели. Даже самолётов над деревьями, которые должны были нами руководить. Только джунгли, болота и ужасный зной. Когда вьетнамцы выскочили со всех сторон, делать было нечего. Мы сдались.

— Как, — вскричал Бернар, — вы сдались в плен без борьбы?! Вы должны были защищаться!

Шмидт с досадой фыркнул.

— А что нам было защищать? Жизнь? Но, поднимая руки вверх, мы и защищали жизнь.

Бернар закусил губу. Он снова испытал неприязнь к этому немцу, не выполнившему своего долга и не защищавшему до последнего вздоха чести Легиона. Не так выглядели на вербовочных плакатах, расклеенных по улицам Бордо, герои Экспедиционного корпуса. Разрисованные яркими красками, они были смелыми и мужественными. Они не подымали руки вверх.

Над сводом дота грохотало, будто над ним кто-то ездил на тяжёлой повозке. Зеленоватый отблеск длинной молнии снова осветил Шмидта. Гастону показалось, что он смотрит в его сторону.

— Это был первый разумный поступок, который я совершил в своей жизни, — продолжал Шмидт. — Уверяю вас, мало кто из нас пожалел потом об этом. Мы очень скоро начали понимать, какими глупцами были, когда лезли на рожон за каучуком для того или иного Мишелена. У людей начали открываться глаза, словно они до того были слепы...

Я не говорю, что в плену у вьетнамцев был рай. Плен есть плен. Дело тяжёлое. Но между этим и тем пленом была разница. Чему я научился у французов? Ничему. Я вышел из французского плена таким же глупым, как и попал в него. А в плену у вьетнамцев я понял кое-что о белом свете. Я был их врагом, но они разговаривали со мной, как с братом. Мало-помалу они показали мне мир, в котором я жил. От них я узнал, кто я сам. Больше того, мне показали, кем я могу стать.

Как это происходило? Они просто приходили к нам и как ни в чём не бывало разговаривали с нами о войне, о рабочих и крестьянах, об империалистах и фабрикантах. Едва человек начинал понимать что-нибудь, как он тут же хотел знать ещё больше. Нам давали книги. Сначала всё это не умещалось у меня в голове. Неужели я, Гергардт Шмидт, должен был объехать полсвета, попасть в плен к тем, кого считал дикарями, чтобы научиться у них понимать вещи, о которых я не имел даже и понятия? Некоторые мои товарищи упрямились и не хотели ни о чём даже слышать. А во мне будто что-то перевернулось. Я слушал и читал, наконец спросил, не мог ли бы я посетить какие-нибудь лекции. Тогда меня отвели в деревушку, где проводились курсы для военнопленных. Какой-то человек читал лекции по-немецки. Он тоже был военнопленный. Помню его первую лекцию. Он говорил о том, почему при капиталистическом строе войны неизбежны. С того дня я перестал чувствовать себя пленным. Надо вам сказать, что на Корсике мы сидели за колючей проволокой, окружённые стражей, а во Вьетнаме ничего подобного не было. Никакой колючей проволоки, никакой стражи. Нам только сказали, чтобы мы не пробовали бежать, так как жители окрестных сёл всё равно доставят нас обратно. Были и такие, которые, несмотря на это предупреждение, пробовали бежать, но их действительно через несколько дней приводили обратно. Мы очень удивлялись тому, что беглецов никак не наказывали. Нам только повторяли, что бегство не имеет ни малейших шансов на успех. Вскоре никто уже и не пытался бежать. Наконец, я уже говорил вам об этом, большинство из нас поняло в лагере, на чьей стороне правда. Некоторые просили о возвращении на родину. Я также. Я попросил отправить меня в Германскую Демократическую Республику...

Сквозь расщелины в стенах стало проникать немного больше света, словно грозовая туча передвинулась к краю небосклона. Серый силуэт Шмидта, почти неподвижный на фоне стены, снова стал различимым. Гром продолжал тарахтеть, как далёкий поезд. Шмидт вытянул перед собой руки и тряс ими, словно прося о чём-то.

— Мне хочется, чтобы вы меня правильно поняли. Я не сделал ничего плохого. Я всего лишь увидел целиком свою жизнь, всю её нищету и глупость. Мне хотелось вернуться к своим и начать жить так, чтобы все поняли, что в голове у меня наступило просветление. С того момента, как мне стало ясно, кто и за что ведёт войны, я не мог бы уже надеть мундир ни вермахта, ни Легиона. Стало быть, я поступил честно, когда попросил о возвращении на родину, так или нет?

Он замолчал, ожидая ответа. Но мальчики безмолвствовали, не спуская с него глаз. Шмидт обхватил голову руками и начал раскачиваться из стороны в сторону, как человек, борющийся с собственными мыслями. Это продолжалось довольно долго, но в конце концов он всё же снова заговорил:

— Уверяю вас, наконец я почувствовал себя человеком, а не куском пушечного мяса. В случае нужды я был готов бороться, но не за каучук фирмы Мишелен, а за будущее моего народа, за то, чтобы уже никто никогда не мог обманывать подобных мне простаков. Социализм — вот что показали мне в глубине джунглей. А там, в ГДР, уже создавалось всё то, над чем мы в лагере лишь начали задумываться.

— Ну и что же, вы вернулись? — нетерпеливо спросил Гастон.

— Вернулся. На границе я поцеловал

родимую землю. Эх, ребята, когда я снова увидел Берлин, я думал, что разревусь. Меня там не очень-то расспрашивали, видали уже таких, как я. Мне дали работу на фабрике, и понемногу я начал жить, как человек. Да что там говорить!.. Товарищи приняли меня, как своего человека. Никто не сказал мне ни одного плохого слова; они хотели только знать, понимаю ли я, какую роль играл в вермахте, а позднее — в Легионе. Вначале мне было нелегко, ведь я никогда по-настоящему не работал. Но потом я втянулся. Эта новая жизнь начала мне всё больше и больше нравиться.

Он покачивал головой, как бы сожалея о чём-то.

— Новая жизнь... Но что ж поделаешь, если прошлое предъявило свой счёт...

Бернар беспокойно шевельнулся. То, о чём говорил Шмидт, пробуждало в нём всё возрастающий протест. О каких это товарищах рассказывал Шмидт? О коммунистах, разумеется!

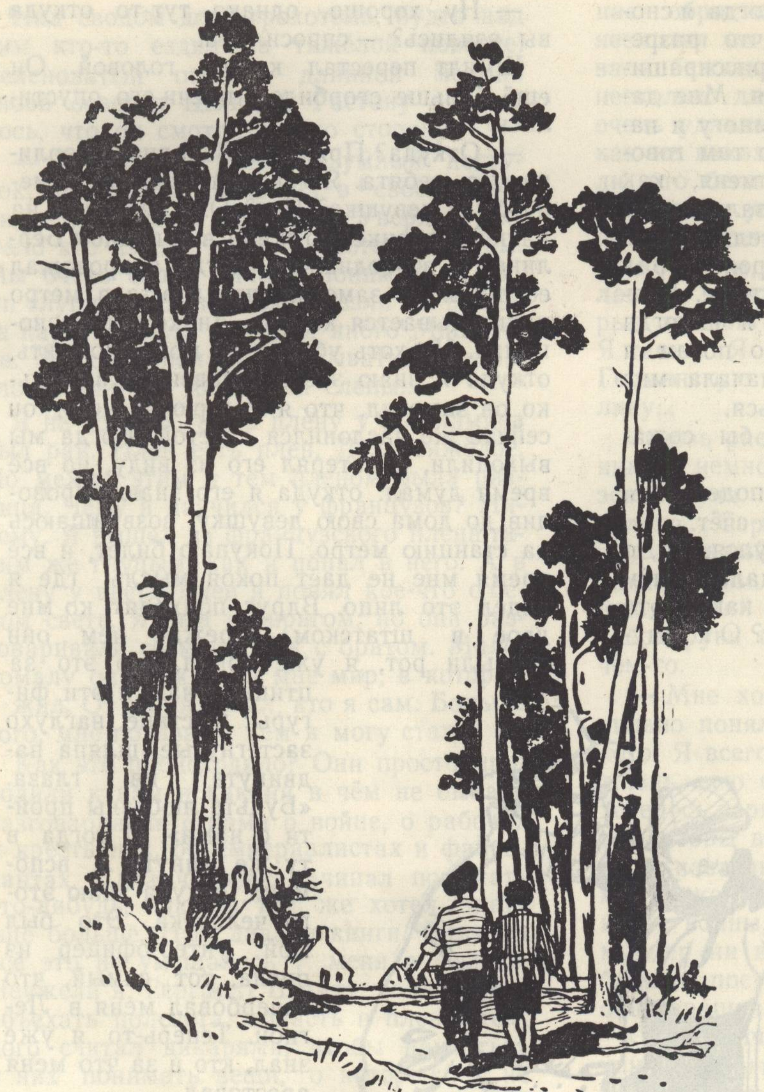

«Будьте любезны пройти с нами».

— Ну, хорошо, однако тут-то откуда вы взялись? — спросил он.

Шмидт перестал качать головой. Он ещё больше сгорбился, плечи его опустились.

— Откуда? Прямо из Западного Берлина. Да, ребята. Я говорил вам, что у меня была девушка? Нет? Она работала на нашей фабрике, но жила в Западном Берлине. И вот однажды, когда я провожал её домой, я заметил, что кто-то в метро приглядывается ко мне. Знакомая физиономия. Но хоть убей, я не мог вспомнить, откуда я знаю этого человека. Как только он заметил, что я смотрю на него, он сейчас же заслонился газетой. Когда мы выходили, я потерял его из виду, но всё время думал: откуда я его знаю. Проводив до дома свою девушку, возвращаюсь на станцию метро. Покупаю билет, и всё время мне не даёт покоя мысль: где я видел это лицо. Вдруг подходят ко мне двое в штатском. Прежде чем они открыли рот, я уже понял, что это за птицы. Знаю я эти фигуры: жёсткие, наглухо застёгнутые, шляпа надвинута на глаза. «Будьте любезны пройти с нами». И тогда в ту же минуту я вспомнил, откуда знаю этого человека. Это был мой унтер-офицер из плена, тот самый, что завербовал меня в Легион. Теперь-то я уже знал, кто и за что меня арестовал.

«У тебя, братец, есть неоплаченный счёт, который надо оформить», — говорят мне в комиссариате, ну, и выдают меня французской жандармерии. Дело о дезертирстве из Легиона. Десять лет каторги. Судить меня должен был военный трибунал в Оране, и меня повезли туда. Но я решился на всё. Когда мы миновали французскую границу, за мной уже не следили так строго. Я воспользовался первой возможностью и вы-

Гастон вёл Бернара по дорожке.

прыгнул из поезда. Теперь вы знаете, как я здесь оказался.

Длительное молчание наполнило дот. Гроза ещё громыхала на горизонте, но через отверстие в стене уже сочился ясный свет.

— А почему вы не стараетесь попасть обратно в Германию? — спросил Гастон.

Шмидт беспомощно развёл руками.

— Я думал об этом. Но ведь именно на границе и должны искать меня особенно усердно. Я считал, что будет разумнее податься в противоположную сторону. Наконец, я ведь вам говорил... это единственный уголок во всей Франции, который я знаю. Мне казалось, что здесь я легче придумаю выход. Когда человек бежит, он становится похож на зверя: он думает только о том, чтобы отыскать какую-нибудь нору и закопаться в ней.

Бернар смотрел в землю. Противоречивые мысли проносились у него в голове. Он не мог, не умел ухватиться ни за одну из них и молчал, чувствуя, как в нём попеременно берёт верх то жалость, то неприязнь.

— А чего же вы здесь ждёте? — участливо спросил Гастон.

Шмидт вздрогнул, как будто бы вопрос поразил его в сердце.

— А что же мне делать? Где мне искать помощи? Человек в одиночестве — ничто. Я боюсь, что здесь каждый крестьянин, услышав, что я немец, немедленно выдаст меня. Так что же? Выходит, я должен сдаться?

Лицо его стало упрямым.

— Добровольно не сдамся, даже если я здесь подохну. Если одолеют меня, что ж поделаешь! Но сам я отсюда не выйду.

И вдруг ему показалось, что оба мальчика как-то странно на него смотрят. Он с беспокойством поднял голову. В глазах у него загорелся внезапно проснувшийся страх.

— Но вы ведь меня не выдадите, ребята? — Он изучал их обоих пристальным взглядом. — Не выдадите, правда?..

* * *

Когда Гастон и Бернар возвращались по краю опушки, солнце уже клонилось к океану. Грозовые тучи ещё лежали на горизонте узкой тёмной полосой. Мягкий ветер дул с моря и кружил над холмами жёлтую сосновую пыль.

Ребята шли молча. Каждый из них посвоему переживал историю Гергардта Шмидта. Гастон шёл с опущенной головой, сдвинув брови, плотно сжав губы, что-то обдумывая. Бернар боролся с со-

бой. Рассказ Шмидта потряс его до глубины души. Убогий вид беглеца, жадность, с какой он набросился на принесённую еду, страх, притаившийся в его глазах, — всё это не могло не действовать на Бернара. С какой радостью он помог бы беглецу скрываться от полиции и жандармерии всего света! Ему вспомнилось всё, что он читал на подобные темы. Ах, если бы Шмидт не был немцем, да ещё дезертиром из Легиона! Пусть бы он уж, наконец, был немцем, но, например, немцем из ГДР, разыскиваемым коммунистами! Вот тогда бы Бернар всем показал! А так... Что делать со скрывающимся немцем, который сдался в плен, потом сам стал большевиком и должен справедливо предстать перед военным трибуналом за дезертирство?

Бернар взглянул на Гастона. Он так же, наравне с Бернаром, отвечал за общую тайну. Пусть же он скажет что-нибудь.

— Гастон, что же нам делать с ним?

Гастон рассеянно посмотрел на него.

— Ему нельзя там оставаться, — ответил он.

— Но что же тогда?

— Надо что-то придумать. Только я ещё не знаю, что.

И снова они долгое время шли молча. Наконец Гастон предложил:

— Знаешь, что? Лучше всего — посоветуемся-ка мы с дядей...

Бернар недовольно поморщился.

— Не боишься? А если он наделает нам неприятностей?

Гастон покачал головой.

— Нет, я всегда во всём советуюсь с дядей. Все в Мимизане с ним советуются.

— Как хочешь, — ответил Бернар, — мне всё равно.

Однако он с завистью подумал о том, что сам-то он не решился бы рассказать обо всём отцу. Может быть, он поступил плохо? Может быть, это надо было сделать?

— Если хочешь, мы можем сразу же пойти к твоему дяде. Мои старики вернутся поздно. У меня есть время.

Они повернули в лес и пошли по дороге в Мимизан. За их спинами солнце косо проглядывало сквозь кроны сосен. Жёлтые тучи пыльцы кружились между деревьями.

— Ладно, — сказал Гастон. — Только ты не пугайся. Дядя плохо дышит. У него астма, и, когда зацветают сосны, он чувствует себя хуже. Пыльца вредна ему.

Они продолжали идти, глядя, как их длинные тени бегут впереди по дороге.

— Все уговаривают дядю перебраться в другой район, где нет леса. Но он не покидал леса в течение двадцати лет. Он не смог бы жить без него.

Солнце ещё рдело между ветвями сосен, когда ребята дошли до Мимизана. Гастон вёл Бернара по дорожке. Они миновали церковь и памятник погибшим воинам. На опушке леса посреди полукруглой поляны стоял чистенький домик, окружённый кустами цветущей сирени. Перед домом росла покрытая цветами магнолия, под ней стояла скамейка, а на ней сидел дядя Гастона и курил трубку.

Ребята поздоровались с ним и присели на траве. Бернар с интересом присматривался к дяде Гастона. Это был уже пожилой человек, седой и усатый. На лице и на руках его были видны пятна от смолы, которая навсегда въелась в его кожу. На голове у него был большой берет, какие носят в Ландах пастухи. Дышал он, пыхтя трубкой, тяжело и громко. Из груди у него вырывались свистящие хрипы, будто там играли на органе.

— Надо что-то придумать, — сказал Гастон. — Только я ещё не знаю, что.

— Вы не были сегодня в лесу? — спросил Гастон, увидев на ногах дяди сапоги: в лес ходили в сабо[1].

— Нет, — ответил дядя, — я сегодня не был в лесу. Я был на собрании. Будем бастовать. — Он вытряхнул пепел из трубки, постучав ею о край скамейки. Заметив на лицах мальчиков любопытство, он продолжал далее с явным удовольствием: — Будет забастовка, а как же! Мы будем бастовать до тех пор, пока владельцы лесов не откажутся от снижения платы за смолу. Мы требуем тридцать три франка и пятьдесят сантимов за литр собранной смолы, а они хотят платить нам только двадцать восемь франков за литр. Стало быть, мы не будем её собирать. С завтрашнего дня в Ландах начнётся всеобщая забастовка смолокуров. Будет на что посмотреть! Семнадцать тысяч смолокуров перестанут подвязывать миски и двинутся лесом в Монт-де-Марсан. Там будет митинг. Будем бастовать.

Он обернулся к Бернару.

— А вы, молодой человек, видели когда-нибудь, как идут люди леса? Нет? Ну, так посмотрите завтра! Кажется, что идёт сам лес. Идут по всем дорогам, по всем просекам и тропинкам, со всех сторон. Мы будем идти и идти!

Он указал зажатой в руке трубкой на лес. Мальчики повернулись вслед за его рукой. Рыжие стволы сосен пылали в огне заката. У каждого дерева виднелась глиняная мисочка, в которую стекала тёплыми каплями смола.

— Владельцы грозят, что скорее лишатся всего сбора смолы, чем выполнят наши требования. Посмотрим!

Он поднял руку и сжал её в кулак, как бы грозя кому-то.

— Лес может быть ихним, но смолы они без нас не соберут!

От него веяло спокойствием, которому его научили леса. Только свистящее дыхание вздымало его пышные усы.

— Ну, так вы можете теперь поехать на несколько дней к бабке, — проговорил Гастон, — пока цветут сосны...

— Вот как! — возмутился дядя. — А кто будет в это время бастовать за меня? Весь лес бастует, — значит, и папаша Бляшье бастует.

Гастон вытянул шею, как птица, увидевшая что-то тревожное. По дорожке

Это был уже пожилой человек, седой и усатый.

на фоне сосен двигались два жандарма, ведя велосипеды.

— Они, наверное, крутятся здесь потому, что должна быть забастовка, — сказал Гастон.

Папаша Бляшье старательно набивал табаком трубку.

— Может быть, и поэтому. Но, кроме того, они кого-то ищут. Ходят и расспрашивают, не видал ли кто в окрестностях кого-нибудь чужого.

Мальчики украдкой обменялись взглядами. Дядя Бляшье продолжал спокойно набивать трубку, поглядывая на них исподлобья.

— А вы никого не видели? Может быть, это разыскивают именно того, кто крал у Гастона рыбу?

Гастон вскочил, как ошпаренный.

— Вы им рассказали?

Папаша Бляшье перестал набивать трубку. Лёгкая усмешка пробежала у него под усами.

— Сказал ли я? Нет, не сказал. Хотя это, конечно, наша рыба. Всегда бывает лучше, когда не говоришь всего, что знаешь. Особенно, когда ещё ничего не известно.

Он притворился, будто внезапно заинтересовался ребятами и внимательно к ним присматривается.

— Но вы-то уж наверняка кое-что знаете! Что-то вы у меня выглядите как-то так...

[1] Сабо — башмаки на деревянной подошве или выдолбленные из дерева.

Гастон громко глотнул слюну.

— Знаем, — сказал он. — Мы знаем, дядя, кого они ищут.

Дядя Бляшье не проявил ни малейшего удивления. Он долго раскуривал трубку. Гастон ждал, вперив в него глаза.

— Если ты хочешь что-нибудь сказать, парень, так говори, потому что у меня нет охоты тянуть тебя за язык, — медленно произнёс дядя, попыхивая трубкой.

Гастон и Бернар рассказали всё, что знали. Папаша Бляшье выслушал довольно сбивчивый рассказ ребят, не издав ни звука. Когда Гастон окончил, Бляшье долго прочищал прутиком трубку. В груди у него клокотало всё сильнее. Наконец он спросил:

— Ну и что же вы думаете делать?

Гастон жадно смотрел на дядю.

— Мы как раз хотели посоветоваться с вами. Потому что Бернар считает, что нужно сразу же известить полицию...

Бляшье погасил улыбку, теплившуюся у него под усами:

— А ты не слишком уверен, что полиция уладит это дело наилучшим образом?

Гастон не отвечал. Он сидел, высоко задрав колени, и с ожесточением рвал длинные травинки.

— Но ты рассказал своему товарищу, почему ты не чувствуешь доверия к полиции?

Гастон покачал головой.

— Нет? А жаль. Может быть, так было бы лучше...

Он обернулся к Бернару, молча слушавшему их разговор.

— Гастон предпочёл бы не вспоминать об этом. Его мать была насмерть раздавлена американской военной машиной во время прошлогодней демонстрации в Шатору. Работницы военных заводов вышли на демонстрацию против Атлантического пакта. Американская «Эм-Пи» [1], чтобы разогнать демонстранток, врезалась на автомобилях в их ряды.

Некоторое время дядя Бляшье пыхтел трубкой, глядя на становившийся тёмным лес.

— Отец Гастона приговорён к году тюремного заключения за то, что расклеивал листовки, рассказывающие правду о приготовлениях к войне, в которую хотят втянуть наш народ. Теперь он отбывает свой срок в Бордо.

Папаша Бляшье вытащил трубку изо рта и ткнул ею в сторону Бернара.

— Теперь, молодой человек, вы понимаете, почему Гастон проводит каникулы на «Серебряном Побережье».

В голосе его прозвучала лёгкая ирония.

Бернар сидел, словно окаменевший. Он чувствовал, как кровь приливает к его лицу. У него начали гореть щёки и виски. «Что я здесь делаю? — думал он с отчаянием.— Что я здесь делаю? Как теперь выпутаться из всего этого? Отец был прав... Здесь одни коммунисты!»

Дядя Бляшье внимательно приглядывался к нему. Пальцами, тёмными от смолы, он подёргивал свой ус. Бернару показалось, что маленькие глазки дяди Бляшье пронзают его насквозь.

— Мне кажется, молодой человек, — заметил немного погодя Бляшье,— что лучше всего оставить всё, как есть. Зачем вмешиваться в это дело?

Бернар слышал его громкое дыхание. Он мотнул головой, как жеребёнок. Папаша Бляшье, повидимому, понял это движение как знак протеста, так как продолжал далее:

— Мы его не выдадим. Этот Шмидт скрывается от тех же самых людей, которые убили мать Гастона, держат в тюрьме его отца, угрожают снижением платы смолокурам, а его самого, Шмидта, обрекли на безработицу, втянули в грязную войну и теперь намерены приговорить к каторге. Вы понимаете, молодой человек? На него покушаются те же, кто покушается на нас!

При последних словах он ткнул трубкой сначала в Гастона, затем себе в грудь.

Бернар почувствовал, как кровь медленно отливает у него от лица. Ему вдруг захотелось оказаться дома, с отцом и матерью, среди понятий и истин, усвоенных с детства, знакомых и привычных, хоть и сжимающих иногда горло, как чересчур накрахмаленный воротничок.

Дядя Бляшье взглянул поверх леса на небо. Высокие облака ещё розовели, нижние уже бледнели и становились серыми, словно они полиняли от солнца.

— Уже поздно. Возвращайтесь-ка домой, молодой человек.— Он подал знак Гастону. — Гастон вас проводит.

Бернар вскочил на ноги.

— Нет, спасибо, — поспешно произнёс он,— я сам найду дорогу.

Он побежал по тропинке, не попрощавшись.

[1] «Эм-Пи» (МР) — американская военная полиция.

Папаша Бляшье обтёр рукавом трубку и сунул её в кисет. Он смотрел вслед Бернару, пока тот не исчез среди деревьев.

— Шмидт не может оставаться там,— громко сказал Гастон.— Дядя, надо что-нибудь сделать.

Некоторое время оба молчали. Гастон заговорил первым:

— Может быть, мы могли бы спрятать его среди наших? Ведь когда отец бежал из гитлеровского плена, польские крестьяне скрывали его до конца войны...

Дядя Бляшье покрутил головой:

— Дело скверно... Этот твой приятель... У нас и так из-за этой забастовки соберётся полиция со всего департамента.

Гастон убеждённо возразил:

— Бернар не выдаст.

Дядя Бляшье с сомнением покачал головой:

— Не знаю... Похоже на то, что дома он расплачется и выложит всё, что знает.

Он усиленно обдумывал что-то, почёсывая подбородок.

— Можно бы его и спрятать. Только нужно переправить его к товарищам в Монт-де-Марсан. Как же его туда переправить? Столько полиции... А завтра этот митинг...

Вдруг он стукнул себя по лбу. В груди у него захрипело:

— Быстро, Гастон! У нас маловато времени! До завтрашнего дня Шмидт должен быть уже в лесу Святой Евлалии. Если этот докторский сынок проболтается... А завтра... Или мы переправим его завтра, или никогда!..

В это время Бернар бежал по дороге через лес. Под деревьями залегла густая тьма. Вечерняя тишина заполнила поляны и, остановившись, застыла между сосен. На дороге, прямой, как стрела, не было ни одной живой души. Бернар оглянулся. Мимизан остался далеко, невидимый за лесом. Он почувствовал себя ужасно одиноким. Он не мог больше бежать. Сжав

Сжав кулаки, Бернар шёл по краю дороги и всхлипывал.

кулаки, он шёл по краю дороги и всхлипывал от горестного чувства одиночества.

Подъехавший сзади автомобиль полоснул его светом фар и остановился. Кто-то закричал оттуда:

— Бернар!

Мальчик бросился к машине с протянутыми руками, крича:

— Мама! Папочка!

Доктор Оливье сурово взглянул на него.

— Где это ты таскаешься, дитя? — спросил он голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Побойся бога,— с упрёком сказала мать, усаживая Бернара около себя на заднее сиденье,— как ты мог оказаться так далеко от дома, да ещё так поздно?

Бернар понуро молчал.

— Отвечай же, по крайней мере! — гневно бросил отец.— Разве ты не знаешь, что в округе неспокойно? Коммунисты сеют беспорядки, а полиция ищет по всем Ландам какого-то дезертира. Легко могло бы произойти что-нибудь скверное.

Бернар упорно молчал, стиснув изо всей силы кулаки и зубы, чтобы не разреветься.

— Хорошо,— холодно сказал доктор Оливье.— Если тебе угодно, мы поговорим об этом дома.

После ужина госпожа Оливье удалилась в свою комнату, не поцеловав сына.

Она оставила его с глазу на глаз с отцом, как этого потребовал доктор Оливье.

Прошло не менее часа, прежде чем доктор Оливье вошёл в спальню.

— Ну что? — спросила госпожа Оливье, подымая глаза от книги, которую тщетно пробовала читать.

Доктор Оливье пожал плечами, злой и подавленный:

— Ничего не хочет говорить. Даже не плачет. Только сидит, нахохлившись, и смотрит на пол.

Госпожа Оливье поднялась с кушетки.

— Дай-ка я с ним поговорю: по-матерински...

Доктор Оливье закурил сигару, уже вторую после ужина. Большими шагами он ходил по комнате. Наконец это ему надоело, и он уселся в кресло. Сигара показалась ему невкусной. Он дал ей потухнуть, продолжая держать её в зубах и время от времени недовольно качая головой.

Госпожа Оливье долго не возвращалась. Появившись на пороге, она нежно улыбнулась.

— Ничего страшного, мой дорогой, ручаюсь тебе, ничего страшного. Мальчик немного заупрямился.

Она села напротив мужа и, откинув спокойным жестом волосы со лба, добавила:

— Мимизан-Пляж на этот раз как-то плохо на него действует. Лучше всего будет завтра же вернуться в Бордо...

Доктор Оливье вынул изо рта сигару и раскрошил её в пепельнице.

— Ты права. Так будет лучше всего.

На следующий день семейство Оливье ранним утром выехало из Мимизан-Пляжа. Бернар сидел рядом с матерью, бледный, с покрасневшими веками. Доктор Оливье направил машину к главному шоссе. Лес стоял весь в лучах раннего солнца. Над ним кружилось жёлтое облако пыльцы цветущих сосен. Издалека поблёскивал океан. Ещё несколько минут был слышен его шум, потом его заглушило шуршание сосен. Когда доктор Оливье доехал до того места, где просека выходила на шоссе, он внезапно затормозил.

— Что случилось? — спросила госпожа Оливье.— Поломка?

Доктор Оливье указал вперёд, на дорогу. По шоссе тянулись какие-то войска. Дорога во всю свою ширину была занята грузовиками и танками. Время от времени по обочине её проезжал «джип», из которого торчали белые шлемы с чёрными буквами «МР». Чужеземный говор стоял над колонной.

— Американцы.

Госпожа Оливье дотронулась до плеча мужа.

— Поедем. Это слишком напоминает оккупацию.

Доктор Оливье возмутился.

— Что же ты хочешь, моя дорогая! Мы — одна из Атлантических держав.

Он повёл глазами вдоль колонны.

Они повернули обратно в лес. Устланная опавшей хвоей дорога мягко шелестела под колёсами. Доктор Оливье, медленно ведя машину, достал карту и старательно изучал её уголком глаза.

Из боковой просеки вышла толпа людей и миновала автомобиль. Едва она скрылась за деревьями, как другая, ещё более многочисленная толпа показалась из леса. Это были мужчины в ландских беретах. Бернар прильнул к окну. Он узнал в них смолокуров.

Машина семейства Оливье кружила по лесным дорогам, минуя просеки и поляны. Бернар смотрел, как зачарованный. Из леса со всех сторон, по всем дорогам и

Мать оставила его с глазу на глаз с отцом.

Из леса по всем дорогам и тропинкам шли смолокуры.

тропинкам, по просекам и просёлкам шли смолокуры. По дороге к ним присоединялись пастухи с длинными палками в руках, лесорубы с топорами у пояса, подростки и девушки. Шёл неисчислимый ландский лес. Маленькие ручейки движущихся людей сливались в один поток и снова выливались из леса, направляясь в Монт-де-Марсан. Чем больше они приближались к главному шоссе, тем более они напоминали реки, спешащие к устью.

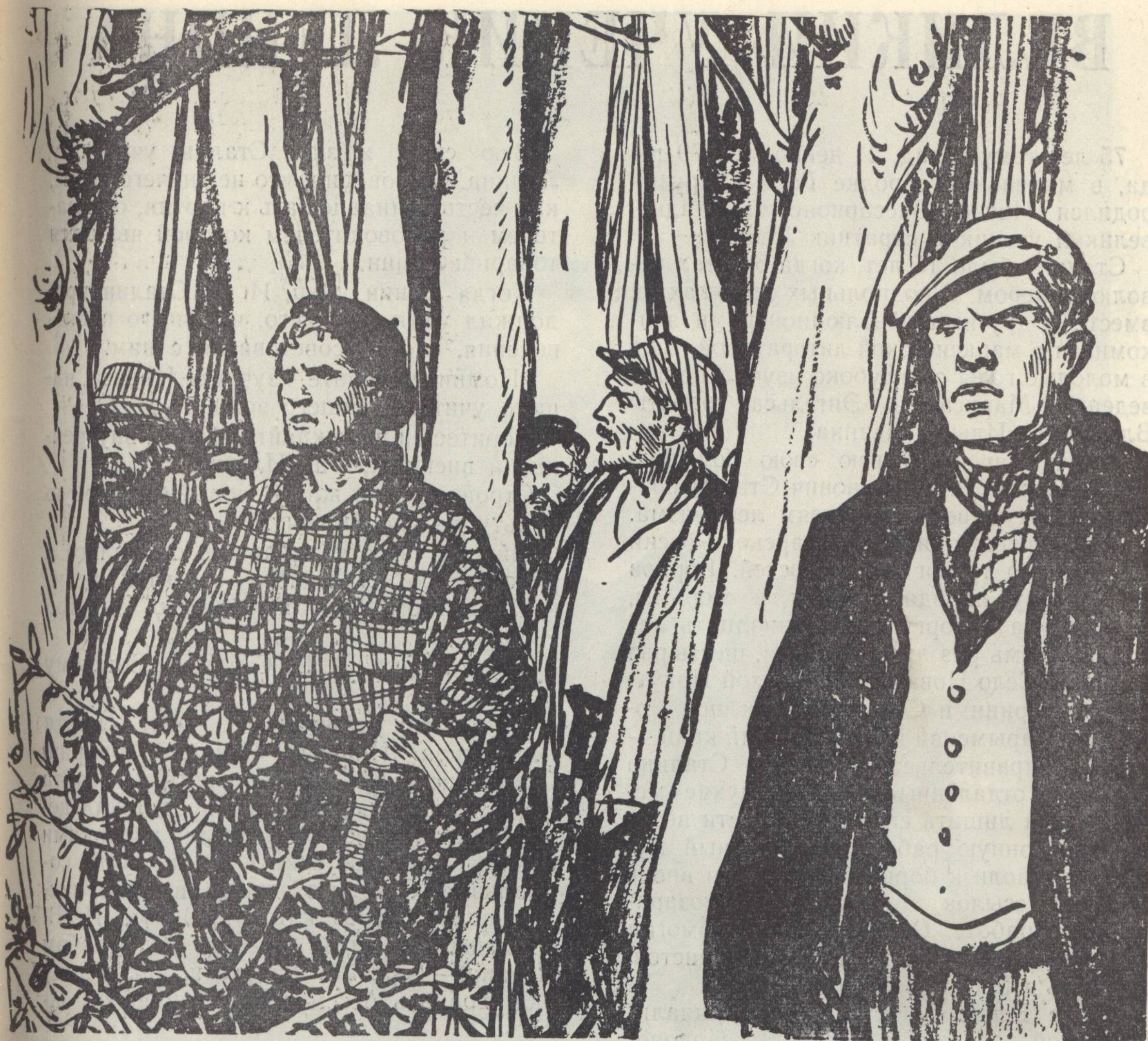
Доктор Оливье был вынужден снова остановить машину. Он с раздражением наблюдал, как перед радиатором машины расступились люди.

— Именно так и выглядит наше положение,— с горькой иронией заметил он жене.— С одной стороны — американцы, с другой — революция.

Машина Оливье всё медленнее пробиралась по лесным дорогам, запорошённым жёлтой пыльцой, заполненным лавиной двигавшихся людей. Бернар смотрел, до боли сморщив лоб. Он чувствовал себя невероятно несчастным.

В глубине леса, в том месте, где большие просёлочные дороги, подобно звёздным лучам, сбегаются в одну точку, Бернар увидел Гастона.

Гастон шёл рядом с дядей, время от времени бросая на него сияющий взгляд. Чувство светлой радости наполняло его сердце. Он видел на поворотах дорог ряды дружно шагавших людей. Гастон улыбался при мысли о том, что среди тысяч

Казалось, шёл неисчислимый ландский лес.

смолокуров, идущих объявить забастовку, и тысяч лесорубов и пастухов, присоединившихся к ним, идёт по лесу Гергардт Шмидт. И он, Шмидт, среди бела дня на виду у всех селений, которые они проходили, окружённый товарищами, был в большей безопасности, чем в безлюдном, заброшенном доте.

Гергардт Шмидт, вырванный у прошлого, с которым он порвал, шёл вперёд, охраняемый живой стеной рабочей солидарности, перед которой бессильны полиция всего департамента, жандармерия всей Франции, вооружённые силы всех Атлантических держав.

Бернар рванулся из рук обнимавшей его матери и начал стремительно опускать стекло автомашины.

— Гастон! — крикнул он изо всех сил.— Гастон! Я не сказал! Не сказал!..

Нога доктора Оливье сильнее нажала на педаль. Машина рванулась вперёд, как конь, ужаленный шпорами. Бернар увидел лицо Гастона, медленно повернувшееся к машине, увидел, как взгляд его заскользил по стеклу. И прежде чем лес и двигавшаяся по нему толпа скрылись за поворотом, он успел поймать взгляд своего друга. И хотя он уже не слышал слов, слетавших с губ Гастона, радость, от которой распирало грудь, подтвердила ему, что Гастон услышал его.

Перевела с польского

Зинаида Шаталова.

ВЕЛИКИЙ УЧЕНИК ЛЕНИНА

75 лет тому назад, 21 декабря 1879 года, в маленьком городке Гори в Грузии родился Иосиф Виссарионович Сталин, великий ученик и соратник Ленина.

Сталину было 15 лет, когда он стал революционером. В подпольных кружках он вместе с другими революционерами знакомился с марксистской литературой. Ещё в молодые годы он глубоко изучил произведения Маркса и Энгельса, работы Владимира Ильича Ленина.

С тех пор через всю свою большую жизнь Иосиф Виссарионович Сталин пронёс глубокую верность идеям ленинизма.

Жизнь революционера в царской России была полна тревог и опасностей. Борцов за свободу народа сажали в тюрьмы, ссылали на каторгу. За одиннадцать лет Сталина семь раз арестовывали, шесть раз ссылали. Село Новая Уда в глухой Иркутской губернии и Сольвычегодск под Вологдой, Нарымский и Туруханский край — царское правительство ссылало Сталина в самые отдалённые, самые глухие места, чтобы лишить его возможности вести революционную работу. Но, полный мужества и воли к борьбе, он вновь и вновь бежал из ссылок и каждый раз возвращался к работе. Он неутомимо помогал Ленину сколачивать партию коммунистов, готовить в России революцию.

После Великой Октябрьской социалистической революции Иосиф Виссарионович Сталин стал одним из ближайших помощников Ленина в строительстве нового, социалистического общества.

Первые годы были особенно трудными. Враги пытались разгромить молодую Советскую республику. Против нас войной шли армии четырнадцати государств. Владимир Ильич Ленин объявил: «Социалистическое Отечество в опасности!» Зная железную волю и мужество И. В. Сталина, партия посылала его на наиболее опасные и тревожные участки фронтов.

Когда окончилась гражданская война и наша страна приступила к мирному строительству, коммунисты избрали И. В. Сталина Генеральным секретарём Центрального Комитета партии.

Всю свою жизнь Сталин учился у Ленина. Он говорил, что нет ничего выше, как честь принадлежать к партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин.

Когда Ленин умер, И. В. Сталин продолжал учиться у него, читая его произведения, словно советовался с ним.

«Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя.

Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних,— по Ильичу.

Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру,— по Ильичу.

Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое,— в этом один из важных заветов Ильича».

Так говорил И. В. Сталин советскому народу.

Почти три десятилетия после смерти Владимира Ильича Ленина товарищ Сталин во главе Центрального Комитета Коммунистической партии продолжал дело Ленина, вместе с другими учениками Ленина вёл Советский Союз по пути социализма. С честью сдержали коммунисты нашей страны клятву, данную И. В. Сталиным от имени партии над гробом Ленина,— беречь в чистоте и, как зеницу ока, хранить бессмертные ленинские заветы.

Наша Советская страна стала могучей социалистической державой, оплотом и надеждой трудящихся всего мира. Некогда, как одинокий утёс, возвышалась она над капиталистическим миром. Ныне под знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина встали миллионы людей. По пути социализма идут великий Китай, Корея, Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния, Албания, Монголия, Германская Демократическая Республика.

Дело Ленина, которое продолжал Иосиф Виссарионович Сталин, бессмертно. Всё ярче светятся перед нашим народом огни коммунизма. Славная Коммунистическая партия уверенно ведёт нашу страну к великой цели.

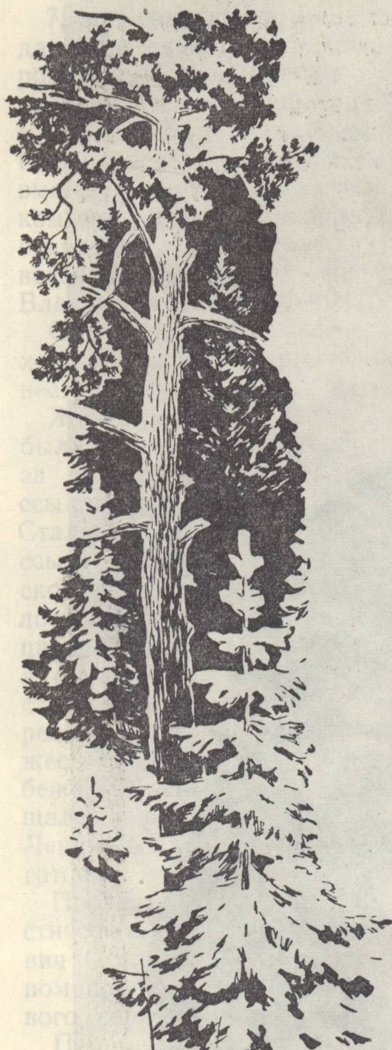

Иосиф Виссарионович Сталин.

Зимняя сказка

Яков Аким

Рисунки Л. Тараканова.

Лыжи скользят,
На морозе звеня.
В ельник дремучий
Уводит лыжня.

Елки едва
Из-под снега видны,
Будто в лесу
Не бывало весны.

Зимняя сказка...
И в тишине
Дятел стучит
На промёрзлой сосне.

А лыжи бегут,
Километры покрыв.
Вот и опушка,
А дальше обрыв.

Где-то внизу,
Под настилом ледка,
Серым пятном
Изогнулась река.

А рядом, нарушив
Снежный покой,
Красная Шапочка
Машет рукой.

Машет: съезжай, мол,
Подумаешь, страх!
Красная Шапочка
В лыжных штанах.

Это, пожалуй,
Не сказка, не сон!..
Вышел к обрыву я,
Грудь колесом.

Шапку поглубже надел
Для тепла,
Палки назад,
И — была не была!

Только секунду,
Может быть, две
Ветер свистит
Не в ушах, в голове.

Лыжи несут по ухабам.
Прыжок!
Вязаной шапочки
Алый флажок.

Носом прочерчена
Дальше лыжня...
Девочка тащит
Из снега меня.

— Ты,— говорит,—
Ничего, молодцом!..
Зимняя сказка
С хорошим концом.

Е. Рубцова
Рисунки С. Пивоварова.

ГАЛИЛЕЕВА ТРУБА

Почти триста пятьдесят лет назад в итальянском городе Падуе тёмным январским вечером профессор математики Падуанского университета Галилео Галилей навёл на звёздное небо необыкновенную трубу, «приближающую» далёкие предметы. Он своими руками построил эту трубу, и ему хотелось поскорей испытать её.

На небе яркой точкой светился Юпитер — планета, известная людям с давних времён. Сколько раз следил Галилей за движением этой блестящей точки среди звёзд! Но теперь, в поле зрения трубы, Юпитер представился взору учёного не точкой, а ярким желтоватым диском, вокруг которого, словно гоняясь друг за другом, двигались четыре крохотных спутника.

Из ночи в ночь, будто зачарованный, наблюдал за ними Галилей. Он видел, как каждый спутник Юпитера кружится по своей орбите, он видел затмения спутников, когда они проходили через тень, отбрасываемую Юпитером.

Труба открыла Галилею немало других, неведомых в то время вещей. Он увидел горы на Луне, увидел, что Венера выглядит то блестящим диском, то половиной круга, то узким серпом — совсем как наша Луна. Он увидел, что Млечный путь — это множество звёзд, невидимых простым глазом...

Во времена Галилея были известны только пять больших планет: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн.

С тех пор прошло много времени. Были открыты и другие планеты — спутники Солнца, и спутники этих спутников, и множество крошечных планеток — астероидов. Телескопы, в десятки и сотни тысяч раз сильнее галилеевой трубы, и другие точные астрономические приборы помогли узнать много нового о «сёстрах» и «братьях» нашей Земли.

Недалеко уже то время, когда первые межпланетные корабли оторвутся от Земли и полетят в свои далёкие рейсы. Это будет, обязательно будет, ребята! А пока давайте совершим, хотя бы в мыслях, путешествие по главным планетам солнечной системы. Наша мысль в одно мгновение перенесёт нас не только на любую планету, но и на самые далёкие звёзды, от которых даже свет идёт к нам много тысячелетий.

Итак, в дорогу!

СКОРОХОД

Если бы планеты могли заниматься спортом, у них чемпионом по бегу наверняка был бы Меркурий. Он мчится по своей орбите в полтора с лишним раза быстрее, чем Земля по своей, и в десять раз быстрее, чем движется самая дальняя от Солнца планета, Плутон.

Но не случайно носится Меркурий вокруг Солнца с такой быстротой. Дело в том, что он очень близко от Солнца. По законам механики, чем ближе одно небесное тело к другому, тем сильнее притяжение между ними. Если бы не быстрота, Меркурий не смог бы преодолеть солнечного притяжения и упал бы на Солнце.

Есть у Меркурия и другая особенность: обегая свою орбиту за восемьдесят восемь земных суток, он за то же время делает только один поворот вокруг своей оси, и это происходит из-за близости к Солнцу. Солнечным притяжением как бы тормозится суточное вращение Меркурия. Прежде Меркурий вращался быстрее, но за многие миллионы лет, под влиянием тормозящего действия Солнца, вращение постепенно замедлялось. И вот теперь у Меркурия и год и сутки одной длины. На одном его полушарии вечный день, а на другом — вечная ночь; он всегда повёрнут к Солнцу одной и той же стороной.

Чтобы представить себе это, проделайте простой опыт. Возьмите любые два предмета, например, чайник и чашку. Пусть чайник будет Солнцем, а чашка — Меркурием. Обводите чашку вокруг чайника таким образом, чтобы она всё время была к нему повёрнута ручкой. Как раз к тому времени, когда чашка опишет полный круг по своей «орбите», она сделает и полный поворот вокруг своей оси.

Теперь, когда опыт проделан, вернёмся на Меркурий. Лучи Солнца падают день за днём, год за годом, столетие за столетием на его «дневную» половину. Они накаляют её до четырёхсот двенадцати градусов выше нуля! В такой жаре плавится свинец, так что не рассчитывайте, попав на Меркурий, освежиться купанием в прохладной реке. Здесь нет воды и в помине, а почва планеты раскалена, как в печке.

Зато на другой, на «ночной», стороне планеты стоит трескучий мороз. Впрочем, неправильно называть его трескучим. Звук — это волновые колебания воздуха, а на Меркурии воздуха нет. Когда там от страшного жара и жестокого холода раскалываются и рушатся камни, всё происходит бесшумно, в зловещем и мёртвом молчании.

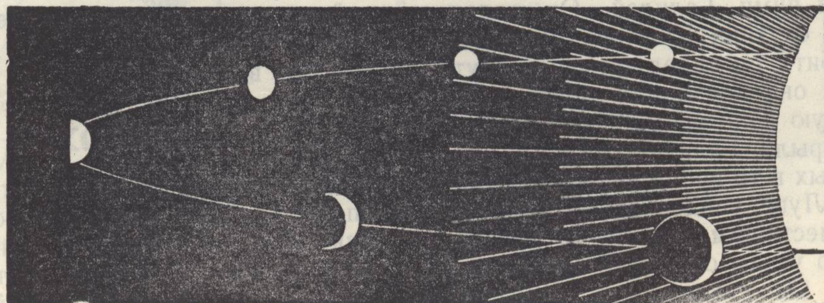
Меркурий гораздо меньше Земли. Его поперечник равен примерно половине земного, его масса в двадцать пять раз меньше земной, и сила тяжести на Меркурии почти в четыре раза меньше, чем на Земле. Поэтому вас, приспособленных к земным условиям, на Меркурии ожидают сюрпризы. Вам нужно, например, перебраться через небольшую расселину. Вы делаете лёгкий прыжок и... взлетаете вверх метра на два. Вы вздумали догнать своего товарища, ушедшего вперёд, но вместо того, чтобы бежать, вы мчитесь длинными скачками, словно кенгуру.

Впрочем, вряд ли кому пришла бы охота прыгать и бегать на раскалённом Меркурии. Чтобы испытать, как действует уменьшение силы тяжести, лучше выбрать планету попрохладнее.

НЕЗНАКОМКА В ПОКРЫВАЛЕ

В солнечной системе нет другой планеты, которая так походила бы на Землю, как Венера. Сравните сами: поперечник у Венеры всего на 383 километра меньше, чем у Земли. Плотность вещества только на четыре десятых меньше земной. Масса почти такая же, как у Земли. Атмосфера тоже есть у обеих.

Но, несмотря на то, что Венера к нам ближе всех больших планет, мы о ней очень мало знаем, потому что её сплошным покрывалом окутывают облака. И ни разу ещё никто не видел хотя бы ма-

И Меркурий и Венера выглядят по-разному, в зависимости от того, с какой стороны от Солнца мы их видим.

Такими увидели бы мы Землю с Луной и Солнце, улетая в ракете на Марс.

ленького кусочка поверхности Венеры. Какая она: ровная, гористая? Есть ли на ней жизнь? Какой длины там сутки? Ничего этого мы не знаем.

Смена дня и ночи зависит от скорости вращения планеты вокруг своей оси. Учёные определяют эту скорость, следя за тем, как перемещается от края до края диска какая-либо приметная точка на поверхности планеты. Но у Венеры не за что зацепиться глазу: виден только бесконечно изменчивый облачный слой.

Всё, что известно о температуре, о составе воздуха Венеры, относится к верхним частям её атмосферы, лежащим выше этого облачного слоя. И вот оказывается, что на основании этого можно судить о том, быстро ли вращается Венера.

На освещённой и нагретой Солнцем стороне планеты температура не бывает выше шестидесяти градусов тепла, а на теневой спускается лишь до двадцати градусов мороза. Это значит, что Венера вращается вокруг своей оси не очень медленно и Солнце нагревает у неё то одно, то другое полушарие.

Одни астрономы предполагают, что сутки Венеры равны тридцати земным, другие — что двадцати. Третьи считают, что Венера совершает полный оборот вокруг своей оси всего за шесть земных дней и, значит, там три дня день, а три — ночь.

Конечно, более частая смена дня и ночи была бы удобнее для обитателей Венеры, если бы они существовали. Но существуют ли они?

Прежде в научно-фантастических книгах жизнь на Венере представляли похожей на жизнь Земли в каменноугольный период. Вечно пасмурное небо проливает непрерывные дожди. Грохочут грозы. В тёплом и влажном воздухе, насыщенном испарениями тропических болот, летают стрекозы в метр величиной. Среди зарослей гигантских папоротников и хвощей бродят неповоротливые, тяжёлые ящеры, а под извилистыми корнями, в тёмной болотной жиже копошатся неведомые водяные твари...

Но учёные, исследуя Венеру, вернее, то, что находится выше облачного покрывала, сделали удивительное открытие. С помощью особого прибора, спектрографа, они узнали, что в верхних слоях её атмосферы очень много углекислого газа и почти совсем нет ни кислорода, ни водяных паров. Это было большой неожиданностью: ведь казалось, Венера — двойник Земли!

Впрочем, вероятно, и в земной атмосфере когда-то было много углекислого газа. Нашу атмосферу изменили растения. Весь атмосферный кислород Земли выработан развившимися на ней растениями.

Кто знает, может быть, на Венере ещё только пробуждается жизнь? Может, там сейчас появляются первые зелёные обитатели, крохотные водоросли, которых пока слишком мало, чтобы обогатить воздух планеты кислородом?

Но ведь для них, для этих микроскопических растений, обязательно нужна вода. А есть ли она на Венере? Отсутствие водяных паров как будто бы говорит против этого. Если там состав воздуха такой же до самых нижних слоёв, на Венере жизни нет.

НЕВИДИМКА

Если смотреть на неё с Венеры, она сверкает зеленовато-голубым светом и выглядит ярче самых ярких звёзд. Но мы никогда не видим эту планету на небе, потому что она... слишком близка к нам.

Мы живём на ней. Это наша Земля. Глядя с Венеры в хороший телескоп, мы заметили бы на Земле светлые пятна океанов, и, как доказательство того, что это действительно водные пространства, иногда на них ослепительно сверкающей точкой было бы видно отражение Солнца.

Наш глаз уловил бы смутные очертания материков. Местами чуть зеленоватые — там, где они покрыты растительностью, — местами с серо-жёлтым или красноватым оттенком — там, где мёртвыми песками раскинулись пустыни, — материки Земли то скрывались бы из глаз за вуалью облаков, то снова появлялись бы в просветах между ними. Мы обнаружили бы горные хребты по тени, которая протягивается от них вечером. Мы даже смогли бы по длине тени вычислить высоту земных гор, как вычислена астрономами Земли высота гор на Луне. Мы видели бы снежные шапки на полюсах. Видели бы, как, чередуясь каждые полгода, эти шапки растут и уменьшаются то в южном, то в северном полушарии.

Но из-за рассеивающего действия земной атмосферы все эти подробности были бы видны, словно в дымке, а края земного диска казались бы нам расплывчатыми и туманными.

Ещё интереснее было бы взглянуть на Землю с Луны.

Луна всегда повёрнута к Земле одной стороной, так же, как Меркурий к Солнцу. На обращённом к нам полушарии Луны Земля никогда не уходит за горизонт; она неподвижно стоит среди лунного неба.

Солнце освещает Землю с разных сторон, и Земля видна с Луны в разных фазах: в «полноземлие» она выглядит большим диском и заливает лунные горы и долины голубоватым светом, в восемьдесят раз более ярким, чем свет, который шлёт на Землю Луна в полнолуние.

Во всей солнечной системе нет второй такой пары, как Земля с Луной. Многие планеты имеют крупных спутников, но только у Земли спутник такой большой по сравнению с нею самою. Лунный поперечник всего лишь в три с половиной раза меньше земного.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Когда вы смотрите на Марс, он кажется вам красноватым. Именно этим он и обязан тому, что его назвали Марсом. Так

Ярким голубоватым светом озаряет Земля лунные горы и равнины в «полноземлие».

назывался бог войны у древних римлян. Имя римского бога войны было дано этой красноватой планете потому, что цвет её казался зловещим, напоминал о кровавых битвах. Двух маленьких спутников Марса тоже назвали соответствующими именами: Фобос и Деймос. Это значит Страх и Ужас.

С середины прошлого века все начали

особенно интересоваться Марсом, потому что вооружённые телескопом астрономы открыли на нём какие-то пятна и полосы. Стали строить догадки: не моря ли — эти пятна? А полосы — не каналы ли, построенные обитателями Марса?

Сравнительная близость Марса к Солнцу, смена времён года, снеговые шапки на полюсах, присутствие атмосферы — всё это наводило на мысль, что там возможна жизнь. Одни писатели в своих романах населяли Марс людьми, у которых наука и культура достигли неизмеримо более высоких ступеней, чем на Земле. Другие — представляли себе марсиан чудовищами вроде пауков или осьминогов, шагающих на высоких металлических треногах, безжалостными завоевателями, вторгающимися на Землю, чтобы истребить людей и завладеть нашей планетой.

Но по мере того, как накоплялись знания о Марсе, фантазии о марсианах бледнели и отступали перед научными фактами. Оказалось, что на Марсе условия не очень подходящие для жизни. Атмосфера Марса такая разреженная, как у нас в стратосфере, на высоте пятнадцати—двадцати километров. Никаких морей на Марсе нет. Но белые полосы инея, заметные в телескоп вдоль границы ночной тени, показывают, что в марсианском воздухе всё же есть водяные пары. Снеговые полярные шапки тают при наступлении марсианской весны, и пятна на поверхности Марса приобретают синевато-зелёный оттенок. Советский астрофизик Г. А. Тихов своими исследованиями показал, что эту окраску могут дать растения. Правда, не все наши учёные с ним согласны, потому что окраска поверхности может меняться и от других причин.

Разреженный воздух Марса плохо хранит тепло. Только на экваторе, и то к полудню, поверхность планеты нагревается до тридцати градусов. Ближе к полюсам и в середине лета температура не выше шести градусов тепла. А в ночное время даже летом на всей планете становится холодно, как зимой.

А теперь представим себе, что мы на Марсе. Лиловое небо без единого облачка раскинулось у нас над головой. Вокруг красновато-оранжевая равнина тянется до самого горизонта. Неподвижными волнами лежат барханы песка. Время от времени порыв ветра вздымает их высокими столбами, закручивает в смерчи, тучами гонит по пустыне.

На оранжевой поверхности Марса заметны зеленоватые пятна, а на полюсе — яркобелое пятно снега.

Давайте выберемся поскорее из зоны песков! Это будет не так уж трудно, потому что сила тяжести на Марсе почти в четыре раза меньше, чем на Земле, и мускулам нашим, натренированным в земных условиях, на Марсе легко даётся любое движение. Только надо обязательно надеть кислородные маски: здесь трудно дышать нам, привыкшим к плотному воздуху Земли...

Вот мы и добрались до «зелёной зоны». Но как не похожи эти растения на земные! Кудрявые серебристо-серые или голубые лишайники и почти синие мхи стелются по камням, прижимаются к земле, будто ищут у неё защиты от холода.

Вечереет. С востока и с запада восходят сразу две марсианские «луны», два спутника Марса: Деймос с востока, а Фобос с запада. Почему же это Фобос бежит по небу в обратном направлении, словно «мальчик наоборот»?

Отгадка тут очень интересная, но за ней нам придётся на минуту возвратиться на Землю и полюбоваться восходом нашей Луны. Мы видим, как она поднимается на востоке и заходит на западе. А на самом деле Луна движется вокруг Земли с запада на восток. Но и Земля вращается вокруг своей оси в том же направлении, только в несколько раз быстрее. Находясь на земной поверхности, мы как бы обгоняем Луну, и нам кажется, будто она движется в обратном направлении, с востока

на запад. Точно так же, когда мы смотрим из окна быстро идущего поезда на другой, более медленный, нам кажется, что медленный поезд идёт назад.

Теперь вернёмся к Фобосу. Он движется гораздо быстрее, чем вращается Марс вокруг своей оси. Каждая точка на экваторе Марса проходит 125 метров в секунду, а Фобос за это же время успевает пробежать по своей орбите без малого два километра. Потому он и восходит на западе.

Эта проворная маленькая «луна» успевает несколько раз за марсианские сутки прогуляться по небу.

ВЕЛИКАН И ЕГО СЕМЕЙСТВО

Юпитер — самая большая планета солнечной системы. Его поперечник в одиннадцать раз больше земного. Тысяча двести девяносто пять планет объёмом с Землю вместились бы внутри этого великана. Но вещество Юпитера обладает очень малой плотностью: оно всего лишь на тридцать восемь сотых плотнее воды.

Юпитер довольно медленно идёт по своей орбите и с необыкновенной быстротой вращается вокруг своей оси. Это планета-волчок: сутки Юпитера длятся 9 часов 55 минут 41 секунду.

Из-за быстрого вращения Юпитера покрывающие его облака всегда вытянуты полосами параллельно экватору. Облака так густы, что поверхность планеты никогда не бывает видна.

Но почему же облака Венеры мешают точно определить её суточное вращение, а у Юпитера оно высчитано до секунд? Потому что учёным помогло таинственное красное пятно, уже восемьдесят лет наблюдаемое на Юпитере. С его помощью удалось определить скорость вращения планеты.

Но, оказав услугу астрономам, само пятно осталось для них загадкой. Раньше его считали озером раскалённой лавы, над которым горячие потоки воздуха пробивают окно в облаках.

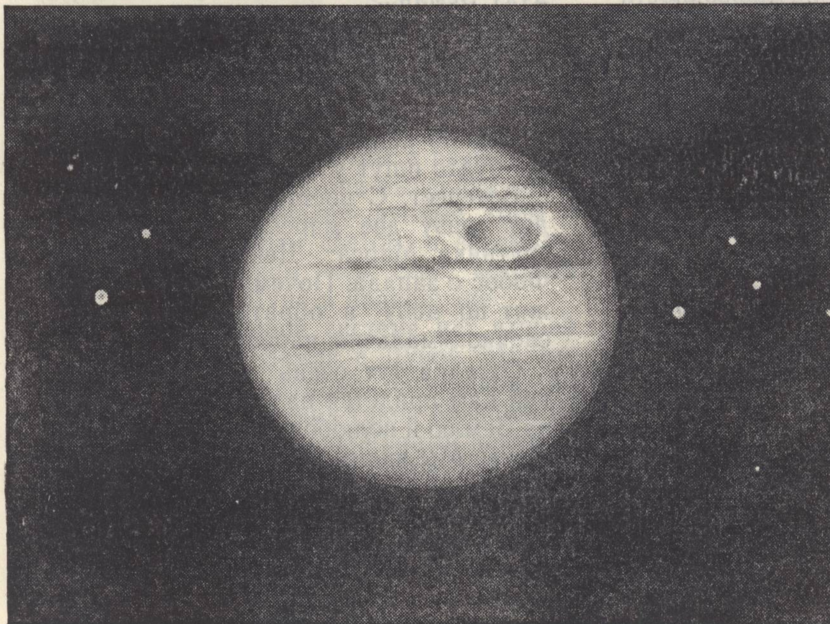
После того как была измерена температура Юпитера, так не думают. Красное пятно не может быть озером раскалённой лавы. На Юпитере 140 градусов мороза!

Вы, наверное, слышали про газ водород. Если вам случалось понюхать нашатырный спирт, вам знаком и газ аммиак. С метаном вы встречаетесь каждый раз, как подносите спичку к газовой горелке. Вот из этих трёх газов — водорода, метана и аммиака — состоит обширная атмосфера Юпитера. Эта атмосфера в сотни раз толще земной и в тысячи раз плотнее. В нижних слоях она плотна, как твёрдое тело.

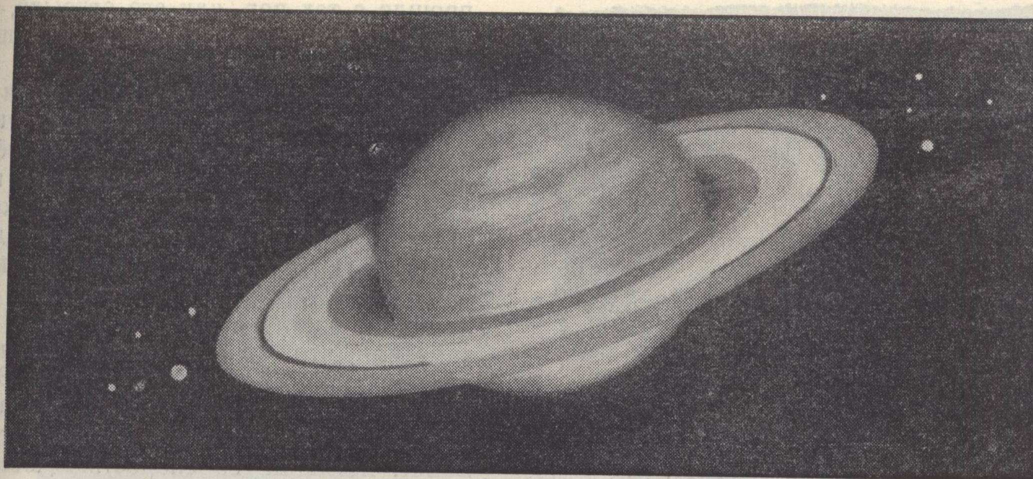
А теперь, когда вы это уже знаете, вернёмся к красному пятну. Его тайна всё ещё не разгадана до конца, но учёные думают, что это кусок какого-то очень лёгкого вещества, который держится в плотном воздухе Юпитера.

Размер пятна — сорок пять тысяч километров в длину и десять тысяч в ширину. На нём, как яблоки на блюдечке, улеглись бы два земных шара. Подумайте, какой же плотной должна быть атмосфера Юпитера, если красное пятно, этот гигантский остров, не тонет в ней!

Три с половиной столетия минули с той ночи, когда Галилей первый раз посмотрел в свою трубу и увидел возле Юпитера четырёх

Так выглядит Юпитер в телескоп. Вы ясно различаете и полосы облаков и таинственное красное пятно.

Сатурн, опоясанный тремя плоскими кольцами, сопровождаемый девятью спутниками, поражает всякого, кто смотрит на него впервые.

спутников. С тех пор открыты ещё восемь. Значит, всего их двенадцать.

Четыре спутника Юпитера, открытые ещё Галилеем — Ио, Европа, Ганимед и Каллисто,— самые крупные из двенадцати. Ио больше нашей Луны, Европа — немного меньше, а Ганимед и Каллисто крупнее даже, чем Меркурий. Остальные планетки совсем маленькие. Против Юпитера они — как маковые зёрнышки против арбуза.

САТУРН

С каждой следующей планетой мы всё дальше уходим от Солнца. Орбита Сатурна лежит от него в десять раз дальше, чем орбита Земли.

Сатурн во всём похож на Юпитера: и медленным движением вокруг Солнца, и быстрым вращением, и своими размерами, и своей малой плотностью. Она у Сатурна даже меньше, чем у воды. Если бы найти подходящий по величине океан, чтобы погрузить туда эту огромную планету, она бы не потонула, а всплыла, как пробка.

У Сатурна почти такая же большая свита, как у Юпитера. Девять планет кружатся около него по своим орбитам. Самая большая из них — Титан.

Десять лет назад Титан привёл в изумление астрономов всего мира тем, что у него оказалась атмосфера. Из всех планетных спутников он единственный обладатель атмосферы. Но, кроме Титана с его атмосферой, у Сатурна есть ещё одна достопримечательность. Его опоясывают плоские и блестящие кольца. Таких колец нет ни у одной из планет солнечной системы. С первого взгляда кажется, что Сатурн в шляпе с широкими полями.

Кольца огромны. Их наружный край образует круг поперечником в 275 тысяч километров. Ширина их такая, что на ней можно было бы уместить рядком десять таких планет, как Марс. А толщина колец — всего пятнадцать километров. Поэтому, когда кольца повёрнуты к нам ребром, они становятся невидимыми.

Больше двухсот лет учёные ломали голову над загадкой колец, пока русский астроном А. А. Белопольский не доказал, что это миллионы мелких спутников Сатурна: маленьких камешков, больших каменных глыб, замёрзших газовых частиц.

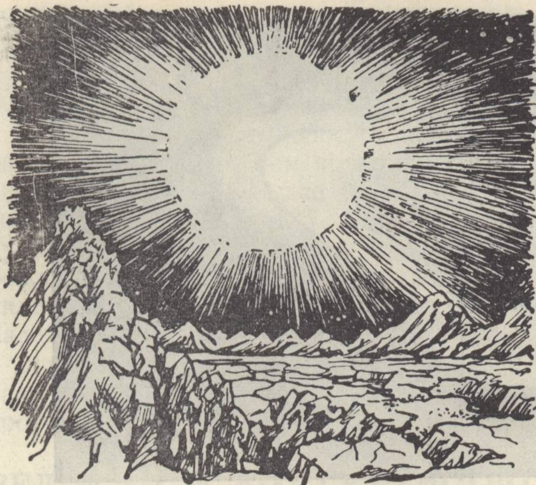
Кольца Сатурна светятся очень ярко, потому что всё это множество осколков сильно отражает солнечные лучи.

Но откуда же взялась такая многочисленная свита у Сатурна? Тут может быть только два ответа: либо это остатки того материала, из которого образовался сам Сатурн и вся его семья, либо это десятый спутник Сатурна, который подошёл к нему слишком близко и был разорван силами притяжения.

ЦЕПОЧКА ОТКРЫТИЙ

Уран относится всё к той же группе планет-гигантов, которые расположились во внешних областях солнечной системы и так непохожи на внутренние планеты, подобные Земле.

До середины прошлого столетия считалось, что Ураном заканчивается список планет солнечной системы. Но Уран сам

С Меркурия Солнце кажется огромным, ослепительно ярким...

заставил учёных изменить это мнение и помог им «выследить» ещё одного спутника Солнца. Это интересная история.

Если бы планеты испытывали только притяжение Солнца, они двигались бы по очень правильным, почти круговым орбитам. Но все планеты тоже притягивают друг друга, а это изменяет и усложняет их путь. Такие изменения в астрономии называются возмущениями.

Астрономы умеют заранее вычислить, каковы будут возмущения, насколько отклонится планета от своего пути. И вот было замечено, что Уран ведёт себя не так, как все. Кроме возмущений, возникающих под влиянием Юпитера и Сатурна, у него оказались ещё и другие, которые не удавалось объяснить.

Тогда молодой французский математик Урбэн Леверрье подумал, что тут замешана какая-то неизвестная планета. На основании неправильного поведения Урана он вычислил путь планеты; определил, в какое время и в каких точках неба её надо искать. Свои вычисления Леверрье послал астроному Галле, и Галле в первую же ночь обнаружил планету в точке, предсказанной математиком.

Так был открыт восьмой спутник Солнца, названный Нептуном. Это было торжеством науки, победой разума, точной человеческой мысли. Ведь Леверрье ни разу не видел Нептуна ни до, ни после открытия. Он узнал и его массу, и его путь в пространстве, и его скорость с помощью математики.

Нептун совершает один оборот вокруг Солнца за 164 года. Вот уже 108 лет прошло с тех пор, как его открыли, а он всё ещё не закончил свой год, всё ещё не обошёл свою огромную орбиту.

Зато, совсем как Уран, он своими возмущениями «выдал» астрономам существование девятой планеты. Но, удалённая от нас почти на шесть миллиардов километров, она затерялась среди множества слабых звёзд. Только через пятнадцать лет, в 1931 году, её «поймали» почти случайно: сравнивая две фотографии, сделанные с одного и того же участка неба, заметили, что одна звёздочка сильно переместилась среди других звёзд. Это и был девятый спутник Солнца, названный Плутоном. Он так далёк от нас, что самолёт, летящий со скоростью шестисот километров в час, летел бы до Плутона больше тысячи лет.

Вечный холод в 210 градусов и вечный сумрак царят на Плутоне. Солнце с этой планеты выглядит маленькой звёздочкой.

А на небе далёкого Плутона Солнце трудно отличить от других звёзд.

Путь у Плутона большой, а движется он прямо-таки черепашьим шагом. Почти двести сорок восемь лет длится год Плутона. Много поколений сменится на Земле, пока Плутон закончит свой круг...

* * *

Вот мы и дошли до границ солнечного мира, ребята. Дальше отделённые от нас огромными пространствами пылают другие солнца-звёзды, с другими семьями планет, и как ни обширна солнечная система, она только крошечный кусочек ещё более обширного мира, звёздной Вселенной.

АРАГАЦ. **О. Зардарян.**

За горными перевалами, за каменными кручами Главного Кавказского хребта раскинулись земли трёх цветущих советских республик: Азербайджана, Армении и Грузии. Здесь помещены картины художников Закавказья. Они показывают нам кусочки живой, сегодняшней жизни этих республик.

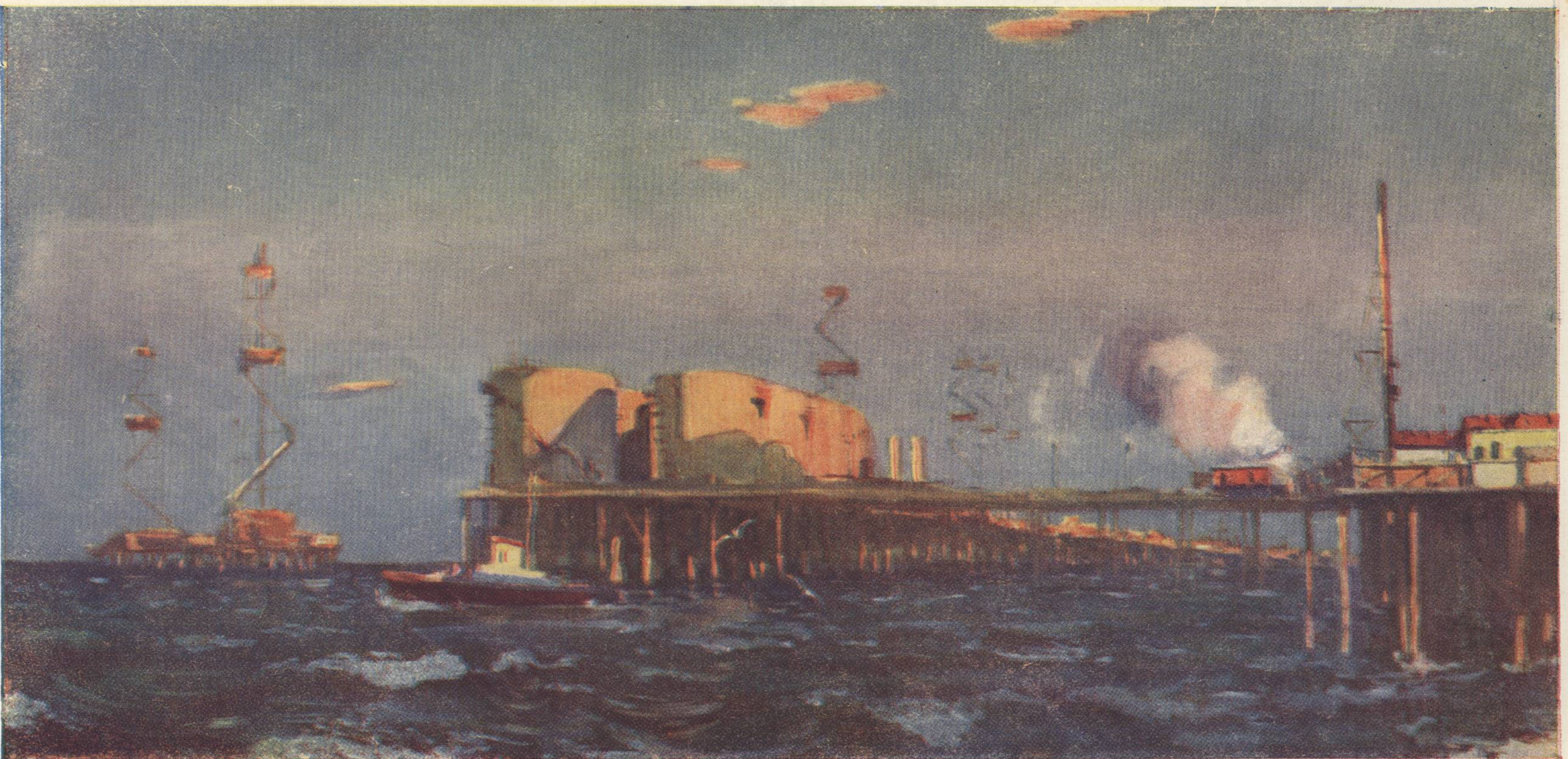
Картина художника О. Зардаряна называется «Арагац». Художник раскрывает нам красоту своей родной Армении. Широкая панорама горных склонов, золотые квадраты полей среди зелёных пастбищ, а вдали, в лиловой дымке, Арагац, одна из красивейших вершин Армении. Его воспел в своих стихах любимый поэт армянского народа Аветик Исаакян.

Нефть — великое богатство Азербайджана. Сейчас научились добывать её даже в открытом море: бурить скважины в морском дне. Картина художника Б. Мирза-заде, на следующей странице, показывает нам нефтепромыслы в море. Среди синих волн позолоченные лучами солнца стоят на мощных сваях огромные резервуары. Здесь хранится нефть. Отсюда льётся она в трюмы огромных танкеров — теплоходов, перевозящих нефть.

А рядом — красивый и светлый город. Это Баку, сердце нефтяных промыслов, столица Азербайджана. Художники Н. Абдурахманов и Н. Касумов нарисовали приморский бульвар. Рядом с красивой зеленью скверов на ровной глади асфальта — непрерывный поток машин. А за стеной деревьев — бакинский порт с его кипучей, шумной жизнью.

На картине грузинского художника П. Датебашвили — новый гигантский металлургический завод — завод в Рустави. Если бы мы могли, как в сказке Андерсена, шагнуть через рамку внутрь картины и совершить путешествие по нарисованным художником местам, мы увидели бы позади заводских корпусов и коксовых печей большой красивый город, который вырос здесь вместе с этим заводом.

На следующей странице — картина художника Р. Мирзашвили «На склонах Эльбруса». Уже давно прошло то время, когда Эльбрус считался неприступной вершиной. На первом плане картины — по горной тропе цепочкой идут альпинисты. Сквозь туман и вечернюю мглу приветливо светят им огоньки «Приюта одиннадцати». Это название осталось от времён первых восхождений на Эльбрус. Теперь здесь трёхэтажная гостиница, которая может служить приютом не одиннадцати спортсменам, а по крайней мере сотне.

РЕЗЕРВУАРЫ. Б. Мирза-заде

БАКИНСКИЙ ПЕЙЗАЖ. Н. Абдурахманов, Н. Касумов.

ЗАВОД В РУСТАВИ. П. Датебашвили.

НА СКЛОНАХ ЭЛЬБРУСА.

Р. Мирзашвили.

СЕДОЙ

РАССКАЗ

А. Шаров

Рисунки В. Константинова.

Седой шевельнулся на мягкой подстилке из древесной стружки, поднял голову и прислушался.

Солнце зашло, это он почувствовал сразу. Ночной воздух с далёкими запахами зверей, выходящих на охоту, проникал и сюда. Бобр соскользнул в нижний коридор норы, но тут помедлил, близорукими глазами вглядываясь в темноту.

Внизу было холоднее. Слышалось, как вода лениво лижет стены норы. Бобр пробирался по закруглённому коридору, останавливаясь у каждого выхода. Эти выходы он различал по запахам. Были ворота верхней норы, ход на них вился под землёй, кончаясь на обрывистом берегу в корнях старой ветлы; были ворота плотины, ворота короткого выхода, очень удобного в случае опасности, и много других.

Бобр свернул в боковой ход, нырнул и, с силой рассекая воду, поплыл к берегу.

Ручей жил обычной жизнью. Маленький выхухоль, не без основания боящийся всего на свете, услышав шум, повёл острым хоботком, вильнул плоским безволосым хвостом и забился под корягу. Впрочем, разглядев Седого, он сразу успокоился и, наверно, подумал, если только умел думать:

«Как хорошо, что на свете живут не только щуки и сомы, которые так и норовят проглотить тебя, и как хорошо, что хозяин в ручье — справедливый старый бобр, каким, несомненно, является Седой!»

А выдра повернула голову вслед бобру, но при этом не перестала заниматься своим делом: она лежала на дне под продушиной и хвостом поднимала ил и песок, мутила воду, надеясь, что мелкие и глупые рыбёшки заинтересуются этой сумятицей и приплывут к ней в лапы.

Но мелкие рыбы не появлялись: либо они стали слушаться старших, либо улеглись спать.

Несмотря на неудачу, выдра водила хвостом из стороны в сторону так мерно и

неутомимо, что могло показаться, будто ко дну ручья, как к стене комнаты, прикреплены часы с маятником — подводные ходики.

Неожиданно ходики остановились, выдра вынырнула в продушину, глотнула воздух и метнулась за почти неразличимой в темноте щукой.

Щука открыла зубастую пасть, но поздно: бросившись снизу, выдра сомкнула челюсти, перекусила щучью глотку и потащила рыбу к берегу.

Ручей жил обычной жизнью, а хозяин его, Седой, отталкиваясь от воды сильными задними лапами с широкими плавательными перепонками, плыл к намеченной цели. Он не был любопытен и в молодости, а к старости научился заниматься только самым важным, не отвлекаясь посторонним.

Из густой шубы и из ноздрей бобра поднимались пузырьки. Наталкиваясь на лёд, они образовывали ровную, словно из серебристого бисера, дорожку. Такой след из мельчайших капелек влаги оставляет иногда самолёт в небе.

Бобр подплыл к берегу, заросшему кустарником, и пошёл хорошо утоптанной тропкой. По краям тропки сугробами громоздился снег. В одном месте тропку пересекали две нити следов: овальные отпечатки, напоминающие медвежью лапу, а рядом небольшие круглые, глубоко продавившие снег кружки. Бобра эти следы не удивили и не обеспокоили.

У старой ветлы Седой остановился и огляделся. При свете луны внизу темнел гребень плотины. Выше плотины ручей разлился, образовав озеро. К тропинке примыкал участок свежих бобровых погрызов; правее от пеньков ив, сваленных бобрами год и два года назад, уже потянулись молодые ветви; было похоже, что вдоль берега узкой полосой прошла необычайной силы буря, сломала и унесла все деревья, которые встретились на пути.

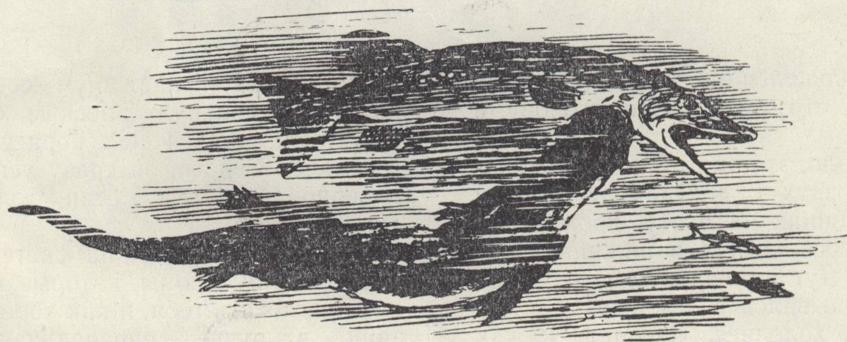
Следы вели к большому пню. Там, глубоко задумавшись, сидел человек с деревянной ногой; правая, здоровая нога была в валенке. Заметив Седого, лесник Фёдор Гордеевич Трошин слегка кивнул бобру, как старому знакомому.

По существу, и бобр и человек были озабочены одним и тем же: приближалась весна, по всей видимости, дружная, бурная и многоводная,— каждому жителю леса предстояло по-своему приготовиться к ней.

То, что весна близко, было ясно и без календаря. Снег вокруг деревьев потемнел. Из-под сугроба на тропку выбился слабый ручеёк; ночью он замерзал, но днём таяние возобновлялось.

Бобр соскользнул с берега на лёд и побрёл к плотине. Трошин проводил его взглядом. Ночь выдалась светлая и тихая. В такую ночь хорошо думается, и леснику вспомнилось время, когда Седой был бобрёнком, когда не было здесь ни плотины, ни озера — давнее время.

...Служил тогда Трошин за двести километров от здешних мест, в Фёдоровском заповеднике, звероводом бобровой фермы. Работа Трошину нравилась; нравилось и то, что ему, человеку одинокому, никто не мешает подниматься когда вздумается ночью и часами наблюдать за жизнью зверей.

Как-то в свободную минуту Трошин сказал Валентине Андреевне, заведующей зверофермой:

— Я так предполагаю, от бобров и пошли сказки про русалок. Очень похоже, когда они из воды вылезают: хвосты вроде рыбьи, стоят рядышком на задних лапках, будто только что хоровод водили...

— Ну, я себе русалок представляла

красивее,— рассмеялась Валентина Андреевна.

Трошин поглядел на девушку неодобрительно, но спорить не стал и отошёл.

Старое, давнее время...

Трошину вспомнились первые месяцы войны. В день, когда фашисты прорвались у станции Фёдоровской, пришло распоряжение постройки заповедника сжечь, а зверей с фермы выпустить в реку, чтобы они не достались врагу.

Приказ Трошин исполнил, как ни больно было разрушать то, во что вложена вся жизнь; только Седого, сильного годовалого бобрёнка, с мехом, отливающим серебром, он захватил с собой в партизанский отряд.

Вторую неделю лесами и болотами отряд уходил от врага. Командир приказал выбросить всё, даже самое необходимое, чтобы унести как можно больше боеприпасов и продовольствия. Но Трошин оставил бобрёнка у себя. Седой лежал в вещевом мешке за спиной, сжавшись возле гранат и пулемётных лент.

На девятый день бобра обнаружили.

— Ты как, до самой победы думал вместе с бобром воевать? — строго спросил командир.

— Не знаю,— отозвался Трошин.— Только я не мог поступить иначе, поскольку мы на этих зверей столько труда положили. Когда война кончится, что ж, тогда сначала всё начинать? Да и как начнёшь, если бобров совсем не останется?

Седой лежал на середине лесной поляны, испуганно поглядывая на окружавших его партизан. В ночном свете мех бобра ещё сильнее отливал серебром и, казалось, светился.

— Даётся тебе два часа на бобра, устраивай, как знаешь,— сказал командир.

Тогда-то Трошин отыскал в лесу ключ, от которого через заросли молодого осинника пробивался ручеёк. На берегу лежала сваленная ветром старая ветла, под корнями её он вырыл нору для Седого.

«Бобр молодой, трудно ему будет самому построить домик,— думал Трошин, торопливо роя землю сапёрной лопаткой.— Да и как бы волк не задрал Седого, пока тот построит себе нору!»

Партизаны ушли до рассвета и только через полгода снова попали в прежние места. За это время отряд выдержал много боёв, почти половина старых бойцов погибла, а Трошин потерял правую ногу. Через семь месяцев он вернулся из госпиталя в строй.

Пробираясь сквозь густой кустарник к ручью, он сразу увидел осиновые пни с коническими погрызами и по следам, по

количеству поваленных деревьев определил, что Седой обзавёлся семьёй.

Бобры не теряли времени даром. Через ручеёк протянулась плотина метров в пятьдесят длиной, и выше неё разлилось озеро, совсем изменив здешние места.

«Быть тебе хозяином над всеми водяными крысами, выдрами и выхухолями, которые непременно обживутся здесь,— подумал тогда Трошин.— Над утками, которые прилетят весной, и над рыбами. Быть тебе хозяином, Седой, потому что только благодаря тебе появилось это лесное озеро и потому что нет и никогда не будет в нём зверя более умного, работящего и сильного. Это уж так! Это я знаю!»

* * *

Трошин сидел на пне, вспоминал прошлое и наблюдал за тем, что происходило кругом.

Бобр взобрался на гребень плотины и издал негромкий шипящий звук. Два чёрных бобрёнка — сыновья Седого — вынырнули из полыньи и поспешили на зов отца; матери с ними не было: ещё осенью, до заморозков, её задрали волки. Отец и сыновья дружно принялись за дело. Слышался скрип резцов, хруст сухих сучьев. Бобры прогрызали отверстие в плотине, отрываясь иногда, чтобы оглядеться и прислушаться. Уже светало, но семья продолжала работу.

В глубине леса проревел олень, дятел с силой ударил по коре, прошумел ветер, и почти неслышно упал большой пласт снега, обнажив зелёную лапу ели. Ещё один звук внезапно прибавился к тем, что наполняли лес: это вода рванулась сквозь плотину. Расширив отверстие, проделанное бобрами, она падала с метровой высоты в нижнее течение ручья.

Седой прислушался к усиливающемуся шуму, бросился к полынье и скрылся.

А вода, обрадовавшись свободе, сильной узкой, как нож, струёй падала из озера в ручей, плавила снег, с шумом дробилась о лёд.

Вода в озере постепенно убывала. Потеряв опору, лёд, покрывающий озеро, начал медленно оседать; он хрустнул слабо и робко у припая, потом образовались широкие трещины, и с грохотом огромными глыбами лёд провалился в воду, нависая шатрами у берегов и плотины.

Ещё несколько минут грохот ломающегося льда стоял над лесом, всё заглушая, заставляя всё живое прислушиваться к необычным в эту пору звукам. Потом снова стало тихо. Дятел, качнув остроносой головой, принялся долбить дерево; вода в обмелевшем озере тихо билась о стены норы, надёжным чёрным плащом прикрывая входы. Выдра продолжала охотиться; выхухоль, перепугавшийся больше всех, перевёл дыхание, и только олень долго ещё стоял посреди лесной поляны под старой сосной, принюхиваясь раздувающимися ноздрями, готовый встретить опасность и предупредить товарищей.

Наконец и он успокоился, поднял красивую голову и помчался прямо через дорогу по просыпающемуся лесу.

Трошин встал и, припадая на деревянную ногу, пошёл к себе в сторожку. По пути он часто останавливался, собирая ветки и валежник.

У порога Трошин свалил хворост, несколько минут посидел на ступеньках и, тихо насвистывая что-то, принялся за работу.

Он клал ветки, хворост, сухие брёвна ряд за рядом, один ряд вдоль порога, другой — поперёк, придавливая их, чтобы они лежали возможно плотнее. Потом он вдвинул в середину кладки в виде распорок два круглых полешка, образовалось нечто вроде входа, и вся кладка стала походить на большое гнездо. Тогда несколько раз крест-накрест он обмотал это гнездо проволокой.

— Вот и готово,— сказал себе Трошин.

Пахло смолой от сосен, карауливших домик, и особой весенней сыростью — запахами, от которых кружится голова и теснит в груди.

Солнце поднялось уже высоко, и Трошин пошёл отдыхать. Поспав часа два, он принёс воды из колодца, вымылся до пояса над деревянной кадкой, вскипятил закоптелый чайник, позавтракал и открыл дверь. Дел на сегодня было много. Посмотрев в совершенно безоблачное небо, глотнув тёплый воздух, Трошин заторопился. Он прикрепил верёвку к проволоке, крепко опутывавшей кладку, взвалил её на санки и медленно зашагал знакомой тропкой к бобровому озеру.

Снег стал ещё более ноздреватым, оседал и таял. Кора на деревьях и хвоя были мокрыми и блестели на солнце. На концах веток нависали большие капли и падали с еле слышным звенящим шумом. Густая дымка висела над землёй, смягчая все предметы и как бы прикрывая от постороннего взгляда то важное и значительное, что совершалось в лесу. Ручьи, подмёрзшие было под утро, проломили кружевной ледок и с журчанием прокладывали себе дорогу всё дальше и дальше.

«Весна!»—подумал Трошин и невольно ускорил шаги.

Не останавливаясь, он спустился по крутому берегу, опёрся на санки коленом и огляделся. Кое-где сквозь трещины темнела вода. Было тихо, озеро опало.

«Должно быть, бобры прогрызли плотину, чтобы понизился уровень воды на озере и паводком не снесло всего, что они построили,— подумал Трошин.— Кто знает...»

Солнце пригревало всё сильнее, и с каждой секундой усиливались капель, шум ручейков, со всех сторон торопящихся к озеру, шорохи, шелесты, разноголосое птичье пение.

У самого берега, возле норы, Трошин свалил тяжёлую кладку, привязал к проволоке верёвку, а к концу верёвки прикрепил ивовый прут.

На крутом берегу росли три берёзки, ветла и несколько осин. Трошин внимательно осмотрел деревья одно за другим, проводя ладонью по мокрой коре, наконец облюбовал осину с прямым и гладким стволом и, согнув вокруг неё ивовый прут, прикреплённый к верёвке, соединил концы прута проволокой. Потом отошёл на несколько шагов, оглядывая сделанное, вернулся, вынул из-за пояса топор и обрубил ветки, мешающие кольцу скользить по стволу.

«Теперь хорошо,— подумал он,— теперь надёжно,— и с облегчением перевёл дыхание.— Теперь хоть бы самый большой паводок, хоть бы и затопило берег...»

* * *

...Был ещё день, надо спать, но Седой очнулся и, не раздумывая, рванулся в нижний коридор, точно его швырнуло пружиной. Вода неслась мимо норы, иногда что-то тяжёлое ударяло о берег, и тогда всё вздрагивало, а с потолка коридора падали комья земли.

Седой свернул в ход верхней норы, которая почти никогда не затапливалась, но почувствовал, что сыновья уже прошли этой дорогой, и вернулся обратно.

Сколько раз он со старой своей бобрихой в

такие же паводки провожал в дальний путь подросших детей, чтобы они искали новые места, создавали озёра на протоках и ручьях, пересекавших лесной край, когда-то заселённый бобриным народом!

Но вот старая бобриха погибла. Седой остался один, и ему надо заводить новую семью или доживать в одиночку. А это озеро пусть останется сыновьям; они уже достаточно выросли и знают, как валить деревья, строить и чинить плотины, заготовлять корм на зиму, рыть подземные ходы, встречать волка, не давая ему зайти со спины,— нелёгкую бобриную науку, которой Седой обучался всю жизнь и которую он передал своим детям.

Бобр шёл по коридору медленно, втягивая носом с юности знакомые запахи, заполнявшие просторное и крепкое жилище.

Вода шумела всё сильнее. Вот она, пенясь, неся листы, веточки, щепки, устремилась в кольцевой коридор. Бобр ринулся против течения. Он окунулся, пробрался к выходу, проплыл под водой несколько десятков метров и вынырнул на поверхность, ослеплённый ярким светом.

Нельзя было узнать старого леса. Река Суровица, протекающая в километре от бобриного озера, разлилась и затопила лес; деревья стояли по пояс в воде. Льдины, стог снега, вырванные с корнем деревья, брёвна, кучи валежника плыли, обгоняя друг друга, по бесконечной весенней дороге.

Крутой берег, где под корнями старой ветлы глубоко спряталась верхняя запасная нора Седого и его семьи, превратился в остров.

Седой выбрался на берег.

Заяц с зайчихой сидели под берёзкой и, не отрываясь, испуганно глядели на вспенённые потоки. Брёвна и льдины подплывали к острову и, ударившись о переплетённую корнями, ещё не оттаявшую землю, стремительно скользнув в воронку водоворота, выплывали на простор и исчезали вдали.

Мокрые зайцы провожали их глазами, вздрагивая каждый раз, когда течение с силой, точно пробуя прочность маленького островка, ударяло по нему огромными брёвнами, подкидывая их легко, как щепки.

Вода ревела в водовороте, со свистом прорывалась через густые заросли, прибывала с каждой минутой, срывая с места всё, что могло противиться её могучему напору.

Только кладка — плотик, сделанный Трошиным,— натянув верёвку, противилась потоку.

Вода заливала плотик, бросала из стороны в сторону и мчалась дальше с негодующим всплеском, словно поручая следующей волне сорвать наконец и унести эту непокорную груду сухих брёвен и хвороста.

Следующая волна снова швыряла кладку, ивовое кольцо с лёгким скрипом скользило по стволу, верёвка натягивалась, как струна, но, когда волна проносилась, плотик попрежнему покачивался близ островка на неспокойной воде.

Седой уже давно внимательно наблюдал за кладкой. Наконец он поплыл, вынырнул около плотика, принюхался, отыскал вход в кладку и забрался внутрь.

Под тяжестью Седого плотик глубже осел в воду и покачивался на верёвке, точно корабль, бросивший якорь, чтобы противостоять шторму.

Плот попрежнему швыряло из стороны в сторону, а Седой, не обращая внимания на то, что творилось кругом, не отвлекаясь, прогрызал себе ход в середину кладки. Там, в середине, он выгрыз удобное и вместительное гнездо, устлал его древесной стружкой и, не отдыхая, начал вести ещё один, почти отвесный ход так, чтобы можно было выбираться из дому, ныряя под воду.

Наступила ночь, когда Седой закончил подводный ход. Вода не прибывала, успокоилась и, посеребрённая луной, застыла между недвижными стволами деревьев.

Всё кругом отдыхало, дремало, только пара зайцев на берегу попрежнему сидела под берёзкой, непонимающими глазами вглядываясь в затопленный лес.

Седой подплыл к берегу, отломил передними лапами ком глины и отправился обратно.

Боковой ход больше уже был не нужен, и Седой заделывал его старательно, укладывая ветки так, чтобы они переплелись

между собой, и замазывая просветы мокрой глиной. Всё тише, темнее и спокойнее становилось в гнезде в середине кладки.

Только теперь, когда пловучий домик был готов к путешествию, бобр лёг отдохнуть.

Плотик покачивался на тихой волне. Выхухоль забрался на край его и, наловив бурых дубовых листьев, выложил своё гнездо у самой воды, а потом из таких же дубовых листьев построил крышу. Водяная крыса с водорослями в зубах поднялась на плотик, чуть повыше жилища выхухоли, и тоже начала устраивать своё гнездо.

На корабле был теперь не только капитан, но и команда.

Под утро Седой ещё раз выплыл из своего домика.

Вода стала еле заметно спадать. Паводок не залил верхней норы, и за сыновей можно было не тревожиться. Пройдёт половодье, они переселятся обратно в главную нору, починят и заделают плотину, а потом обзаведутся семьями. Озеро не останется без хозяина, а ему надо искать новое место. Сыновья подрастают, и всем на озере будет тесно.

Седой перегрыз ивовое кольцо, догнал плотик, медленно поплывший по течению, и забрался в своё гнездо. Он отправился в далёкие края, где придётся строить новые плотины, норы, подземные ходы. Что ж, работы он никогда не боялся, и неведомые края не пугали его.

Когда на рассвете Трошин на маленькой лодочке подплыл к островку, то сразу заметил перегрызенное ивовое кольцо. Вглядевшись дальнозоркими глазами охотника, он различил далеко между деревьев плотик с бурокрасным от дубовых листьев гнездом выхухоли и повыше сплетённым из светлозелёных водорослей жилищем водяной крысы.

У островка из воды вынырнули и сразу скрылись головы сыновей Седого — одного, потом другого. Теперь Трошин уже не сомневался, кто ещё, кроме выхухоли и водяной крысы, покачивался там, на крепком пловучем кораблике. На секунду вспомнилось всё, что он пережил вместе с Седым за эти годы, стало тоскливо, и больно сжалось сердце. Трошин оттолкнулся от островка и, загребая воду редкими сильными ударами вёсел, поплыл вслед за Седым.

Минут через десять он догнал плотик и, положив вёсла на дно лодки, долго плыл по тихой воде рядом с ним. Потом затабанил и сидел неподвижно, пока плотик не скрылся из глаз.

«Что ж, если Седой решил искать новые места, пусть плывёт. Он умный старик и знает, что делать»,— думал Трошин.

Всё это было так. И всё-таки, когда плотик с крошечными красными и светлозелёными пятнышками совсем скрылся, Трошин долго ещё, до боли в глазах, вглядывался вдаль, и лес казался ему осиротевшим.

Муса Джангазиев
Рисунки В. Цельмера.

Я не опоздал на урок

Пять суток с неба сыпал снег,
Сегодня перестал он.
Одеты в белый, чистый мех
Поля, деревья, скалы.

Глубокий снег лежит кругом,
Дороги нет в помине.
Мы высоко в горах живём,
А школа — там,
в долине.

С горы по скату напрямик
До школы вдвое ближе...
Но слишком круто!
План возник

И я хватаю лыжи.
С горы, как птица, я лечу,
Чуть не наткнулся на арчу.
До самой съехал школы.

И на крыльце я раньше всех.
Стою, отряхиваю снег
И жду ребят, весёлый.

Ореховое ущелье

Вершины горные в снегах.
Он тает еле-еле...
Ты был когда-нибудь в горах,
В ореховом ущелье?

Туда поедем мы верхом.
Держись!
Опасны скаты.
Мы под орехом отдохнём,
Большой он, в три обхвата.

Прекрасна ранняя весна,
Когда травинки колки.
Жуки проснулись ото сна,
Вернулись перепёлки.

И с каждым часом всё звончей
Журчит по камешкам ручей,—
Он с птицами в союзе.
Такой здесь щебет, звон и гам,
Как будто всё ущелье нам
Играет на комузе [1].

Бежит зайчонок...
Впопыхах
Присел на ближней кочке.
А на ореховых ветвях
Листвою брызжут почки.

Здесь в мае расцветёт урюк.
На ветках птичьи гнёзда.
И маки красные вокруг,
Как огненные звёзды.

В густом ореховом лесу
Ты встретишь рыжую лису,
Нору найдёшь барсучью.
Вдруг зафырчит сердито ёж,
Когда к нему ты подойдёшь,
И спрячется под сучья.

А в вышине архар ревёт,
Лесное будит эхо.
Медведь ворует дикий мёд
В большом дупле ореха.

А сколько яблок, груш, алчи
У нас к исходу лета!
Вдруг слышишь,
дробный град стучит...
Не град — орехи это!

Настала лучшая пора,
Пришли в ущелье мы с утра;
Орехов миллионы.
Орехи сыплем мы в мешки,
Сперва везут их ишаки,
А после «ЗИС» трёхтонный.

Машина в город их свезёт,
Её мы нагружаем.
Доволен будет весь народ
Хорошим урожаем.
Зимою ляжет снег кругом,
Оденет шубой ёлки.
А мы при лампе вечерком
Орехи будем щёлкать.

Перевела с киргизского
Т. Стрешнева.

[1] Народный киргизский инструмент.

ТРИ ДНЯ

Есть в 46-й московской школе на первом этаже небольшая комната. Долгое время там хранились только старые плакаты да банки с засохшей известью, а на двери висел большой замок.

Но вот однажды, в начале декабря, пришли ребята, сняли замок, вынесли прочь старые плакаты и вёдра с известью, вымыли пол и окна, а на дверь прибили лист бумаги, на котором было написано: «Совет лыжной базы».

Каждый вечер здесь стали собираться ребята.

Боря Алтынов руководил бригадой по ремонту лыж. Он изобрёл особые пружинные крепления и теперь с удовольствием внедрял своё изобретение в жизнь.

Завхоз Лида Аксёнова вместе со своими «агентами по снабжению» занималась сбором продуктов: круп, консервов, сахара. Другая группа ребят здесь же разрабатывала и прокладывала по карте маршрут будущего лыжного похода.

Ребята 46-й школы готовились к трёхдневной поездке за город в гости к своим друзьям — ученикам фирсановской школы, той самой, где москвичи организовали свою лыжную базу.

Как-то вечером в Совет базы вошла культорг Люба Ронская.

— Ребята,— сказала она.— Хорошо бы нам свою песню придумать! Я уже и начало сочинила:

> Там, где змея не проползёт,
> Не пролетит лесная птица,
> Турист всегда пути найдёт...

Вот. А дальше что-то не получается...

— А дальше просто,— не отрываясь от работы, сказал Боря Алтынов:

> И смело к цели он стремится.

— Ой, ребята, как здорово!— воскликнула одна из девочек.— Давайте сейчас до конца вместе придумаем...

Когда песня была придумана, тридцать авторов дружно пропели её от первой до последней строчки.

Потом, сгрудившись вокруг стола, они стали сочинять письмо фирсановским школьникам. В этом письме был вызов на соревнования по хоккею и предложение встретить вместе Новый год.

* * *

Утром 30 декабря у ворот фирсановской школы остановился грузовик, из него выпрыгнули ребята в разноцветных лыжных костюмах. А через несколько минут полосатые матрацы, лыжи, блестящие алюминиевые кастрюли, котелки и миски, вещевые мешки были горой сгружены прямо на снег.

На крыльцо школы вышла молодая женщина.

— Сюда, сюда, ребята! Заходите, пожалуйста,— сказала она приветливо.

Гурьбой вошли в школу и остановились перед широко распахнутой дверью класса.

Пол в классе был вымыт, парты сдвинуты и аккуратно составлены в углу, на окнах висели белые занавески... А посреди класса стояла огромная нарядная ёлка. На классной доске было красиво написано: «Добро пожаловать, дорогие друзья!».

Ребята бросились к ёлке. Но в этот момент в коридоре звонко запел горн, и все побежали строиться на линейку.

— Ребята,— сказал командир отряда Володя Мукасей,— приступайте к дежурству. Костро-

вые, займитесь топкой! Водоносам взять у Лиды вёдра — и за водой, дежурным поварам готовить обед! А все остальные вместе со мной внесут и распакуют вещи.

День на лыжной базе начался...

После обеда Володя Мукасей отправился на переговоры с фирсановскими ребятами о хоккейной встрече. Вернувшись, он первым делом разыскал Борю Алтынова.

— Боря,— сказал он,— сыграть-то они с нами согласились. Но вот какое дело: ни у кого из них нет клюшек. Играют проволочными крюками. Что скажешь?

— Шесть клюшек? — в раздумье повторил Боря.— Я думаю, если поднажать, к вечеру сделаем.

— Вот это хорошо бы! — обрадовался Володя.— А я сейчас возьму человек пять ребят, пойдём каток расчистим. Завтра с утра обязательно нужно будет потренироваться...

...На другой день на голубоватый лёд катка вышли хоккейные команды. У москвичей в руках было по две клюшки.

Когда команды выстроились друг против друга, каждый из москвичей протянул своему «противнику» клюшку.

— Это нам? — спросил капитан фирсановцев, любуясь новой клюшкой.— Ну, спасибо! Только теперь держитесь!...— И он так ударил по маленькой льдинке, что она перелетела через всё поле.

Игра началась. Сражались упорно и долго. Фирсановцы владели новыми клюшками великолепно. Но победили всё-таки москвичи со счётом 3 : 1.

Состязания подходили уже к концу, когда на каток прибежала Люба Ронская.

Едва дождавшись финального свистка судьи, она крикнула:

— Боря! Ой, Боря! Ты не можешь патефон починить? Наверное, от мороза... испортился.

Боря, на ходу надевая пальто, побежал за Любой.

Ребята с беспокойством посмотрели им вслед.

— Да, неприятность. Но вы всё равно приходите к нам Новый год встречать,— сказали москвичи.

— Обязательно придём. А насчёт музыки вы не беспокойтесь. Мы с собой баян захватим.

* * *

Маршрут лыжного похода Фирсановка — Крюково был разработан давно, ещё в Москве. Но фирсановские ребята, которые после новогоднего вечера особенно сдружились со своими гостями, предложили немного изменить путь: дойти сначала до санатория «Мцыри», посмотреть места, где жил Михаил Юрьевич Лермонтов, а потом уже отправиться в Крюково: маршрут удлинился на несколько километров, но зато стал интереснее.

Всё было чудесно в этот новогодний день. И солнце сияло, как никогда, и свежий снежок сверкал так, что на него больно было смотреть.

Шли цепочкой. Впереди лучший лыжник группы — Юра Володин. Последним шёл Боря Алтынов, готовый придти на помощь каждому, у кого случится неприятность с лыжами.

Прошли деревню, поле и наконец вошли в лес.

Солнце проглядывало сквозь ветки, и на снег ложились голубоватые тени. Под тяжёлыми, разлапистыми ветвями елей таинственный полумрак. Зато на полянках очень светло и как-то по-особенному радостно.

Вдруг на нетронутом, только что выпавшем снегу ребята увидели отчётливые следы. Кто пробежал здесь? Да, конечно же, это заяц. Следы уводили вниз, под горку, и скрывались в зарослях молоденьких ёлочек.

Витя Виденин решил посмотреть, куда побежал заяц, оттолкнулся и лихо скатился с крутого склона. Но внизу оказался замёрзший ручей. Из-подо льда тотчас выступила вода, и витины лыжи моментально обледенели.

— Стойте! Тут вода! — крикнул он товарищам.

Туристы пошли вдоль берега, а к Вите подъехали двое ребят:

— Ноги не промочил? Может, вернёшься?

Каждый из москвичей протянул своему «противнику» клюшку.

— Нет, всё благополучно, вот только лыжи помогите очистить ото льда.

Наконец привал. Но и на привале разве может кто-нибудь усидеть спокойно? Несколько человек затеяло игру в салочки на лыжах. Здесь же развели костёр и вскипятили чай.

— Ребята, чем вас сперва кормить? Пирожками с капустой или бутербродами? — спросила Лида.

Все проголосовали за пирожки. Незаметно пролетели полчаса, снова все встали на лыжи. Опять ребята в пути.

Позади уже немало километров. Постепенно смолкли шутки, замедлился шаг...

Посмотрел командир на примолкших товарищей:

— А ну-ка, ребята, споём нашу любимую!

И первый запел:

Турист всегда пути найдёт,
И смело к цели он стремится...

Вскоре деревья расступились, вдали показались дома, и где-то совсем недалеко раздался резкий гудок электрички.

Лыжники подходили к Крюкову.

* * *

Следующим утром на базу приехала новая группа школьников. Володя Мукасей выстроил ребят и скомандовал:

— Отряд, смирно! Товарищ командир второй группы, первая группа поход провела! К отъезду готовы! На базе всё в порядке!

— А сейчас приглашаем вас к столу,— гостеприимно сказали дежурные повара,— завтрак готов на всех.

Б. Ларин

БЕЛЫЕ ГОРЫ

Рисунок Е. Ребиковой.

Куддус Мухаммади

Как-то шёл я по полям
И увидел чудо.
Не поверил я глазам:
Горы здесь откуда?

Я, признаться, до сих пор
Посредине поля
Не видал и малых гор,
А больших тем более.

Перед этими горами
Показались мне холмами
Горы настоящие,
Вдалеке стоящие.

К белым тем горам ведут
Сто дорог и тропок.
Что это за горы тут?
Мне сказали:
Хлопок.

Хлопок — тысячи пудов —
Выращен в колхозе,
Этот хлопок, сняв с кустов,
На хирман мы свозим.

Этот хлопок — труд людей,
Их добро, а значит:
Выше горы средь полей —
И колхоз богаче.

Я, признаться, до сих пор
Посредине поля
Не видал и малых гор,
А больших тем более.

Горы снежной белизны
Встали величаво.
В тех горах заключены
Труд наш, наша слава.

Перевод Н. Гребнева.

Индийские сказки

Перевод и обработка Н. Шерешевской.

Рисунки О. Зотова.

Учёные глупцы и их умный друг

ак это было?

В одном селении, недалеко от города Санджатара, жило четверо друзей — молодых брахманов. Они ещё с детства привыкли играть вместе и поэтому, когда выросли, решили не расставаться, а найти какое-нибудь общее дело.

Но трудность была в том, что только один из них обладал природным умом. Остальные трое были очень глупы. Им захотелось стать учёными мужами, и они решили отправиться в страну Каньякубжа в обитель учёных, чтобы набраться там мудрости.

— Что ж, желаю вам удачи, друзья,— сказал их умный товарищ.— Я с вами не пойду. Для меня найдётся дело и в нашем селении. А когда вы постигнете все науки, возвращайтесь домой, и мы все вместе отправимся путешествовать. Вы ведь знаете, что:

Знаний, богатства, искусства
Никто не сумеет достигнуть,
Если по странам земным
Долго не будет блуждать.

Прошло двенадцать лет. Всё это время трое брахманов жили в учёной обители, изучали науку жертвоприношения, искусство красноречия, толкование снов, составление благовоний, учились читать по звёздам судьбы людей и толковать полёт птиц. Умнее они не стали, но они прочитали много священных книг и были признаны учёными мудрецами. Наконец, гордые своей учёностью, они вернулись в родное селение. Отсюда они решили все вместе отправиться путешествовать, и вдруг старший из мудрецов сказал тому, кто провёл эти годы в родном селении:

— Итак, мы отправляемся в путь, но не будешь ли ты нам обузой? Ведь ты не был в учёной обители. Я полагаю, что лучше тебе остаться дома.

Второй поддержал его.

— Хоть ты и умён,— сказал он,— всё же ты не владеешь науками, как мы. Оставайся лучше дома!

Только один из них возразил:

— Не подобает так поступать со старым другом. Пусть он будет нашим спутником.

Отправились они все вместе в путь. Учёные мужи взяли с собой свои книги, чтобы с их помощью разрешать все вопросы, которые возникнут во время путешествия.

Вот идут они по дороге и на краю одного селения видят осла.

— Кто бы это мог быть? — спрашивают учёные мужи друг друга.

Двенадцать лет они просидели за своими учёными книгами и забыли даже то, что знали и видели в детстве.

Их умный товарищ говорит:

— Это осёл.

— Не может быть! — возражают мудрецы.— Откуда ты это знаешь? Вот мы сейчас в книге посмотрим.

Они открыли книгу и прочли:

— «Кто здесь стоит, тот родственник ваш».

— Так это наш родственник! — обрадовались мудрецы и бросились обнимать и целовать осла.

Так они донимали бедное животное, пока не прибежал его хозяин и не прогнал их палкой. А умный стоял в стороне и только сокрушённо качал головой.

Отправились путешественники дальше и вскоре пришли к реке.

— Что делать, как нам перебраться на тот берег? — стали спрашивать мудрецы друг друга.

— Давайте поищем броду,— предложил умный.

— Что ты! Что ты! Сначала надо посоветоваться с нашими книгами,— ответили мудрецы и открыли одну из книг.

— «Когда прибудет лист — тот лист вам помощью будет»,— прочитали они.

А как раз в это время по реке плыло много листьев. Учёные глупцы вскочили на эти листья. Но листья не выдержали их тяжести и вместе с ними начали тонуть.

Умный друг бросился их спасать, но в руках у мудрецов были тяжёлые книги, и они, как камни, тянули их вниз, под воду.

Тогда он сказал им:

— Лучше отдать половину, чем всё потерять. Бросайте скорее свои книги и спасайтесь сами!

Пришлось учёным глупцам послушаться совета своего друга. Только одну книгу удалось им вытащить из воды.

— Может быть, нам лучше вернуться домой? — спросил умный друг.— Как вы будете путешествовать без своих книг?

— На этот раз ты, пожалуй, прав. Нам надо вернуться домой за новыми книгами.

По дороге они зашли в одно селение. Жители пригласили их к себе и угостили вкусной лапшой с маслом и сахаром.

— Что мы будем с этим делать? — спрашивали друг друга мудрецы.

— Не теряйте времени, ешьте скорее! Мы же все очень голодны,— сказал умный друг и принялся за лапшу.

— Нет, погоди! Хорошо, что у нас осталась хоть одна книга. Сейчас мы узнаем, как нам поступить.

Они открыли свою книгу и прочли:

— «У кого между мыслью и делом длинная нить, тот погибнет».

— Это и есть длинная нить! — воскликнули мудрецы, указывая на лапшу.— Если мы будем её есть, мы погибнем!

И они, голодные, отправились дальше. Шли они, шли и наконец пришли к лесу. Здесь путешественники увидели на земле убитого льва.

Один мудрец сказал:

— Давайте испытаем нашу мудрость — оживим льва! Я умею соединять кости.

Второй сказал:

— А я все части тела его сращу.

— А я оживлю его! — сказал третий мудрец.

Умный друг подивился тому, что они говорили. Он не поверил словам мудрецов, и ему стало смешно.

— Если вы оживите льва, лев нас съест,— сказал он.— Теперь я вижу, как опасна для всех нас ваша мудрость. Идёмте-ка лучше скорей домой!

— Спасибо тебе, друг, ты нас спас! — закричали учёные глупцы и в страхе бросились бежать. А их книга так и осталась лежать на дороге.

Поэтому и говорится в народе:

Лучше природный рассудок, чем
мнимая мудрость.
Как воскрешатели льва, гибнет
учёный глупец.

Ткач из Махиларопьи

В городе Махиларопья, на юге Индии, жил ткач по имени Сагарадатта.

Он умел ткать очень красивые ковры, но делал их слишком медленно — по одному ковру в год — и поэтому зарабатывал мало денег.

Однажды, когда Сагарадатта заканчивал ткать самый красивый ковёр, сломался его станок.

Человек он был бедный и потому не стал долго сокрушаться и жаловаться на судьбу, а взял топор и пошёл искать дерево покрепче для нового станка.

Много деревьев осмотрел он, пока наконец не увидел высокий самшит, росший на самом берегу моря.

— Вот такое дерево мне и надо! — обрадовался ткач.

Но только взмахнул Сагарадатта своим топором, как вдруг услышал чей-то голос:

— Пощади это дерево, друг Сагарадатта!

— Кто это со мной разговаривает? — удивился ткач.

— Это я, лесной волшебник. Самшитовое дерево — мой дом. Зачем ты хочешь рубить его?

Сагарадатта очень испугался, но, вспомнив о своём поломанном станке, сказал лесному волшебнику:

— Если я не достану хорошего дерева для нового станка, я не смогу закончить ковёр и продать его. И тогда моей семье придётся голодать. Лучше ты уходи в другое место, а я срублю этот самшит.

— Нет! Это дерево ты не трогай! Мне здесь так хорошо! Ветер с моря дует прямо сюда, и даже в самый жаркий день мне прохладно. Лучше попроси у меня что хочешь, и я исполню твою просьбу! — предложил лесной волшебник.

Сагарадатта подумал и согласился, но сказал, что сначала пойдёт посоветоваться с женой.

По дороге Сагарадатта встретил знакомого цирюльника.

— Куда спешишь, мой друг? — спросил его цирюльник.

— Ах, не задерживай меня, пожалуйста! Я лесного волшебника покорил. Спешу к жене посоветоваться, что попросить у него.

— О, если так,— попроси у него царство! Тогда ты станешь царём, а я твоим советником и мы вдвоём насладимся всеми радостями этого мира.

— Может быть, ты и прав,— ответил ткач,— но сначала мне всё же надо посоветоваться с женой.

— Что ты, мой друг! Разве можно спрашивать совета у женщины?

— Может быть, ты и прав, но всё же я пойду с ней посоветоваться.

С этими словами Сагарадатта поспешил к себе домой.

— Что нам попросить у лесного волшебника, моя милая? — спросил Сагарадатта у жены.— Мой друг цирюльник говорит: «Попроси царство».

— Как же глуп твой цирюльник! Не слушай его! Разве ты не знаешь, что жизнь царя полна забот? Ведь его окружают лесть и предательство. Нет радости в такой жизни!

— Ты хорошо сказала, жена моя. Но что же мне тогда попросить?

— Что ты любишь больше всего, даже больше меня? Ткать свои узоры на ковре, не так ли?

— Да, да, ты права, моя милая!

— Все хвалят твою работу и с радостью покупают твои ковры. Но больше одного ковра в год ты не можешь выткать. Поэтому мы очень бедны. Вот ты и попроси у лесного волшебника такой станок, который делал бы ковров сколько ты захочешь и ткал бы на них самые красивые узоры.

Сагарадатта согласился с женой и пошёл к морю, где был дом лесного волшебника. Но чем дальше шёл Сагарадатта, тем тяжелее становилось у него на сердце.

«Ну, что ж, даст мне лесной волшебник чудесный станок,— думал он.— И ткать будет станок и узор делать, а мне что же остаётся? Продавать ковры да деньги копить?»

И так ему горько стало, что, придя к лесному волшебнику, Сагарадатта сказал:

— Ничего мне от тебя не надо! Если не разрешаешь срубить это дерево, помоги починить мой старый станок.

— Будь по-твоему. Я исполню твою просьбу,— ответил лесной волшебник.

Как только Сагарадатта вернулся домой, он сразу же бросился к своему станку. Станок был в полной исправности.

Сагарадатта сел ткать и забыл обо всём на свете. Он ткал день и ночь, пока не закончил свой ковёр. Не слышал он, как подходила жена, не видел, как заходил в его дом цирюльник.

Закончив работу, Сагарадатта долго смотрел на свой новый ковёр, а потом вдруг засмеялся и воскликнул:

— Кто поймёт, как я теперь счастлив! Я мог бы стать царём — тогда у меня были бы огромные богатства, много покорных рабов и льстецов, но ни одного истинного друга. Лесной волшебник мог сделать меня богачом, но тогда я лишился бы покоя от страха потерять своё богатство. Чьё счастье сравнится с моим, когда я вижу прекрасные узоры моих ковров и слышу, как все хвалят мою работу? Недаром народная мудрость говорит:

Трудом лишь может человек
добиться исполнения желаний.
То, что «судьбою» в мире называют,—
людские то деяния!

Много лет прожил ткач Сагарадатта. Богатства он так и не нажил. Но он был счастлив, потому что ковры, которые он ткал, были прекраснее золотых монет, которыми ему платили за них, и, любуясь своими коврами, он забывал, что беден. Слава о его искусстве пошла по всей стране, и даже после его смерти долго вспоминали в народе, какие красивые и прочные ковры умел делать ткач из Махиларопьи.

ЙОРЭЛЁ-ОХОТНИК

Рассказ Рытхэу.

Рисунки Ф. Лемкуля.

Унпэнэр и десятилетний Йорэлё, сыновья Гэмалькота, выходят из яранги. Ещё совсем темно. На востоке робко пробивается утро, затмевая алым сиянием зари звёзды небосклона. Оцинкованная крыша школы тускло блестит от лунного света. Старший брат давно обещал взять Йорэлё на охоту. И вот Йорэлё наконец дождался. Мальчик смотрит на небо. Оно чисто. Над Дежневской горой ни единого облачка.

«Погода будет хорошая»,— думает Йорэлё.

Братья возвращаются в ярангу, берут ружья, акын[1], «вороньи лапы»[2], палку с металлическим наконечником — ею они будут прощупывать прочность льда.

Путь охотников лежит вдоль высокой гранитной стены, круто вздымающейся над Чукотским морем. Ветерок сдувает со скал выпавший за ночь снег, и он, шурша, сыплется на белоснежные камлейки[3]. Алая полоска зари постепенно увеличивается, звёзды меркнут. Дойдя до скалы, одиноко торчащей над торосами, братья поворачивают в море. Теперь они пробираются через ропаки[4], обходят темноголубые айсберги. Ноги разъезжаются в разные стороны, но Унпэнэр не падает, хотя упасть здесь совсем нетрудно. Недаром в прошлом году на состязаниях бегунов старик Мэмыль назвал его достойным потомком охотников.

Унпэнэр и Йорэлё достигают конца берегового припая. Дальше начинается движущийся лёд. Между припаем и движущимся льдом густая каша из мелко битого льда. Охотники надевают «вороньи лапы», легко пробегают по зыбкой поверхности и вступают на ровное ледяное поле, на котором чернеет разводье.

— Здесь,— говорит Унпэнэр брату.

Они останавливаются. Ждут тюленей.

Небо посветлело. Вершины сопок тронуты первыми лучами солнца. Кол-звезда — Полярная — исчезла, растаяв в светлом небе.

Зоркими глазами Унпэнэр замечает вынырнувшую нерпу и шепчет Йорэлё:

— Далеко...

Но вот нерпа приблизилась. Круглые чёрные глаза, кажется, смотрят прямо на охотников.

Унпэнэр, затаив дыхание, берёт голову нерпы на мушку.

— Тр-р-рах!..

Нерпа барахтается, ныряет и вдруг снова всплывает — уже мёртвая. Унпэ-

[1] Акын — тонкий длинный ремень с чуркой на конце.

[2] «Вороньи лапы» — лыжи-снегоступы.

[3] Камлейка — балахон из материи, вроде халата.

[4] Ропаки — небольшие торосы.

нэр торопливо развязывает акын и бросает закидушку. Крючок зацепился, и нерпа вытащена на лёд.

Йорэлё обиженно смотрит на брата:

— Почему ты не дал мне выстрелить?

— Успеешь ещё!

Охотники снова замирают. Лёгкий всплеск — у самого края разводья показывается вторая нерпа. Унпэнер подмигивает брату. Йорэлё прицеливается, стреляет. Промах! Йорэлё, чуть не плача, перезаряжает ружьё.

— Вон там есть второе разводье,— говорит Унпэнэр.— Ступай туда. Как только убьёшь нерпу, беги ко мне.

Сидя у своего разводья, Унпэнэр слышит выстрелы брата, но Йорэлё что-то не спешит к нему.

Скоро около Унпэнэра лежат три нерпы.

— Хватит! — Унпэнэр встаёт и, приплясывая, чтобы размяться, идёт за братом.

Йорэлё грустит: он не застрелил ни одной нерпы.

Дотащив добычу до припая, они присаживаются на торчащую из-под снега льдину отдохнуть.

Причудливо искрится на солнце крупнозернистый снег. Всё голубое. Словно чистое небо отражается в снегу. Кругом расстилается ледяная пустыня с грозными нагромождениями торосов.

Унпэнэр смотрит вдаль и думает: «Вот если бы я был большим художником, таким, как Левитан, рисовал бы нашу Чукотку».

Унпэнэр встаёт, поворачивается, чтобы идти к берегу, и на мгновение застывает. ...Всего в каких-нибудь десяти шагах из-за тороса выглядывает белый медведь! Зверь смотрит прямо на братьев. Чёрный блестящий нос чуть-чуть шевелится.

Унпэнэр сначала теряется: слишком уж неожиданна эта встреча. Он слегка толкает Йорэлё. Но тот уже заметил медведя и, не отрываясь, смотрит на него.

Унпэнэр осторожно вытаскивает из чехла ружьё. В голове мелькает: «Малокалиберкой не убьёшь... Медведь весной не страшен. Он сыт... Что, если не стрелять, а попробовать уйти? Погонится он за нами или нет? Если погонится, выстрелю...»

Унпэнэр и Йорэлё оставляют нерп медведю: «Пусть берёт, лишь бы нас не тронул».

Но едва братья делают шаг — зверь прыгает в сторону. Ещё, ещё прыжок. Медведь останавливается и опять с любопытством смотрит на людей. Унпэнэр делает несколько шагов в сторону медведя. Йорэлё не отстаёт от брата. Медведь снова отскакивает на несколько шагов и опять останавливается.

— Так можно до самого стойбища гнать,— заплетающимся языком шепчет Йорэлё,— как щенок, скачет...

— А мы так и сделаем,— громко говорит Унпэнэр.

Человеческий голос словно подстёгивает медведя: он снова делает несколько прыжков по направлению к берегу. До берега теперь уже совсем близко. Они

пробираются по узкой полоске между высокой ледяной стеной и движущимся льдом: медведь впереди, охотники следом за ним.

Зверь не понимает, какую ловушку готовят ему братья. Он больше не поворачивается к ним, ускоряет бег.

— Не уйдёшь! — кричит Унпэнэр.

И верно: стойбище уже совсем близко.

Медведь становится беспокойнее. Он мечется из стороны в сторону...

* * *

В стойбище заметили медведя. Около магазина собралась толпа. Старый охотник Мэмыль взобрался на лестницу, приставленную к стене, и смотрит в бинокль.

— Сзади люди бегут. Да это Унпэнэр! И Йорэлё с ним! Какомэй [1]! — восклицает старик.

Охотники бегут за ружьями. Из крайней яранги выскакивает Гэмалькот и, на ходу натягивая кухлянку, мчится навстречу сыновьям.

Унпэнэр отбросил малахай на спину. Его мокрые волосы заиндевели. А Йорэлё, хоть и отстаёт от брата, тоже продолжает бежать.

Медведь делает отчаянную попытку уйти, бежит прямо к стойбищу, намереваясь проскочить к лагуне. Расстояние между ним и братьями быстро увеличивается.

— Ничего! Там его встретят как следует!..

Унпэнэр и Йорэлё больше не гонятся за зверем.

Медведь бежит прямо на толпу. Люди боязливо расступаются. Собаки с громким лаем устремляются за ним. За собаками, беспорядочно стреляя, бегут охотники.

Наконец у Синей сопки метким выстрелом из берданки Гэмалькот сражает зверя.

Когда братья подходят, туша уже освежёвана. Поодаль лежит прекрасная белая, чуть с желтинкой шкура. Старик Мэмыль разглядывает её и прищёлкивает языком:

— Хороша! Какомэй!

Заметив подошедших Унпэнэра и Йорэлё, старик строго ворчит:

— В другой раз не смейте так играть со зверем! Хорошо, что попался какой-то придурковатый!

Люди окружают охотников и поздравляют их с добычей. На Чукотке говорят: кто в молодости убьёт белого медведя, тому всю жизнь удача будет.

Учительница, подойдя к Йорэлё, говорит:

— Молодчина, богатырь!

Йорэлё, красный и смущённый, улыбается. Хорошо быть охотником!

Авторизованный перевод с чукотского
А. Тверского.

[1] Какомэй — возглас удивления.

Михаил Львовский

Рисунки Е. Щеглова.

КРИСТАЛЛЫ „ПС"

Таинственные похождения отважного следопыта, о которых автор вместо приключенческой повести, по совершенно необъяснимой причине, написал шуточное представление — водевиль.

Итак, мы представленье начинаем,
В нём столько непохожего на быль,
Что мы необходимостью считаем
Напомнить вам, что это водевиль.

В нём будет всё: и кони, и дорога,
И скрывшийся вдали автомобиль,
А если краски мы сгустим немного,
Так ведь на то и создан водевиль.

Но всё ж, друзья, мы очень бы желали,
Чтоб скачки и клубящаяся пыль
Мораль вам разглядеть не помешали.
Без этого какой же водевиль?

По-разному начать нам пьесу можно,
Вначале могут буря быть и штиль,
Но мы начнём загадочно-тревожно,
Хоть это и забавный водевиль!

ОПАСНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

ПРОФЕССОР. Ну, ладно! Так и быть! Раз уж вы так настаиваете, коллега, я расскажу вам эту историю.

СЕРЕЖА. А она страшная?

ПРОФЕССОР. Погодите, а почему обязательно страшная?

СЕРЕЖА. Страшная интереснее.

ПРОФЕССОР. Ну, хорошо, хорошо, страшная. Итак, однажды...

СЕРЕЖА. Ночью?

ПРОФЕССОР. Позвольте, почему ночью?

СЕРЕЖА. Ночью интереснее.

ПРОФЕССОР. Ну, хорошо, ночью. Однажды ночью один мальчик... вот такой же, как и вы, спокойно спал в своей постели, а когда настало утро и часы пробили десять, вдруг...

(Телефонный звонок.)

...Это меня. Одну минутку...

(Профессор уходит.)

СЕРЕЖА. Ну вот, на самом интересном месте! До чего же мне всё-таки не везёт! Вместо того, чтобы отправиться в какое-нибудь рискованное путешествие, изволь сидеть на этой противной даче, где из всех диких зверей, обитающих на свете, проживает одна дворняжка — Зонтик! И то её Лялька дрессирует. Хоть бы этот Зонтик сбесился и набросился на кого-нибудь. Например, на нашего соседа-профессора, который меня «коллегой» зовёт за то, что я ему сказал о своём намерении стать знаменитым исследователем или путешественником-следопытом. Зонтик — «гав», а я — «р-раз» — и спас бы знаменитого учёного. А ведь я за этим учёным всё лето хожу. Может, думаю, он состав какой-нибудь изобретёт, который стоит только понюхать — и тут произойдёт такое... Но пока что ничего такого не произошло. Еле-еле уговорил его рассказать какую-нибудь историю пострашнее...

(Снова появляется профессор, держа в руках пробирку.)

ПРОФЕССОР. К сожалению, коллега, я должен отлучиться в город.

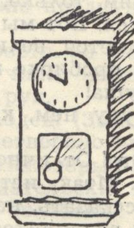
СЕРЕЖА. А как же страшная история?

ПРОФЕССОР. Гм... А вы не помните, на чём мы остановились?

СЕРЕЖА. На «вдруг»...

ПРОФЕССОР. Да... так вот... Мальчик, о котором я собирался вам рассказать, проснулся, оделся, позавтракал, а когда часы пробили десять...

(Часы бьют десять раз.)

СЕРЕЖА. Ой!

ПРОФЕССОР. Вдруг открывается дверь, и входит в комнату сосед по даче — профессор химии...

СЕРЕЖА. Вы?!

ПРОФЕССОР. Да, я! А в руках у профессора пробирка с прозрачными кристаллами...

СЕРЕЖА. Эта?!

ПРОФЕССОР. Да, вот эта самая... Здесь кристаллы «ПС».

СЕРЕЖА. Ой!

ПРОФЕССОР. «Возьмите эту пробирку, коллега!» — говорит профессор.

СЕРЕЖА. А мальчик что?

ПРОФЕССОР. Берёт пробирку.

СЕРЕЖА. Значит, брать?

ПРОФЕССОР. Разумеется! И помните: это очень опасно!

СЕРЕЖА. Опасно? Наконец-то! А дальше что?

ПРОФЕССОР. А дальше профессор говорит: «Надеюсь,— говорит,— вы не откажете мне в любезности сохранить эту пробирку до моего возвращения. Вы сами понимаете, что я не мог оставить такой опасный реактив, как знаменитые кристаллы «ПС», в своей комнате, где нет надёжного человека, который мог бы их сохранить». Ну, мальчик, конечно, заверяет профессора, что он готов выполнить эту просьбу... Что же вы молчите?

СЕРЕЖА. А что я должен говорить?

ПРОФЕССОР. Ведь я же сказал: «Мальчик заверяет профессора». Заверяйте меня...

СЕРЁЖА. Ага, понятно, сейчас. (В тон профессору.) Ну, конечно, профессор, я... это... готов всё исполнить... я всегда мечтал... и... и...

ПРОФЕССОР. Хорошо, хорошо, я знаю, о чём вы мечтали. Целое лето вы мне твердите, что готовы к самым опасным путешествиям и приключениям, только, мол, случай никак не представится. Вот мы вас и проверим. Случай представляется великолепный. Значит, запомните: о пробирке не должна знать ни одна живая душа!

СЕРЁЖА. «Я буду нем, как рыба»,— ответил мальчик.

ПРОФЕССОР. Ого! Отлично! Как вы всё быстро схватываете. Итак, история, которую я собирался вам рассказать, началась. Она произойдёт с вами и закончится ровно в шесть часов, когда я возвращусь из города и вы вернёте мне мою пробирку целой и невредимой. Или...

СЕРЁЖА. Или?..

ПРОФЕССОР. Или произойдёт нечто ужасное. Но... будем надеяться, что всё кончится благополучно.

СЕРЁЖА. Значит, не будет ничего страшного? Но ведь вы же обещали...

ПРОФЕССОР. История только началась! Не забегайте вперёд, коллега, до шести часов ещё много времени. Мало ли что может случиться! Мало ли какие опасности вас ожидают! Прощайте!

(Профессор уходит.)

СОБЫТИЯ НАЧИНАЮТ РАЗВОРАЧИВАТЬСЯ

СЕРЁЖА. «Мало ли что может случиться! История только началась». Вот здорово! Наконец-то я дождался... Только почему наш сосед называет меня мальчиком? Юношей лучше. А ловко у профессора получается: «Я надеюсь»... «Не откажите в любезности»... Как в книжке! Надо и мне попробовать.

«Оставшись один, юноша, которого звали Серёжей, в одно мгновенье оценил грозившую ему опасность»... Вот это да! И у меня получается. Пробирку спрячем в ящик стола. Так... «Потом, хоть комната и находилась на втором этаже, юноша закрыл наглухо ставни старинной дачи». Так... так... Кровать сюда... А на кровать поставим самовар. Ой, он тяжёлый и, кажется, ещё не остыл. Как

бы подушку не сжечь... А мы её водой польём. Так. Отлично. «Когда глаза юноши привыкли к темноте, он осмотрелся и сквозь едкий дым увидел, что потрудился недаром: дача превратилась в крепость. Тогда юноша вытащил из ящика опасную пробирку и стал глядеть на неё»...

Откровенно говоря, если никто на меня не нападёт, то сидеть так довольно скучно. Пробирка как пробирка... Самая обыкновенная. Хоть бы Лялька пришла со своей дворняжкой. Я ей, конечно, ничего не расскажу, но всё-таки...

Что это? Из самовара каплет?.. Ну до чего же противно так сидеть!..

(Стук в дверь.)

Ага! Кажется, события начинают разворачиваться. Пробирку на место. Так!.. Кто там?

(За дверью собачий лай и голос Ляли.)

ЛЯЛЯ. Это я, Ляля!

СЕРЁЖА. Ты одна?

ЛЯЛЯ. С Зонтиком.

СЕРЁЖА (тихо). Лялька! Вот здорово! «К двери приблизились двое: человек и собака!» (Громко.) Ляля, а как ты докажешь, что ты — это ты?

ЛЯЛЯ. А зачем мне доказывать?

СЕРЁЖА. А вдруг ты — это не ты?

ЛЯЛЯ. Да, но ведь я — это я!

СЕРЁЖА. А ты докажи!

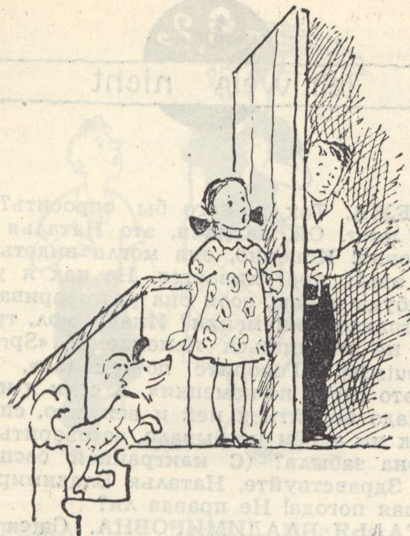
ЛЯЛЯ. Как?

СЕРЁЖА. Скажи, например, про меня что-нибудь такое, что известно только тебе одной!

ЛЯЛЯ. Ты осёл, Серёжа, но это, к сожалению, известно всем.

СЕРЁЖА. Нет, серьёзно.

ЛЯЛЯ. Я серьёзно. Не хочешь открывать — и не надо. Пойдём, Зонтик.

СЕРЁЖА (испуганно). Лялечка, не уходи!

ЛЯЛЯ. Тогда открой.

СЕРЁЖА. Я открою, но ты скажи сначала то, что я просил.

ЛЯЛЯ. Ладно. Во-первых, ты всегда списываешь у меня домашние задания по немецкому языку. Во-вторых, ты...

СЕРЁЖА (поспешно). Ладно, хватит, хватит: вижу, что ты — это ты! Входи... У меня вообще с немецким неважно. Наталья Владимировна, что на первом этаже живёт, как узнала про это, так заявила, что будет со мной разговаривать только по-немецки. Чтобы я невольно подтянулся. Она ведь учительница. А мне не очень-то нужно. Я могу и совсем с ней не разговаривать. Заходи, чего же ты стоишь?..

ЛЯЛЯ. Ой, что это у тебя так темно? И дымом пахнет?

СЕРЁЖА. Так... ничего...

(Ляля и Зонтик чихают.)

ЛЯЛЯ. Странный ты какой-то. Открой хотя бы ставни.

СЕРЁЖА. Ни в коем случае!

ЛЯЛЯ. Ничего не понимаю. Может быть, случилось что-нибудь?

СЕРЁЖА. Нет, что ты!

(Зонтик взвизгивает.)

СЕРЁЖА. «Несмотря на уверения Серёжи, что никакой опасности нет, умная собака взвизгнула, словно предчувствуя нечто недоброе»...

ЛЯЛЯ. Ты просто ей на хвост наступил. Знаешь, я приучила Зонтика брать сахар только из моих рук.

СЕРЁЖА. Молодец! (Загадочно.) Это может уберечь твоего четвероногого друга от многих неприятностей. Некоторые очень опасные реактивы так предательски похожи на сахар.

ЛЯЛЯ. Что ты болтаешь! Какие реактивы?..

СЕРЁЖА. Разве я сказал «реактивы»? Тебе послышалось. (Торжественно.) Не спрашивай меня ни о чём!

ЛЯЛЯ. Да я и не спрашиваю. Очень нужно! Знаешь, мой Зонтик умеет подавать лапу.

СЕРЁЖА. Лучше бы он умел находить человека по следу.

ЛЯЛЯ. Это он и так может... Я пробовала. Только для чего ему?

СЕРЁЖА. Как для чего?! А если кто-нибудь когда-нибудь где-нибудь похитит какой-нибудь важный реактив?

ЛЯЛЯ. Слушай, почему ты всё время твердишь о каком-то реактиве?

СЕРЁЖА. А почему ты выпытываешь у меня то, о чём я должен молчать, как рыба?

ЛЯЛЯ. Я не выпытываю.

СЕРЁЖА. Нет, выпытываешь!

ЛЯЛЯ. Нет, не выпытываю!

СЕРЁЖА. Нет, выпытываешь! Ну, хорошо, я открою тебе свою тайну!

ЛЯЛЯ. Не открывай, пожалуйста!

СЕРЁЖА. Нет уж, я открою.

ЛЯЛЯ. А я не хочу слушать, раз ты сразу не сказал!

СЕРЁЖА. Ну, Лялечка, давай я открою тебе свою тайну, мне так хочется!

ЛЯЛЯ. Ну, ладно, открывай!

СЕРЁЖА. Но сначала поклянись, что никому не проболтаешься!

ЛЯЛЯ. Вот ещё! Не буду!

СЕРЁЖА. Ну, хочешь я подарю тебе одну вещь?

ЛЯЛЯ. Какую?

СЕРЁЖА. Шоколад!

ЛЯЛЯ. Какой? Наверно, «Детский»!

СЕРЁЖА. Что ты! Я подарю тебе шоколад, который называется «А. С. Пушкин и его няня Арина Родионовна».

ЛЯЛЯ. Хорошо. Клянусь своей жизнью!

СЕРЁЖА. Э, нет, ты поклянись жизнью Зонтика!

ЛЯЛЯ. Клянусь!

СЕРЁЖА. «И, услышав слова клятвы, Серёжа, преисполнившись внезапным доверием к этой наивной девочке, почувствовал непреодолимую потребность поделиться с ней своей тайной. Он рассказал ей всё и даже разрешил взять в руки эту опасную пробирку, запретив, однако, открывать пробку, ибо девочка тотчас же высказала пагубное желание лизнуть смертоносные кристаллы»... Что ты делаешь? Не смей!

ЛЯЛЯ. Подумаешь!

СЕРЁЖА. Ты едва не погубила себя!

ЛЯЛЯ. Ладно, не буду. А вообще, ох, и болтун ты, Серёжа! Человек доверил тебе, может быть, в самом деле что-нибудь важное, а ты сразу и разболтал... У нас таких ребят, знаешь, как дразнят?

СЕРЕЖА. Как?

ЛЯЛЯ. А вот как... (Поёт.)

Болтун-хвастун
Во дворе живёт у нас,
Болтун-хвастун
Подводил ребят не раз,
Болтун-хвастун,
Он ещё покуда мал,
Болтун-хвастун
Только в играх нам мешал.
Болтун-хвастун
Очень скоро подрастёт,
Болтун-хвастун
В важном деле подведёт.
«Болтун-хвастун, —
Скажут люди про него. —
Болтун-хвастун,
Он не стоит ничего!»

(Стук в дверь: «Почта!»)

СЕРЕЖА. Ляля, подожди здесь, пока я возьму газеты. Не выходи никуда, слышишь? Пробирку не выпускай из рук!

ЛЯЛЯ. Ладно, не выпущу!

СЕРЕЖА. «Но когда буквально через минуту Серёжа возвратился в свою комнату, у него волосы встали дыбом, а по спине забегали мурашки... Комната была пуста...» Ой! Вот так история! Что же теперь делать? Может быть, она спряталась? Ляля! Что за глупые шутки! Вылезай сейчас же! Никого... А я вас вижу!.. А я вас вижу!.. Зонтик, Зонтик, на-на! (Свистит.) Никого. Значит... значит, я пропал! Что же теперь будет? Нет, духом падать нельзя. В погоню!

«Закрыть дверь на ключ и выбежать на улицу было делом одной минуты. Здесь, как ни в чём не бывало, светило солнце и пели птицы»...

??? Ich weiß nicht

СЕРЕЖА. Так у кого бы спросить? Вон кто-то идёт. Ой, кажется, это Наталья Владимировна! Конечно, она могла видеть: она давно здесь прогуливается. Но как я у неё что-нибудь узнаю, если она разговаривает со мной только по-немецки? Иначе, мол, ты никогда не научишься немецкому! «Sprechen Sie deutsch». «Говорите по-немецки». «Скажите это слово по-немецки». А если я не могу?! Надо подойти к ней и вежливо, спокойно, как ни в чём не бывало, заговорить. Может, она забыла? (С наигранной беспечностью.) Здравствуйте, Наталья Владимировна. Хорошая погода! Не правда ли?

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Guten Tag, mein Freund Serёжа!

СЕРЕЖА (тихо, но нетерпеливо). Ну вот! Начинается. Из всей фразы я понял только одно слово — «Серёжа». Надо её чем-нибудь отвлечь. (Громко.) Наталья Владимировна, послушайте, произошёл очень смешной случай... Так забавно...

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Was willst du sagen?

СЕРЕЖА. Опять! Что же делать? (Громко.) Мне так смешно, Наталья Владимировна, я просто умираю от смеха. Вы только послушайте, понимаете...

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Nein, nein, ich verstehe nicht.

СЕРЕЖА (тихо). Якобы не понимает! Вот положение! Впрочем, нельзя падать духом. Когда великие путешественники попадали в неизвестные страны, им тоже трудно было объясняться. Правда, они знали много языков. Вот что! Надо переменить тактику. (Громко.) Наталья Владимировна, произошёл очень смешной... кошмарный случай! Одно очень забавное... как бы вам сказать, несчастье!

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА (взволнованно). Что? Какое несчастье?

СЕРЕЖА (тихо). Ого! Кажется, беседа налаживается. (Громко.) Да, Наталья Владимировна, случилось несчастье. Я в опасности! У меня пропала пробирка!

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА (успокаиваясь). Ах, пробирка! Ich verstehe! O, du, armes Kind! Weiter, weiter...

СЕРЕЖА (тихо). Ну, что ты будешь делать! Впрочем, несмотря на то, что знаменитые путешественники знали много языков, всё равно многим туземцам приходилось разговаривать с ними жестами. На этот раз в роли туземца придётся выступить мне. (Громко.) Наталья Владимировна! Я погиб! Понимаете? (Отчаянно жестикулируя.) Мне... это как его... крышка!

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Was ist das «Крышка»? Ich verstehe nicht. Скажи это слово по-немецки... Der De-ckel...

СЕРЁЖА. Der De-ckel...

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Richtid! Noch einmal...

СЕРЁЖА. Der Deckel... Мне der Deckel! Гроб... Могила!

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Sprich doch deutsch!

СЕРЁЖА. Ну как ей жестами гроб изобразить?! Наталья Владимировна! Скажите мне только одно: куда пошла das Mädchen Ляля и ее der Hund Зонтик?

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ich weiß nicht! Auf Wiedersehen!

СЕРЁЖА. Ich weiß nicht... Что это значит? Направо или налево? Ich weiß nicht... Должно быть, направо, а может быть, налево? Пойду налево. Вон туда, где ребята в реке лошадей купают... Ich weiß nicht... Ich weiß nicht... Если б только узнать, что это значит! Может быть, в этих словах всё дело!

ВСТРЕЧА НА БЕРЕГУ

СЕРЁЖА. Ребята! Вы не видали, здесь не проходила девочка с этим... как его... ну...

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. С зонтиком?

СЕРЁЖА (обрадованно). Да, да... маленькая такая девочка с Зонтиком. Где она?

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. Зонтик чёрный?

СЕРЁЖА. Совершенно верно. Чёрный с пятнышком!

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Ну, пятнышка-то мы не разглядели. Зонтик у неё подмышкой был.

СЕРЁЖА. Ах, вот как! Она его на руки взяла, чтобы замести следы. Ну, погоди, Лялька, я до тебя доберусь! А куда эта девочка делась?

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. Да села на попутную машину, что к Малым Овражкам шла, и уехала!

СЕРЁЖА. Так... Ждать следующей машины некогда. Пока пробирка у Ляльки в руках, ни за что нельзя поручиться!.. Лошадей!

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Каких это лошадей?

СЕРЁЖА. Это только так говорится: лошадей. А мне, собственно, достаточно одной лошадки. (Многозначительно.) Я не могу вам всего сообщить, но дело в том, что в руки этой девочки попал, как бы вам сказать... один такой небольшой стеклянный сосуд... узенький, длинненький... в общем... химический...

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. Пробирка, что ли?

СЕРЁЖА. Может быть, и пробирка, но я этого не утверждаю. А в этой пробирке были такие прозрачные маленькие...

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Кристаллы?

СЕРЁЖА. Ну, если хотите, кристаллы. Они называются «ПС». Только это секрет!

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. Ах, так вот что она всё время грызла!..

СЕРЁЖА. Грызла?

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Ну да, она их ела. Я ещё подумал...

СЕРЁЖА (в отчаянии). Ой, что же теперь будет? Грызла! Эх, Лялька!

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. А что, они сладкие!

СЕРЁЖА (с горькой иронией). Сладкие! Да! Может быть, они и сладкие... Может быть...

О, если бы вы только знали! Скорее, скорее дайте мне лошадь! Грызла! О!

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Погоди, надо Петьке сказать, он собирался в Малые Овражки, может, он с тобой и доскачет... Вон он куда заплыл, покричи ему.

СЕРЁЖА (кричит). Петя-я! Давай сюда-аа! Скорей!

ПЕТЯ (издали). Заче-еем?

СЕРЁЖА. Надо в Овражки съездить за пробирко-оой!

ПЕТЯ. За какой пробирко-оой?

СЕРЁЖА. С кристалла-аами!

ПЕТЯ. Не слыы-шу!

СЕРЁЖА. Не слышит! Ребята, давайте все вместе. Раз, два три...

ВСЕ КРИЧАТ ХОРОМ. С кри-ста-л-ла-ми!

СЕРЁЖА (кричит). Только это секре-еет!

ПЕТЯ. Сейча-аас!

СЕРЁЖА. Ой, может, я уже опоздал?! Может быть, уже поздно? Может, Лялька уже все кристаллы съела? (Решительно.) Какую мне лошадь взять?

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. Да вот Метеора возьми!

СЕРЁЖА. Метеор! Это хорошо. «И Метеор помчал юношу навстречу неизвестности»...

Хорошо! Только почему этот Метеор в соломенной шляпе да ещё с такими огромными полями?

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. От солнца. Лошадь старая, мало ли чего! В Метеора мы её сами переименовали, а раньше она Муськой была... А ты без седла не свалишься?

СЕРЕЖА. Я? Да мне на неосёдланной лошади даже ещё лучше. Дайте-ка сюда вот эти вожжи.

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. Это уздечка.

СЕРЁЖА. Я и говорю: уздечку. Сейчас мы его взнуздаем. Подержите-ка лошадь.

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Как это подержать?

СЕРЁЖА. Ну, чтобы не брыкалась, пока я ее взнуздывать буду.

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. А, понятно... (Фыркнув.) Держать за ноги или за гриву? Или, может, за хвост?

СЕРЁЖА. Чудаки! За туловище... (Мальчишки смеются.) То есть за крр-руп! Только бы мне не опоздать. Метеор, тпррру! А лошадь объезженная?

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Чего?

СЕРЁЖА. Я спрашиваю, лошадь объезженная?

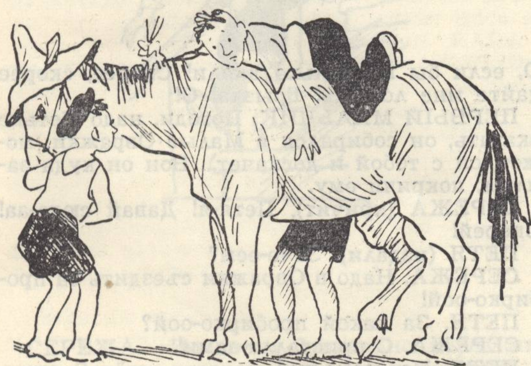
ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. А, объезженная! На ней уже лет десять воду в поле возят. Муська, стоять!

СЕРЁЖА. Метеор! Открой рот! Я кому сказал, открой рот! Как бы ему эту железку в рот вставить?

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Это удила!

СЕРЁЖА. Я и говорю: удила! «Не помахиваешь гривой, не грызёшь своих удил»... Что я, не знаю, что ли! Метеор, открой ротик, ну, открой, открой. (Ржание.) Не хочет! Ну, что ты будешь делать! Ишь какой дикий!

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. А ну-ка, дай сюда уздечку. Так... так... Вот и готово. Тебя посадить или сам влезешь?

СЕРЕЖА. Конечно, сам. (Тихо.) Какая она вся гладкая, скользкая. (Громко.) Некоторым следопытам приходилось на полном скаку перескакивать с лошади на лошадь, а тут... пустяки! Але-е... Ой!

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Ты что с ней делаешь?

СЕРЕЖА. Это особый приём.

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. Нет уж, лучше давай мы тебя посадим, вот... так... так... Хорошо! Да ты не ложись на неё, а сиди.

СЕРЁЖА. А я и не ложусь. Я просто припал к шее лошади. Ничего вы не понимаете!

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Где уж нам!.. Только ты гриву отпусти, держись за уздечку...

СЕРЁЖА. Я за уздечку. Вот видите? Сижу — и ничего!

ВТОРОЙ МАЛЬЧИК. Молодец!

СЕРЁЖА. Мне и не на таких лошадях ездить приходилось.

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИК. Оно и видно!

СЕРЁЖА. Могу и шпоры дать. Вот. Ой, Метеор, стоять! Стоять, Муська! Держите меня! Мама! Мама!

(Муська затрусила мелкой рысью.)

ПОГОНЯ

СЕРЁЖА. «Но героические усилия всадника не привели ни к чему. Лошадь понесла! Как видно, она всё-таки была необъезженная! Юноша впился пальцами в гриву, и ветер засвистел в его ушах... Как ни старался он остановить обезумевшее животное, как ни колотил каблуками в круп лошади — она не останавливалась... Пальцы всадника одеревенели, спина ныла, в висках стучало. Перед мысленным взором несчастного уже проплывали картины его безмятежного детства... Потом в его воображении возник образ Ляли, жующей кристаллы «ПС», ему почему-то вспомнились непонятные немецкие слова «Ich weiß nicht», и всё завертелось... Ещё минута — и он потерял бы сознание. Но вдруг за его спиной раздался стук копыт, и звонкий голос прокричал: «Муська! Стой!»

Это был Петя. Лошадь остановилась, как вкопанная. Несчастный всадник уже хотел было принести своему спасителю слова благодарности и с его помощью слезть с лошади, чтобы больше уже никогда не садиться на неё, но разговор принял совершенно неожиданный оборот».

ПЕТЯ. Ты что же это её каблуками лупишь? Голова!

СЕРЁЖА. А я её не луплю, а пришпориваю... Хорошая лошадка, бойкая!

ПЕТЯ. «Пришпориваю»!.. А если бы она тебя сбросила?

СЕРЕЖА. Сбросила? Меня?! Ха-ха! Да я её просто хотел в галоп перевести, а она всё мелкой рысцой трусит. Я и не на таких лошадях скакал, как ваша дохлая Муська!

ПЕТЯ. А чего же ты тогда «мама» кричал?

СЕРЁЖА. Я и не кричал вовсе, а... пел. А уж если вы так за свою лошадь дрожите, пожалуйста, я пешком пойду... Помоги мне только слезть.

ПЕТЯ. Нет, зачем же пешком? Ты уж поезжай дальше!

СЕРЕЖА. Не хочу! Меня от одного вида этой лошади мутит.

ПЕТЯ. Ну, хорошо, иди пешком, только сам слезай. Я тебе помогать не буду.

СЕРЁЖА. Ну, тогда я не стану слезать. С какой стати мне пешком тащиться? Мете-

ор, стоять! Ишь, как копытами бьёт, орёл! И шляпа ему соломенная идёт.

ПЕТЯ. Ну, я поскакал. Смотри только, как мимо овса проезжать будешь, Муську попридержи. А то она обязательно в овёс забредёт, а уж оттуда её не вытянешь, пиши пропало.

СЕРЁЖА. Подожди, Петя!

ПЕТЯ. Счастливо добраться!

(Петя ускакал.)

СЕРЁЖА. Уехал... Так... Метеор, ступай! Шагом арш! Ну, чего же ты стоишь? Ну!

(Муська медленно затрусила.)

Поехали! Ура! Вот только бы в овёс не заехать. А как я Муську во-время придержу, если я даже не знаю, какой он, овёс-то? Вот, например, что-то посеяно. Может, это и есть овёс, а может, наоборот, просо...

(Поёт.)

Ветер в лицо,
Копыта — цок-цок.
Всё позабыто!
В конце-то концов
Конь молодцом
У следопыта!

Рысью несёт
Меня он вперёд,
В синие дали...
Но как бы с конём
В поле с овсом
Мы не застряли!

Ведь надо же знать,
Где лошадь сдержать;
А это не просто...
Кто может сказать,
Как угадать,
Где он, овёс-то?

Заметил я вдруг,
Как много вокруг
Трудных вопросов...
Вот вам вопрос:
«Это овёс
Или же просо?»

Ветер в лицо,
Копыта — цок-цок.
Всё позабыто!
В конце-то концов
Конь молодцом
У следопыта!

Муська, не смей! Куда же ты?! Тпр-рру! Я кому сказал! Вот он, овёс-то! Муська сразу узнала! Тпр-рру! Всё пропало! И Петька далеко... Петя-я! Эгей! Что же делать? Так и погибнуть можно... (Всхлипывает.) Вот начинаются мучения жажды... Как у Пржевальского, когда он в пустыне скитался... А ведь Малые Овражки совсем близко. Их уже отсюда видно. А может быть, это мираж?

НАВСТРЕЧУ НОВЫМ ОПАСНОСТЯМ

СЕРЁЖА. «Когда солнце стало клониться к западу, изумлённые жители селения Малые Овражки стали свидетелями необычайного зрелища. По улице медленно шла лошадь в лихо заломленной соломенной шляпе. На лошади, почти лёжа, покачивался измождённый всадник. Лошадь остановилась возле колодца и чихнула овсом. Из-под грузовой машины, что стояла неподалёку, вылез шофёр и стащил всадника на землю».

ШОФЁР (добродушно). Слезай, приехали...

СЕРЁЖА (осипшим голосом). Пи-ить...

ШОФЁР. На... пей, только немного... Следопыт!

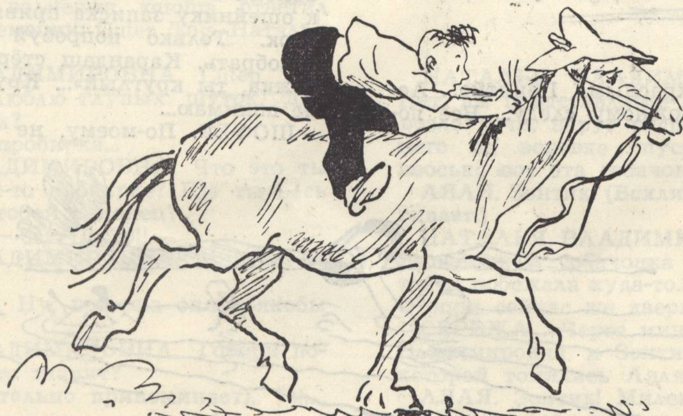
СЕРЁЖА. Есть... Дайте поесть...

ШОФЁР. Что же тебе дать? У меня только хлеб с мёдом... Хочешь? Не стесняйся. Ты ведь с утра в эту погоню отправился. Муська! Пошла на конюшню! Она у нас послушная...

СЕРЁЖА (с набитым ртом). Откуда... вы меня...

ШОФЁР. Откуда я тебя знаю? Да ты ешь, ешь... Я просто догадался, о тебе здесь все толкуют...

(Серёжа мычит, прожёвывая.)

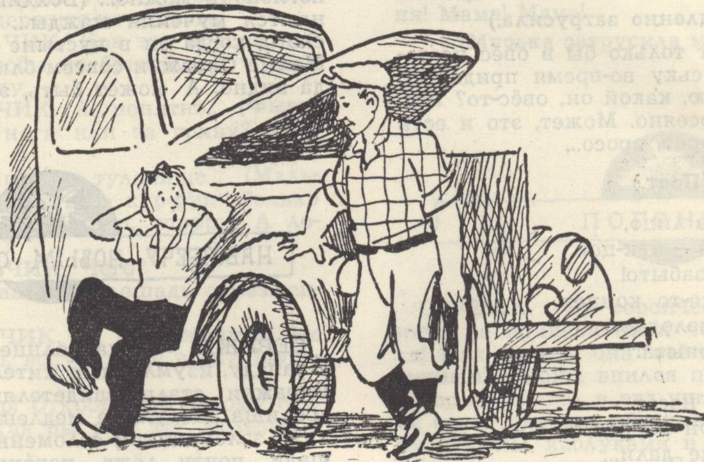
ШОФЕР. Вот тебе и «мм-мм»! Ты ведь тот самый мальчик, который какую-то девочку с зонтиком разыскивает?

СЕРЁЖА. Я... это...

ШОФЕР. А у девочки пробирка с кристаллами, кажется «ПС»?

СЕРЁЖА. Мм-мм!..

ШОФЕР. Понимаю. Об этом никто не должен знать. Секрет! Кстати, за тобой наши

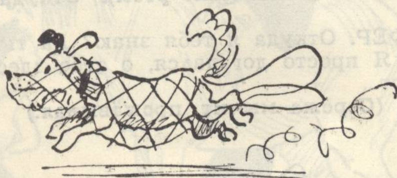

мальчишки целую спасательную экспедицию снарядили. А девочку, между прочим, я вёз. Вернее, даже двух девочек!

СЕРЁЖА. То есть как двух?!

ШОФЕР. Очень просто. В моей машине были две девочки — и обе с зонтиками: одна с чёрным, а другая с красным. Не знаю, какая тебе нужна. Может, та, которая всю дорогу леденцы ела? Она и меня угощала.

СЕРЁЖА (убитым голосом). Одна с чёрным

зонтиком, другая с красным... Понятно... Леденцы... Я шёл по ложному следу... Всё погибло!

ШОФЕР (бодро). Да ты не беспокойся! Тебе этих девчонок наши ребята мигом разыщут. Они за это взялись. А раз они взялись, будь спокоен, обеих доставят! Они у нас такие.

СЕРЁЖА. Понятно... доставят... я пропал...

ШОФЕР. Почему же «пропал»? Наоборот, теперь всё в порядке!

СЕРЁЖА. Да, да, конечно... В порядке, но мне крышка. Der Deckel.

ШОФЕР (начинает волноваться). Что с тобой? Ты успокойся!..

СЕРЁЖА (внезапно). Ой! Что это такое? Вон там... на дороге?!

ШОФЕР. Где? А... вижу... Что-то к нам движется. Не то собака, не то кошка... Странное что-то... Какие-то красные полосы.

СЕРЁЖА. Оно в сетке!

ШОФЕР. Кто «оно»?

СЕРЁЖА. Животное.

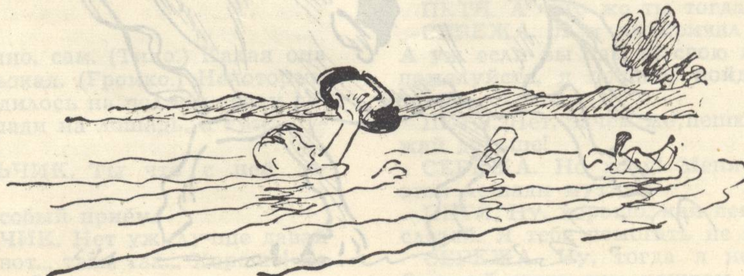
ШОФЕР. Это скорее всего собака.

СЕРЁЖА (радостно). Собака! Собака! Это Зонтик, ура! Миленький Зонтичек! Кто это на тебя сетку набросил?

ШОФЕР. Да это же «авоська», с которой на базар за картошкой ходят.

СЕРЁЖА. Правильно... Это мамина авоська. Зонтик в авоське! Ну и дела! Ой, да у него к ошейнику записка привязана! Лялькин почерк. Только попробуй здесь что-нибудь разобрать. Карандаш стёрся... (Читает). «Серёжка, ты круглый»... Круглый что? Ничего не понимаю...

ШОФЕР. По-моему, не трудно догадаться.

СЕРЁЖА (поспешно). Читаем дальше. Здесь более разборчиво. «Я почти умерла от...» Ляля умерла!!!

ШОФЁР. «Почти!»

СЕРЕЖА. Отчего она почти скончалась? Неразборчиво... «Следуй за Зонтиком, он приведёт тебя туда, где...». Где что? Впрочем, что бы то ни было (патетически), теперь мне остаётся только одно: я должен следовать за Зонтиком, куда бы он ни повёл меня! Веди меня, верный пёс, веди меня, Зонтик, туда, где ждут меня новые опасности.

(Серёжа уходит.)

ШОФЕР. Возьми хоть хлеба с мёдом! В дороге пригодится!

РОКОВАЯ РАЗВЯЗКА

СЕРЕЖА. «Но путник был уже далеко. К изумлению юноши, верная собака повела его знакомой дорогой в тот самый дачный посёлок, который он покинул утром. Теперь, когда он шёл пешком, этот путь показался ему втрое короче, чем когда он скакал на лошади. И это несмотря на то, что он дважды едва не утонул, так как его излюбленный стиль — баттерфляй — оказался почему-то непригодным в волнах маленькой речушки Серебрянки, которую он пытался переплыть, чтобы сократить расстояние. Наконец путник оказался возле знакомой дачи. Окно его комнаты было открыто, и из него спускалась верёвка, едва не доставвшая до земли. В окне он увидел живую и невредимую Ляльку, а внизу стояла учительница немецкого языка Наталья Владимировна».

ЛЯЛЯ. Зонтик! Зонтик!

СЕРЕЖА. «Заметив юношу, Наталья Владимировна вскричала на чистом русском языке»...

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Это — безобразие! Зачем ты запер Лялю в своей комнате? Она чуть не умерла с голоду. Её мама волнуется, она уже несколько раз сюда приходила. Мы все ключи перепробовали. Я всё расскажу твоим родителям.

СЕРЕЖА. «От волнения юноша ответил учительнице по-немецки: Guten Tag, Наталья Владимировна!»

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Guten Tag! Guten Tag! Я не люблю глупых шуток. Для чего ты это сделал?

СЕРЕЖА. Eine пробирка...

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что это ты твердишь о какой-то пробирке? Где ты весь измазался, что с тобой наконец?

СЕРЁЖА. Мне — der Deckel!

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ничего не понимаю.

СЕРЕЖА (тихо). Ну, вот она опять якобы не понимает...

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Говори по-русски. Что всё это значит?

СЕРЁЖА (мучительно припоминает). Ich... weiß... nicht...

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Вот ужас! Нет, вы представляете себе! Я прогуливаюсь возле дачи, вдруг распахивается окно, и из него на верёвке спускается авоська, а в авоське вот эта собачонка...

ЛЯЛЯ. Зонтик! (Всхлипывает. Зонтик взвизгивает.)

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Верёвка обрывается, и собачонка как была в авоське, так и побежала куда-то... Где ключи, Серёжа? Отопри сейчас же дверь!

СЕРЁЖА. «Через минуту Серёжа, Наталья Владимировна и Зонтик были в комнате, в которой томилась Ляля»...

ЛЯЛЯ. Зонтик! Миленький! Серёжка даже авоську с тебя не догадался снять...

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Что здесь за баррикады? Почему самовар на постели? Почему закрыты остальные окна?

СЕРЕЖА. Ляля, где пробирка?

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Опять пробирка!

ЛЯЛЯ. Вот твоя пробирка, цела и невредима! Мы с Зонтиком на минутку от тебя спрятались, пошутить хотели, а ты нас запер и скрылся на целый день! (Всхлипывает.) Я тут холодную картошку ела, без соли...

СЕРЕЖА (радостно). Вот она, пробирка! Теперь мне не стыдно будет профессору в глаза смотреть. Всё-таки я сохранил пробирку с кристаллами «ПС».

ЛЯЛЯ. Не ты сохранил, а я!

СЕРЕЖА. Нет, я! Ведь это я запер тебя в комнате.

ЛЯЛЯ. А всё-таки сохранила её я! Она у меня в руках была!

СЕРЕЖА. Нет, я!

ЛЯЛЯ. Нет, я!

СЕРЕЖА. Нет, я!

(Роняет пробирку, которая со звоном разбивается. Пауза.)

ЛЯЛЯ (шёпотом). Что ты наделал?

СЕРЕЖА (зловеще). В комнату никто не должен входить.

(Стук в дверь.)

ПЕТЯ (весело). Здорово, кавалерист! Нашли мы тебе этих девочек с зонтиками! Одна с чёрным, а другая с красным. Они во дворе ждут. Позвать?.. Да что вы притихли?

(Стук в дверь.)

ШОФЕР. Здорово, следопыт! А я мимо проезжал. Вижу: мои девочки с зонтиками... Дай, думаю, зайду узнаю, чем дело кончилось. Да что это вы все какие-то странные?

(Часы бьют шесть раз. Стук в дверь.)

ПРОФЕССОР. А вот и я, коллега! О, да тут обширное общество!.. Очень приятно... Ну, так чем же кончилась история, которую я собирался вам рассказать? Вы просили, чтобы она была пострашнее? Страшные истории интереснее, не правда ли?.. О! Моя пробирка разбита... Так, так...

СЕРЕЖА (горячо). Профессор!!!

ПРОФЕССОР. «...Воскликнул сконфуженный юноша. Но профессор остановил его. «Если вы собираетесь рассказывать мне всю историю сначала,— сказал он,— то я могу вас избавить от этой печальной необходимости. Всё произошло так, как я и предвидел, даже немного страшнее. Но могу вас успокоить, коллега, кристаллы «ПС» не что иное, как обыкновенная поваренная соль».

ЛЯЛЯ. А я-то картошку без соли ела!

ПРОФЕССОР. Я хотел бы, чтоб из всей этой истории вы поняли одно, коллега: тот, кто мечтает стать путешественником, исследователем, учёным, должен многому научиться, прежде чем отправиться в путь. Понятно?

СЕРЕЖА. Профессор! Я многому научусь! Я буду изучать иностранные языки и всевозможные науки... Я научусь плавать и скакать на лошади... Я... я всё понял!

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА. Sprechen Sie deutsch! Скажите эту фразу по-немецки, mein Freund Серёжа!

(Все поют заключительную песенку.)

Итак, друзья, окончен наш рассказ...
И пусть не всё на правду в нём похоже,
Но встретятся, пожалуй, среди вас
Такие следопыты, как Серёжа.

Слегка мы приукрасили его;
Такое приключалось с ним едва ли,
Но сделали мы это для того,
Чтоб вы его как следует узнали.

Он слово дал исправиться. Ну, что ж!
Ведь мы его не раз проверить сможем,
А вместе с ним и всех, кто так похож
На нашего героя — на Серёжу.

30 ЛЕТ «ПИОНЕРУ»

В 1924 году, ровно тридцать лет тому назад, вышел первый номер журнала «Пионер». Все эти годы «Пионер» стремился быть верным советчиком и другом наших ребят.

Передо мной комплект журнала за 1926 год, за тот год, когда я ещё учился в четвёртом классе, или, как тогда говорили, в четвёртой группе. Какими делами занимались в то время пионеры? Это очень хорошо видно по журналу.

Многие теперешние школьники очень удивились бы, прочитав в журнале: «Как работать с беспризорными?» В те годы этот заголовок никому не казался странным. Совсем незадолго перед этим кончилась гражданская война. Страна ещё не оправилась от разрухи. По улицам городов бродили тысячи бездомных ребят, родители которых погибли на фронтах или умерли от голода и тифа. И вот журнал рассказывал о том, как пионеры могут помочь беспризорному устроиться в детский дом, как ему поступить учиться, как вернуть его к нормальной ребячьей жизни.

Или вот вы читаете в другом номере: «Внимание батрачатам». Теперь даже слова такого не услышишь. А в то время в деревнях ещё были сильны богатеи-кулаки. Для того, чтобы обрабатывать свои поля, пасти коров, выкармливать свиней, они нанимали батраков, в том числе и ребят. Статья учила пионеров, как защищать маленьких батрачат от кулацкого гнёта.

Настали годы массовой коллективизации, годы первых пятилеток. Теперь уже не было ни беспризорных, ни батрачат; другие вопросы волновали юных пионеров. И вот в своём журнале они увидели очерки о строительстве Днепрогэса, о домнах Магнитки, о Сталинградском тракторном. На страницах «Пионера» рассказывали ребятам о своей работе прославленные люди труда: доменщик И. Г. Коробов, сталевар Ф. И. Свешников, молодые строители Комсомольска-на-Амуре, герои-полярники, участники беспосадочных рекордных перелётов.

Грянула Отечественная война. В «Пионере» появились рассказы о замечательных делах ребят, которые собирали для наших заводов металлический лом, которые помогали семьям фронтовиков, которые готовы были выполнить любое поручение так же самоотверженно, как выполняли приказы наши бойцы на фронте. На страницах журнала с пионерами беседовали герои-фронтовики: гвардии старшина Иван Самохин, гвардии генерал-лейтенант П. П. Полубояров и многие другие славные защитники Родины. Их рассказы воспитывали в ребятах патриотизм, готовность к труду и подвигу для счастья родной страны.

Есть замечательная черта у советских людей. Люди, занятые самыми важными делами, никогда не отказываются придти на сбор отряда, ответить на письмо школьника, написать в детский журнал.

Перелистывая страницы «Пионера», вы всё время встречаетесь с именами людей, которые среди научных исследований, среди государственных забот о благе всей страны, среди напряжённого труда на большой стройке находят время для ребят...

Старый коммунист Емельян Ярославский на страницах журнала ведёт задушевную беседу с читателями о коммунистической морали, о том, как должен поступать пионер.

Создатели могучих и быстрых самолётов конструкторы А. С. Яковлев, А. А. Микулин рассказывают о своей работе. Крупнейшие учёные нашей страны — академик Г. М. Кржижановский, академик О. Ю. Шмидт — разговаривают с ребятами. Талантливые актёры, знаменитые художники рассказывают им о своём искусстве. Мастера спорта и чемпионы раскрывают им тайны своих спортивных побед.

На страницах журнала «Пионер» начали свою большую литературную жизнь очень многие из тех повестей, рассказов и стихов, которые стали любимым чтением миллионов советских школьников: стихи В. Маяковского, Э. Багрицкого, С. Маршака, С. Михалкова, М. Светлова, А. Барто, рассказы и повести А. Гайдара, Б. Житкова, М. Пришвина, Алексея Толстого, Сергея Григорьева, В. Катаева, К. Паустовского, Л. Кассиля, Р. Фраермана, В. Осеевой, И. Ликстанова.

Здесь читатели впервые познакомились с мужественным Тимуром, с трудолюбивым и упорным Малышком, со смелым Джурой, с Васьком Трубачёвым, Антоном Кандидовым и ещё многими своими любимыми героями.

И вот, ребята, в тридцатилетие журнала «Пионер» мне, его старому читателю, а теперь уже и автору, захотелось рассказать вам, теперешним читателям, о вашем хорошем друге.

Пусть он доживёт до ста лет и пусть останется таким же юным, каким он был все эти три десятилетия, чтобы и пионеры будущего — ваши внуки и правнуки — с интересом читали его.
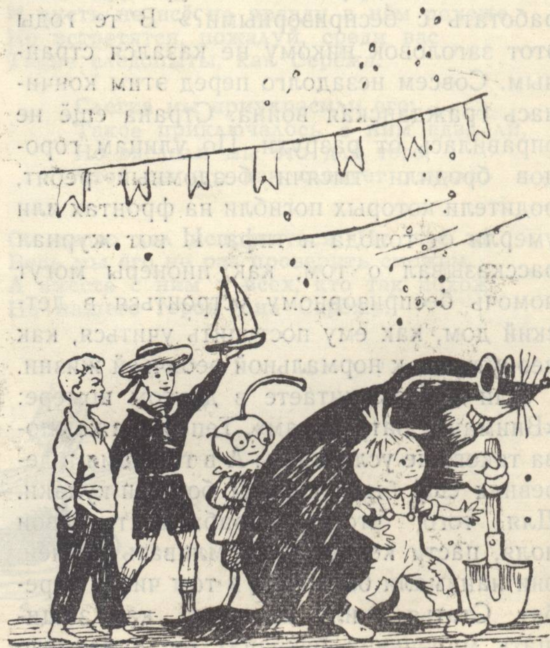
Юрий Сотник

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Ю. Новикова

Полночь било.
С книжной полки
ускользнув на краткий миг,
в Новый год у пышной ёлки
собрались герои книг.
Сколько встреч, смешных и важных!
Сколько милых всем фигур!
...Вот отважный из отважных,
наша гордость, наш Тимур.
Вся команда вереницей
прибежала в эту ночь
поплясать, повеселиться,
а случится — и помочь.

Сверху вниз на ёлку глядя:
голова под потолком —
зажигает свечки дядя,
дядя этот вам знаком...
Узнаёте дядю Стёпу?
Даже грамоты не знав,
вы любили дядю Стёпу
за его хороший нрав.
К ёлке с клетками и сеткой
два приятеля спешат:
— Дядя! Вешайте на ветку
двух ежат и двух ужат!..

И внезапно свежий ветер,
ветер с моря ворвался.
Мчится Гаврик, мчится Петя...
Ветер свищет в паруса...
А за сверстниками следом,
в размышленье погружён,
Вовка Грушин с «Архимедом».
Что теперь построит он?

Вместе с Вишенкою чинным
и Кротом вступает в круг
непоседа Чиполлино —
ваш чудесный новый друг.
И кружит вкруг ёлки яркой
разноцветный хоровод,
а Хоттабыч всем подарки,
всем подарки раздаёт!

...А когда погаснут свечки,
Гости сядут отдохнуть
И, пригревшись возле печки,
Вспомнят вместе прежний путь:
Как они вот здесь, в журнале, —
Кто давно, а кто сейчас —
С вами дружбу завязали
И остались жить у вас.
Подавали вам примеры,
И смешили без конца,
И вошли из «Пионера»
в пионерские сердца.

ЛЕТОМ

Можно было бы загадать загадку: сколько здесь животных? Вы бы, вероятно, ответили: «четыре зверя, две птицы» — и ошиблись бы. Здесь только одна птица и два зверька. Серая куропатка, горностай и песец. Только они в разных нарядах: слева — в летних, справа — в зимних.

Летом куропатка незаметна среди веточек, стебельков и травинок. На камнях, на однообразном фоне тундры вы не различите песца. Светлая грудка и бурая спинка быстрого горностая кажутся пятнами света и тени на тёмной земле, на древесных стволах.

Но уже с осени все трое начинают «переодевание». Пёрышко за пёрышком линяет куропатка, и на смену сереньким с пестринкой у неё выра-

З И М О Й

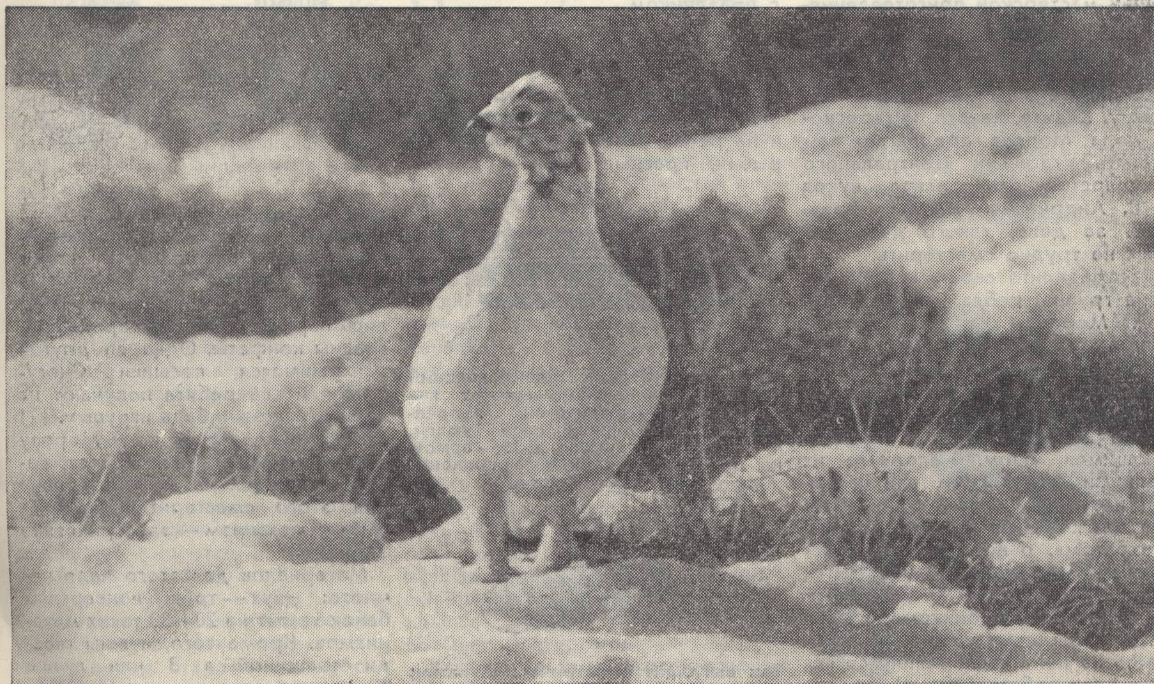

стают белые. Дымчатый мех песца заменяется густой белой шубкой. Побелевший горностай совсем сливается со снежным фоном. Только самый кончик хвоста остаётся у него тёмным.

И вот все трое сделались «невидимками». Но куропатке её белый наряд нужен, чтобы прятаться от врагов, а песцу и горностаю — чтобы нападать, незаметно подкрадываясь к добыче; может быть, вот к такой же куропатке.

Впрочем, песцу тоже случается прятаться. В белой шубке его не заметит полярный медведь, который не прочь поохотиться на песца, если не подвернётся жирная нерпа.

ЧУДЕСА ДЕДА МОРОЗА

Давайте, ребята, займёмся в нашей мастерской приготовлениями к новогодней ёлке. Тут для всех найдётся интересное занятие.

Взгляните на последнюю обложку. Видите, какого интересного деда Мороза предлагает вам сделать художник Центрального государственного театра кукол В. В. Андриевич. Дружно взявшись за дело, такого деда совсем не трудно смастерить.

Распределите свои силы. Пусть одна группа ребят займётся дедом Морозом, другая украсит зал, а остальные помогут деду Морозу стать «волшебником».

Развесьте в разных концах зала самодельные бумажные коробки самой различной формы, с открывающимся дном. Наполните их мелкими бумажными или ватными игрушками или конфетами. Все эти коробки должны быть с «секретом», о котором мы расскажем несколько позже. Этот «секрет» и поможет деду Морозу сделаться «волшебником».

...Вот представьте себе: «выезжает» на коне к собравшимся вокруг ёлки ребятам дед Мороз.

— А где же Новый год? — спрашивает он.— Ведь он обещал к нам на ёлку придти! Ну-ка, спросите, ребята, мишку косолапого, придёт ли к нам Новый год!

На стене висит большой картонный медведь с горящими глазами. В лапах у него какой-то свёрток.

— Мишка, а где же Новый год? — спрашивает кто-нибудь из ребят.

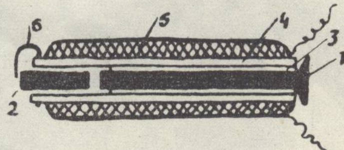
И вдруг мишка развёртывает перед ребятами большой плакат, на котором нарисован Новый год, поздравляющий всех собравшихся с праздником.

Или в самый разгар веселья дед Мороз вдруг объявляет, что Снегурочка п[illegible]пала ребятам посылки. Вслед за этим раскрывается фонарик, висящий под потолком, и на ребят сыплются серебряные рыбки, красные маки и другие самодельные игрушки. На каждой вещичке написано: «С Новым годом!».

А в другом конце зала по волшебному слову деда Мороза взмахнула крылышками большая разноцветная бабочка — и снова посыпались игрушки или спустились парашютики, к которым привязаны конфеты. Одна за другой раскрываются посылки Снегурочки, и все ребята получают на память какую-нибудь игрушку.

Как же сделаться деду Морозу «волшебником»? Оказывается, совсем не сложно. Нужно только для этого смастерить «волшебный» механизм — электрические замочки.

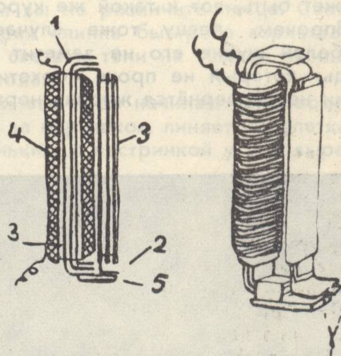
Материалов для этого надо немного: двух — трёх консервных банок хватит на 20—30 таких механизмов. Кроме того, нужны гвозди толщиной в 3 или лучше 4 миллиметра, изолированная

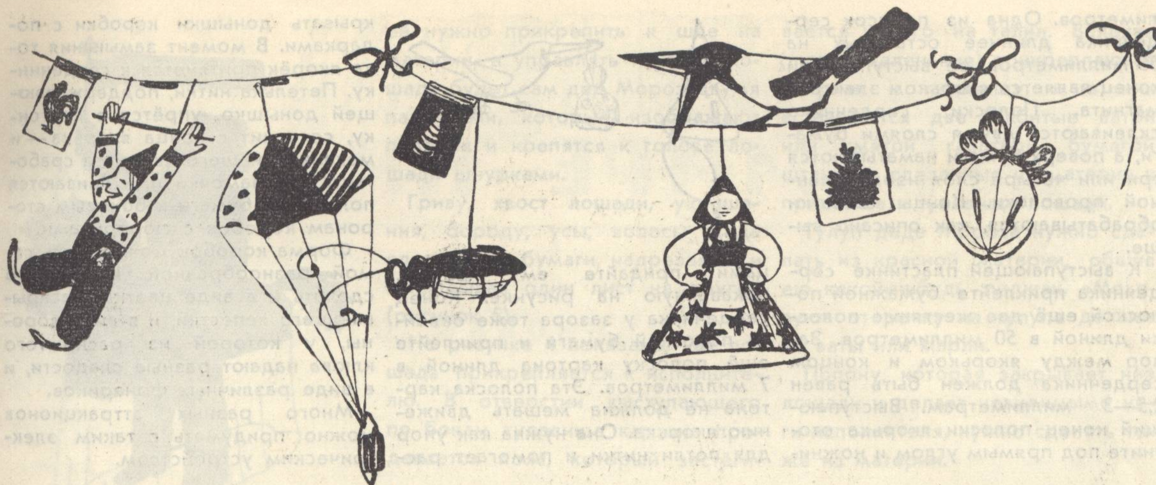
Вот как устроен электрический замок, сделанный из гвоздя: 1 — гвоздь, 2 — подвижной якорёк-плунжер, 3 — первый слой бумаги, 4 — бумажная трубочка, 5 — обмотка из изолированной проволоки, 6 — крючок-упор.

Так выглядит электрический замок снаружи.

Электрозамок из жести: 1 — три жестяные полоски, 2 — отогнутый конец якорька, 3 — якорёк, 4 — обмотка, 5 — упор из картона.

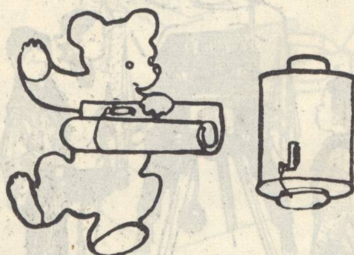
проволока сечением от 0,2 до 0,4 миллиметра, бумага и клей. Замочки можно сделать из гвоздя. Отмерьте от головки 50 миллиметров и в этом месте перекусите гвоздь клещами или отпилите гранью напильника. Конец запилите напильником, чтобы он был плоский. Это и будет сердечник электромагнита. Остаток гвоздя не выбрасывайте, а откусите от него кусочек длиной в 20 миллиметров и запилите его концы. Кусок гвоздя со шляпкой оклейте двумя слоями бумаги, но так, чтобы она не выходила за опиленный конец гвоздя. Поверх намотайте бумажную полоску, более длинную. Получится трубочка, внутренний диаметр которой чуть-чуть больше диаметра гвоздя. Короткий отрезок гвоздя — якорёк — должен свободно входить в эту трубочку до тех пор, пока не упрётся в конец заклеенного гвоздя — сердечника электромагнита. При этом трубочка должна быть на 1 или 2 миллиметра длиннее якорька.

Поверх трубочки намотайте в четыре слоя обмотку из изолированной проволоки сечением 0,3 миллиметра (можно 0,2 или 0,4 миллиметра). На всю обмотку хватит 3 или 3,5 метра проволоки. Выводы обмотки длиной около 30 миллиметров укрепите на электромагните нитками. С концов выводов счистите изоляцию на длину в 20 миллиметров.

Вложите якорёк в трубочку на $2/3$ его длины и присоедините концы обмотки к полюсам батарейки карманного фонарика; якорёк мгновенно скроется в трубочке: сердечник притянет его.

Но нам нужно, чтобы зазор между якорьком и сердечником был всего 3 миллиметра. Поэтому перед отверстием трубочки в двух миллиметрах от её края укрепите проволочный отогнутый вниз крючок. Этот крючок не позволяет якорьку выпадать из трубочки и очень облегчает настройку к действию.

Электромагнит приклейте полоской бумаги к лапам мишки, а верхнюю кромку плаката приклейте под электромагнитом. Чуть ниже под плакатом приклейте один конец нитки длиной

в 200 миллиметров. К свободному концу нитки привяжите проволочное колечко диаметром в 5—6 миллиметров. Сверните плакат в трубку, охватите его ниткой, а колечко нитки наденьте на выступающий из трубки конец якорька. Если включить электрический ток в обмотку электромагнита, якорёк притянется сердечником, освободит нитку, и плакат, не поддерживаемый ниткой, развернётся.

Но как же дед Мороз, находясь далеко от мишки, заставил его развернуть плакат?

Дед Мороз незаметно нажал ногой замыкатель, лежавший у ёлки. В этот момент электрический ток от карманной батарейки освободил маленький электрический замок на плакате, и лист раскрылся. Так же раскрывались и посылки Снегурочки.

Устройство замыкателей совсем просто. Это картонные полоски длиной в 100 миллиметров и шириной в 50 миллиметров, согнутые пополам. На верхней половине посредине укрепите проволочку без изоляции. К нижней половине прикрепите такую же проволочку, только перпендикулярную первой. Если на такой замыкатель нажать, то верхняя проволочка коснётся нижней, и произойдёт замыкание электрической цепи.

Одну проволочку замыкателя соедините с полюсом батарейки, а вторую — с одним выводом обмотки электромагнита. Свободный полюс батарейки соедините со вторым выводом электромагнита, и цепь готова к действию!

Такой замок нужен для большого и тяжёлого плаката; для посылок Снегурочки можно сделать электрозамки послабее.

Сердечник и якорёк замка для коробки делается из полосок жести шириной в 6 миллиметров. Сердечник состоит из трёх полосок, сложенных вместе и загнутых в виде скобки. Длина средней части скобки — 50 миллиметров, а длина отогнутых краев—5—6 миллиметров.

лиметров. Одна из полосок сердечника длиннее остальных на 55 миллиметров; её выступающий конец является якорьком электромагнита. Полоски сердечника склеиваются двумя слоями бумаги, а поверх бумаги наматываются три или четыре слоя изолированной проволоки. Концы обмотки обрабатываются, как описано выше.

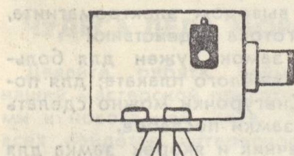
К выступающей пластинке сердечника приклейте бумажной полоской ещё две жестяные полоски длиной в 50 миллиметров. Зазор между якорьком и концом сердечника должен быть равен 2,5—3 миллиметрам. Выступающий конец полоски якорька отогните под прямым углом и ножницами придайте ему форму, показанную на рисунке. Конец сердечника у зазора тоже оклейте полоской бумаги и приклейте ещё полоску картона длиной в 7 миллиметров. Эта полоска картона не должна мешать движению якорька. Она нужна как упор для петли нитки и помогает раскрывать донышки коробки с подарками. В момент замыкания тока якорёк притянется к сердечнику. Петелька нитки, поддерживающей донышко, упрётся в картонку, соскочит с конца якорька — и механизм нашего автомата сработает. Эти замочки приклеиваются полосками бумаги к боковым сторонам коробок с сюрпризами.

Форма коробок может быть самой разнообразной. Их можно сделать и в виде цветка, раскрывающего лепестки, и в виде вороны, у которой из раскрытого клюва падают разные сладости, и в виде различных фонариков.

Много разных аттракционов можно придумать с таким электрическим устройством.

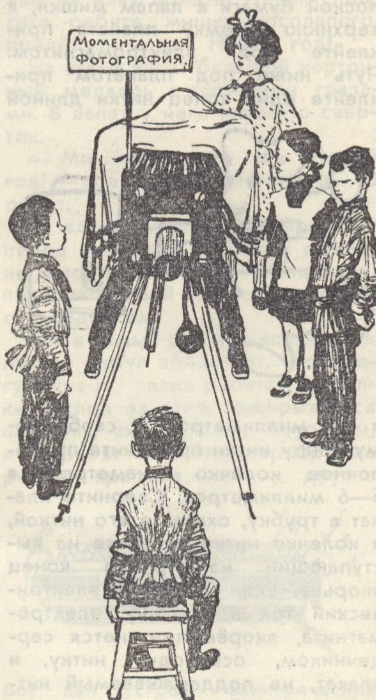
МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Фотоаппарат сделайте посмешнее, из простого фанерного ящика размером примерно 40 × 40 × 50 сантиметров. К передней стенке ящика проволокой прикрепите стеклянную консервную банку — это будет объектив. Крышку объектива склейте из картона. Ящик поставьте на штатив или на столик. Сбоку ящика прикрепите щиток с фотографиями.

Поверх аппарата накиньте тёмное одеяло или штору, под которую прячется «фотограф» во время настройки.

Внутри ящика надо поместить карманный электрический фонарик и стопку фотографий школьников, карикатур, шаржей, рисунков с смешными надписями.

«Фотографы» работают вдвоём. Один зазывает и усаживает снимающихся, снимает с прибаутками крышку объектива во время «съёмки», а второй в это время под покрывалом подбирает соответствующую фотографию или рисунок. Если «снимается» спортсмен, то «фотография» изображает его в гордой позе тяжелоатлета или в виде уткнувшегося в снег лыжника. Юннатов можно изобразить в виде ежа, кролика или каких-нибудь других животных. Рисунки нужно заготовить заранее, тут должны помочь ребята, умеющие рисовать. Можно приготовить и фотошаржи. Их нетрудно сделать с помощью фотоувеличителя. Для этого нужно фотобумагу на экране увеличителя изогнуть и укрепить кнопками. Отпечатки с обыкновенного негатива получатся с очень смешными искажениями, как будто человек смотрит в кривое зеркало.

Не забудьте заранее заготовить побольше смешных «фотографий», вроде нарисованных здесь.

ДЕД МОРОЗ

Изображённый на обложке дед Мороз может быть ведущим на концерте: он будет объявлять номера, раздавать подарки, поздравлять с Новым годом и т. д.

На рисунке вверху показано, как устроен костюм деда Мороза и как располагается в этом костюме исполнитель.

Разграфите клетками картон, как показано на рисунках 2 и 3 (сторона клетки равна 5 сантиметрам), и перенесите рисунок в увеличенном виде. Вырежьте его по контуру, согните по пунктирам и склейте так, чтобы у вас получилось туловище лошади и отдельно её голова (рисунок 4).

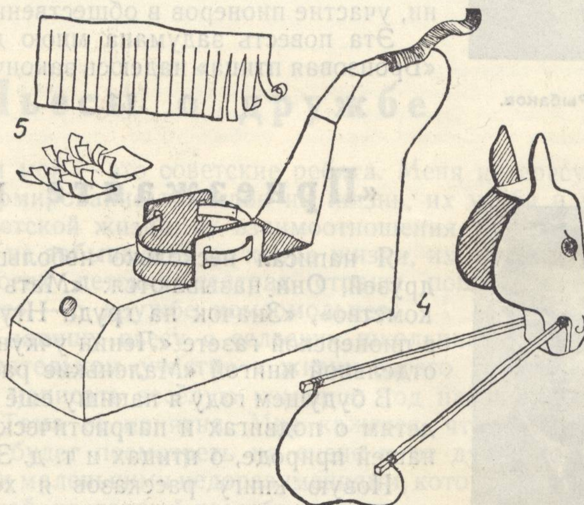
Чтобы голова была подвижной, её нужно прикрепить к шее на материи, а управлять головой лошади будет сам дед Мороз двумя палочками, которые изображают поводья и крепятся к голове лошади шнурками.

Гриву, хвост лошади, украшения, бороду, усы, волосы Деда сделайте из бумаги, надрезая её и накладывая один лист на другой (рисунок 5).

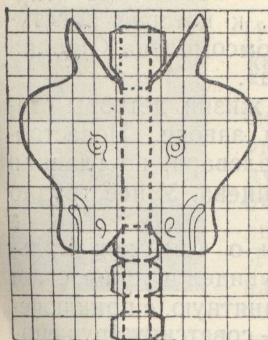
На рисунке 4 показано, как лошадь прикрепляется к исполнителю. В отверстии выступающего по бокам туловища картона продевается пояс, который застёгивается у него на талии. Валенки (лучше маленькие) прикрепляются нитками к туловищу, и в них вставляются две набитые ватой или смятой газетной бумагой штанины, сделанные из материи и пришитые к туловищу лошади.

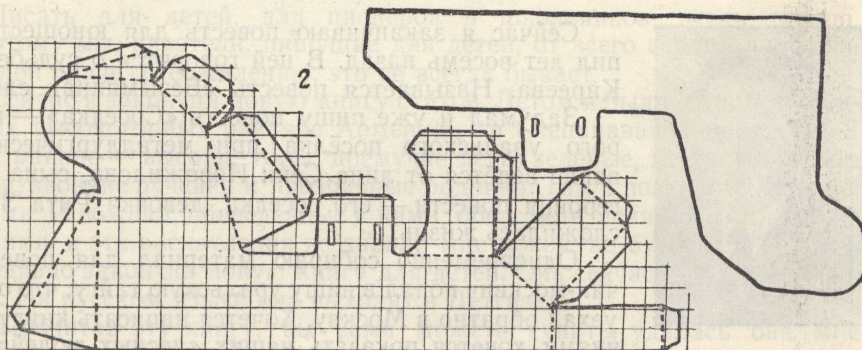
Тулуп деда Мороза нужно сделать из красной материи, обшив ею какой-нибудь пиджак. «Меховую» оторочку на тулупе делают из ваты или марли.

Попону, которая закрывает низ лошади и делает невидимыми ноги исполнителя, нужно сделать тоже из материи.

«Лошадь» готова, теперь можно прикрепить её к деду Морозу.

Выкройка лошади и её головы.

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

«Бронзовая птица»

А. Н. Рыбаков.

В истекшем, 1954 году я работал над экранизацией своей повести «Кортик». Фильм уже снят и вышел на экраны.

Сейчас работаю над новой детской повестью — «Бронзовая птица». Если действие повести «Кортик» происходит в тот период, когда пионерское движение в нашей стране только зарождалось, то новая повесть показывает уже другое время, когда пионерское движение росло и ширилось, когда пионерской организации было присвоено имя Владимира Ильича Ленина. В повести я хочу показать романтику пионерской жизни, участие пионеров в общественной жизни страны.

Эта повесть задумана мною давно. В наступающем году повесть «Бронзовая птица» надеюсь закончить.

Ан. Рыбаков

«Приезжайте к нам в гости»

Мирмухсин.

Я написал несколько небольших рассказов для моих маленьких друзей. Они называются: «Мать куропатка», «Два товарища», «Знакомство», «Значок на груди Нгуена» и другие. Рассказы печатались в пионерской газете «Ленин учкуны». Сейчас они издаются в Ташкенте отдельной книгой «Маленькие рассказы».

В будущем году я напишу ещё ряд маленьких рассказов. Я расскажу детям о подвигах и патриотических делах старших, о хлопкоробах, о нашей природе, о птицах и т. д. Эти темы меня очень волнуют.

Новую книгу рассказов я хочу назвать «Приезжайте к нам в гости».

Мирмухсин

Сенина соседка

И. И. Ликстанов.

Сейчас я заканчиваю повесть для юношества, к которой приступил лет восемь назад. В ней говорится о судьбе комсомольца Степана Киреева. Называется повесть «Безымянная слава».

Задумал и уже пишу повесть «Соседка» — из жизни детворы старого уральского посёлка при металлургическом заводе. Повествование ведётся от лица Сени Новожилова, сына сталевара, но главная героиня повести — его соседка, девочка Рита Званцева. У неё трудно сложилась жизнь.

Одновременно собираю материал для повести о том, как мальчик-москвич попал в нашу уральскую тайгу, что он увидел и узнал, с чем уехал обратно в Москву. Хочется написать книгу занятную, с приключениями, хочется показать наших «лесных людей» — советских тружеников, берущих от тайги большие богатства для народного хозяйства.

И. Ликстанов

На берегу Оби

Н. А. Емельянова.

Недавно я закончила работу над повестью «Родники», действие которой происходит в Москве, в период событий первой русской революции. Повесть будет печататься в журнале «Пионер» с января 1955 года.

Во второй повести для детей, над которой я сейчас работаю, рассказывается о двух товарищах — мальчиках, живущих на берегу реки Оби, в колхозе. Для того, чтобы широко и верно показать жизнь, текущую далеко от Москвы, я несколько раз ездила туда.

Вот и сейчас я только что вернулась из Сибири, где этой, очень дождливой осенью шла настоящая борьба за большой урожай. По улицам городов Барнаула и Бийска двигались колонны автомашин, комбайнов, зерносушилок; лучшие трактористы и комбайнеры с Украины, Кубани со своими машинами приехали помогать сибирским колхозам в трудное время борьбы за уборку урожая на целинных землях.

В таких поездках я вижу много интересного, знакомлюсь с лучшими людьми нашей страны, и это обогащает меня, даёт мне новые темы для будущей работы.

Н. Емельянова

Пьесы о дружбе

В. А. Любимова.

Любимые герои мои — это советские ребята. Меня интересует рост их характеров, формирование взглядов на жизнь, их учёба и участие во всей нашей советской жизни, их взаимоотношения, дружба и товарищество, которые не забываются до конца жизни, их мечты.

Сейчас во многих детских театрах страны пошла моя новая пьеса — «В стороне» — о дружбе комсомольцев.

В 1955 году я напишу пьесу о сельских школьниках и учителях, об их мечтах и деятельном участии в жизни своего колхоза. А ещё мне очень хочется написать весёлую комедию под названием «Мальчики и девочки». Тема её понятна. Мне кажется, что ребятам всех возрастов занятно будет посмотреть на сцене и от души посмеяться над теми забавными маленькими недоразумениями, которые иногда серьёзно мешают большой, настоящей дружбе.

В. Любимова

О моих друзьях

Г. М. Борян.

Писать для детей, для пионеров и школьников, очень трудно. И потому мы, писатели, пишущие для детей, от всего сердца радуемся каждой удаче. К сожалению, это не всегда бывает.

Сейчас я закончил новую книгу стихов. Летом я был в одном из красивых высокогорных районов Армении — в Степанаванском районе. В этом районе — высокие горы, дремучие леса, зелёные, цветистые ковры лугов, звонкие ручейки и прозрачные родники. Там я познакомился с ребятами. И вот дни, проведённые с ними, обогатили меня новыми впечатлениями, и эти впечатления не давали мне покоя, на бумагу просились. Я недавно закончил новую книгу для детей. Она сейчас издаётся в Ереване. На русском языке она выходит в Детгизе.

Прочитав эту книгу, вы сами можете судить, удалась она мне или нет. А до выхода книги я передам редакции «Пионера» несколько стихов из этого сборника.

Гурген Борян

Всесоюзная солонка

Солнечный летний день. Колёса товарного поезда громыхают на стыках. Куда ни глянешь, всюду простирается белая, словно занесённая сверкающим на солнце снегом равнина.

Вы, ребята, наверно, удивитесь, если узнаете, что поезд этот идёт по озеру. Это озеро Баскунчак. Оно наполнено солью. Только весной и осенью озеро покрывается соляным раствором — рапой.

Соляные богатства Баскунчака неисчерпаемы. Когда стали бурить скважину, чтобы узнать толщину соляного слоя, сверло прошло более трёхсот пятидесяти метров, а соль всё ещё не кончилась. Она стала такой твёрдой, что пришлось прекратить бурение, чтобы не сломать сверло.

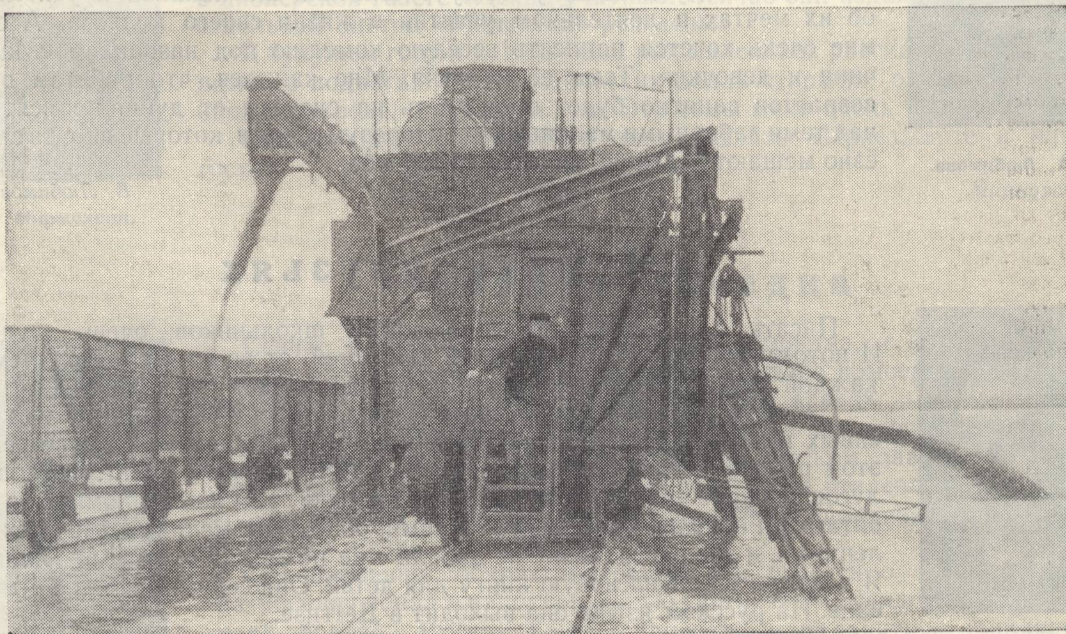
До революции соль добывалась вручную. Соляники, стоя по пояс в рапе, железными ломами разбивали соляной пласт, деревянными чекмарями дробили большие глыбы и грузили соль на повозки, запряжённые верблюдами. Это был каторжный труд. Соль разъедала кожу, всё тело покрывалось незаживающими язвами. Поэтому и называли в народе Баскунчак «озером слёз».

Эти времена давно прошли. Теперь на промысле работают сложные машины — соляные комбайны.

Комбайн медленно движется по рельсам. Соль, разрыхлённая огромными вращающимися фрезами, всасывается через широкую трубу в комбайн. Здесь она отделяется от рапы, промывается и грузится в вагоны. Пройдёт солекомбайн полтора километра, снимет слой соли толщиною в метр, повернёт обратно и снова снимет такой же слой. Так и ходит взад-вперёд, пока не выберет соль на глубину шести — восьми метров. А потом вместе с железнодорожной линией передвинется на метр в сторону и снова начинает ходить взад-вперёд по рельсам.

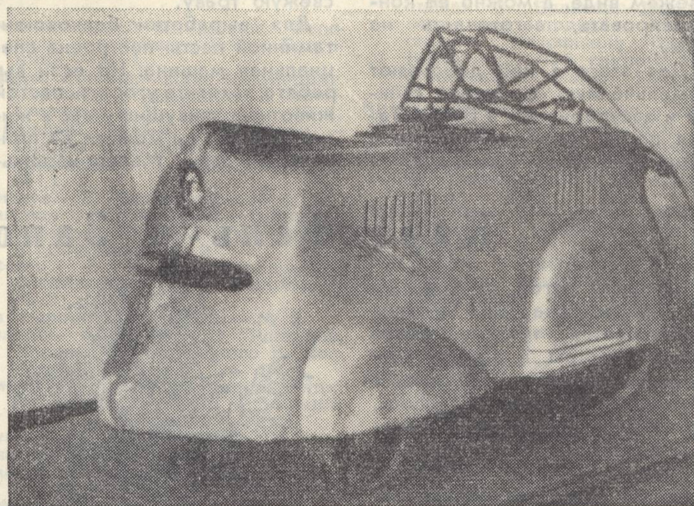
Сто тонн соли в час добывает солекомбайн, и всего только четыре человека обслуживают его. А раньше такую работу могли бы выполнить сто двадцать рабочих-ломовщиков, шестьдесят грузчиков и двести верблюдов.

Б. Торохов

Соляной комбайн за работой.

«Электрический глаз»

Так часто называют небольшой прибор — фотоэлемент. Он преобразует свет в электрический ток. Фотоэлемент даёт очень слабый ток, поэтому его всегда соединяют ещё с одним прибором, который называется реле. Реле в сотни тысяч раз усиливает ток, возникающий в фотоэлементе. А такой ток уже может заставить работать многие приборы.

Фотоэлемент и реле верно служат человеку, и часто мы даже не догадываемся, как много самых различных услуг исполняют эти маленькие электрические помощники.

Вот, например, мы вышли из дома. В сгустившихся сумерках ярко вспыхнули фонари. Кто же их зажёг? Фотоэлемент!

С наступлением темноты, когда на фотоэлемент падает всё меньше света, он посылает сигнал реле, и реле включает искусственное освещение. Утром фотоэлемент передаёт новое приказание, и фонари гаснут.

Фотоэлементы включают и выключают маяки и сигнальные огни на морях, реках и каналах.

«Электрический глаз» внимательно следит и за работой станков на фабриках и заводах. Он запускает и останавливает станки, следит за варкою стали, считает детали на конвейере и придирчивее самого строгого контролёра отбирает бракованные детали.

Иной раз стальной шарик подшипника всего лишь на микрон (на толщину волоса) больше или меньше допустимого размера, а фотоэлемент обязательно «увидит» такой шарик и отбросит его в сторону.

Ещё совсем недавно текстильщицы затрачивали много труда и времени, следя за тем, чтобы не перекашивалась ткань. Для облегчения труда ткачих инженер А. В. Авмочкин сконструировал специальный прибор. Как только упадёт пучок света на то место, где перекосились нити, тотчас же фотоэлемент даёт приказание реле, и специальное устройство ускоряет или замедляет движение края материи и устраняет перекос.

Фотореле охраняет рабочих во время работы. Стоит рабочему неосторожно приблизить руку к вращающимся шестерням, фотореле замыкает электрическую цепь, и станок мгновенно останавливается.

Интересную модель построили учащиеся ленинградских ремесленных училищ. Это модель трактора, управляемого при помощи фотореле.

Для управления рулевым механизмом модели юные конструкторы установили два фотореле. Когда фотоэлемент затемнён, трактор не движется, но как только на него упадут лучи света, цепь питания мотора замыкается, и трактор приходит в движение.

...Представьте себе такую картину. По полю движется колонна электротракторов. Колонну ведёт один тракторист, управляющий передней машиной, остальные тракторы движутся сами, и если нужно, поворачиваются, замедляют или ускоряют ход.

Лучи света как бы ведут «зрячие» тракторы за собою. Если трактор потеряет почему-либо из виду луч света, он остановится и особым сигналом предупредит тракториста на первой машине.

И кто знает, возможно, уже в недалёком будущем настоящие электротракторы, работающие автоматически, выйдут на колхозные поля.

А. Светов

Белково-витаминная паста

Давно известно, что летом, когда скот питается травой, телята, жеребята и ягнята растут быстрее, коровы дают больше молока и молоко лучше и питательнее, чем зимою.

Это происходит оттого, что они питаются травой, богатой белками и витаминами.

Зимой сено только частично может заменить зелёный корм.

Советские учёные придумали, как получать из травы белково-витаминную пасту.

Для этого измельчают траву в кашицу, отжимают сок и нагревают его до кипения. При нагревании на поверхность всплывает густая масса, похожая на творог. Это свернувшиеся белки, жиры и витамины, самые ценные питательные вещества.

Один килограмм пасты равноценен по питательности восьмидесяти килограммам зелёного корма.

Белково-витаминную пасту можно скармливать скоту в свежем виде, а можно её консервировать, заготовлять на зиму.

Для этого в неё добавляют измельчённую сахарную свёклу и закупоривают в бочки. Такая паста приобретает вкус и запах квашеных помидоров и может сохраняться годами. Паста в зимнее время заменяет свежую траву.

Для выработки белково-витаминной пасты построена специальная машина. Но если вы, ребята, захотите угостить пастой животных, живущих у вас в живом уголке, вы можете её приготовить сами. Мелко изрежьте траву, слегка смочите её водой и пропустите два раза через мясорубку. А потом проделайте всё то, о чём здесь прочитали.

Для того, чтобы паста была вкуснее, посолите её.

В. П. Парини,
кандидат химических наук.

Картофель в Заполярье

Широкой дугой, от Кольского полуострова до Чукотки, простирается тундра. Суров климат тундры, и раньше граница земледелия совпадала с границей тундры. Казалось, этот порог невозможно переступить. Да никто и не пытался это сделать.

Но вот много лет назад молодой агроном, нынешний академик И. Г. Эйхфельд, впервые посадил на берегу студёного озера Имандра культурные растения. Прошли годы, и растения приспособились к новым условиям. С тех пор и в других местах Заполярья стали выращивать картофель и другие овощи.

Вот только одна беда: за короткое полярное лето картофель не успевает набрать крупные клубни, да и мелкие клубни не успевают созреть до наступления холодов.

Как же заставить картофель быстрее расти, как ускорить его созревание?

Директор опытной овощной станции Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева И. К. Шаумян стал изучать развитие ростков картофеля. Ростки питаются крахмалом, накопленным в клубне. Но для того, чтобы крахмал годился для питания ростков, он должен превратиться в другое, растворимое в воде вещество. Следовательно, решил И. К. Шаумян, нужно действовать на картофель веществами, ускоряющими это превращение крахмала. Тогда картофель будет развиваться энергичнее и созреет скорее.

Были проведены десятки опытов, и наконец было найдено такое вещество — слабый раствор солей фосфора и калия.

Если два раза полить семенной картофель этим составом, то за шесть дней на нём разовьются такие ростки, какие обычно развиваются в течение месяца. Такой картофель успевает созреть за короткое полярное лето и даёт большие урожаи.

Выращиванием скороспелого картофеля занялись и в подмосковных колхозах. И здесь с полей, засаженных картофелем, обработанным раствором калия и фосфора, собирают спелый картофель уже в начале июля.

Я. Михайлов

Секрет ликёрных конфет

Задумывались ли вы, ребята, когда-нибудь над тем, как попадает жидкая начинка внутрь конфеты? Ведь конфета снаружи покрыта сплошной шоколадной оболочкой, и нигде на ней не видно ни шва, ни отверстия, через которое можно было налить в неё жидкость. Оказывается, тут на помощь кондитерам пришла физика.

Вот как делаются такие конфеты. Деревянные лотки заполняются крахмалом, и особый механизм выдавливает в крахмале небольшие углубления. В эти луночки наливается крепкий, густой сахарный сироп с примесью вина и кислоты.

Крепкий сироп — это насыщенный раствор сахара. Если в такой раствор попадёт пылинка или его легонько взболтают, из него выделятся мельчайшие кристаллы сахара. Этим свойством насыщенных растворов и пользуются при изготовлении конфет.

Когда все углубления в крахмале заполнятся сиропом, их засыпают сверху крахмалом и дают некоторое время постоять. Вот тогда-то и происходит самое интересное. Крахмал — гигроскопическое вещество, он жадно поглощает влагу из начинки, сахарный сироп становится перенасыщенным, и из него выпадают кристаллы сахара. Из этих кристаллов образуется твёрдая корочка. Внутри же этой корочки остаётся жидкая начинка. Когда корочка окрепнет, конфеты направляются в другую машину, где они покрываются жидким шоколадом. Потом конфеты обдуваются холодным воздухом, и шоколад застывает.

Вот как, оказывается, физика помогает изготовлять вкусные конфеты с жидкой начинкой.

И. Вольпер

Содержание журнала «Пионер» за 1954 год

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

СТИХИ

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ И БАСНИ

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

МАСТЕРСКАЯ «ЗОЛОТЫЕ РУКИ»:

СПОРТ

НАУКА, ТЕХНИКА, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

ИСКУССТВО

СТАТЬИ О ПИСАТЕЛЯХ

БИБЛИОГРАФИЯ

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

В ЧАСЫ ДОСУГА

ДВЕ ФИГУРЫ

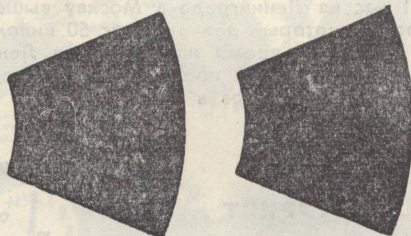
Посмотрите на этот рисунок и скажите, какая из двух фигур больше.

Когда вы решите эту задачу на глаз, возьмите линейку, циркуль и проверьте, не ошиблись ли вы.

Можете проделать забавный опыт с любым из своих товарищей. На цветной бумаге начертите обе фигуры и точно по линиям вырежьте их ножницами.

Положите обе фигуры рядом, как показано на рисунке, и задайте товарищу вопрос, на который вы сами пытались ответить, рассчитывая на глазомер.

На обороте отметьте крестиком ту фигуру, которая покажется более крупной вашему товарищу. Заслоните ладонью фигуры, переместите их и, убрав руку, повторите вопрос. Ответ услышите прежний. Переверните фигуры и покажите, что слева лежала та из них, на которой нет крестика.

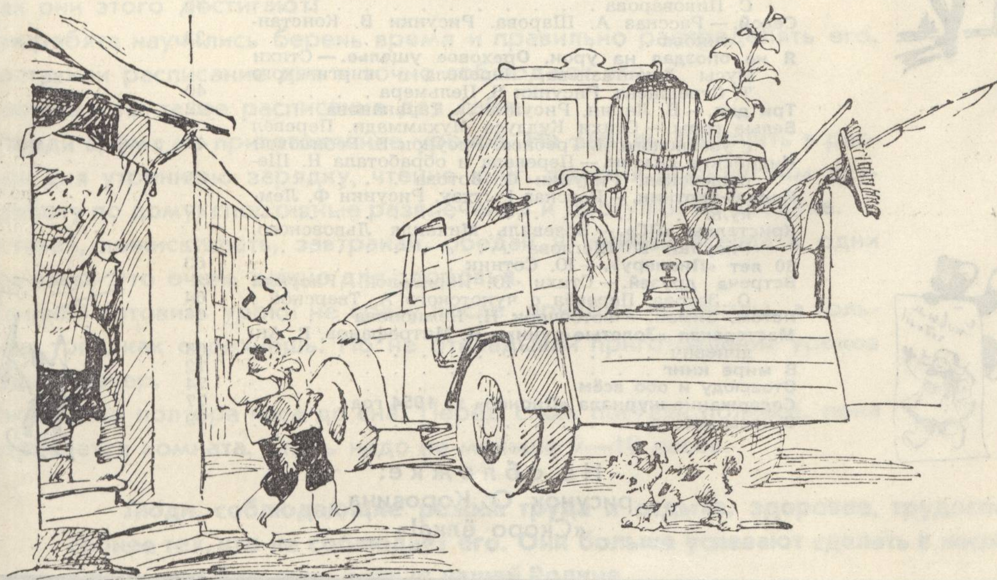

зоно в не успхи в новом году.

Ребус

НА НОВУЮ КВАРТИРУ

Семья переезжает в только что отстроенный дом, на новую квартиру.

Внимательно рассмотрите вещи, погружённые на автомашину, подумайте и скажите названия десяти различных деталей, начинающихся с буквы «П». Детали эти, правда, не видны на рисунке, но без них не бывают многие из тех предметов, которые погружены на машину.

И. Чкаников

КАКОЙ ПОЕЗД БЛИЖЕ?

В 21 час из Ленинграда в Москву вышел скорый поезд, который делает в час 50 километров. В то же самое время из Москвы в Ленинград отправился товарный поезд; он идёт со скоростью 30 километров в час.

Расстояние между Москвой и Ленинградом — 650 километров.

Скажите, какой из этих поездов в момент встречи будет ближе к Москве?

ОТВЕТЫ на задачи, помещённые в № 11

ТУРИСТ

Рано утром солнце находится в восточной части небосклона. Значит, в это время тени от предметов падают с востока на запад. Как видно на рисунке, чудак-турист пошёл не на восток, как ему сказали, а на запад.

ВЫВЕСКА

Если вы повернёте журнал длинным обрезом страницы к себе, то сверху вниз прочитаете на вывеске: «Парикмахерская».

МАЛЕНЬКИЕ РЕБУСЫ

Сова. Ласточка. Верблюд. Налим. Волк. Плотва. Заяц.

В МАШИНЕ

Шофёр ехал со скоростью 55 километров в час. Через два часа он проехал 110 километров, и счётчик показывал 16061, то есть опять число, которое читается одинаково как слева направо, так и справа налево.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
рисунок О. Коровина
«Скоро ёлка!»

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор А. Ефимова. **Рукописи не возвращаются.**

А 08017. Подписано к печати 24/XI 1954 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61. Тираж 200 000 экз. Изд. № 966. Зак. 3377.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Сделал ли ты сегодня утреннюю гимнастику? Во-время приготовил уроки, почитал книгу? Помог ли ты родителям по хозяйству?

У некоторых ребят ни на что не хватает времени, а другие успевают за день всё сделать.

Как они этого достигают?

Эти ребята научились беречь время и правильно распределять его. Они составили расписание дня и точно соблюдают его.

Составь и ты такое расписание для себя.

Отведи время на приготовление уроков. Не забудь включить в распорядок дня утреннюю зарядку, чтение книг, занятия физическим трудом, работу по дому, спортивные развлечения и прогулки на воздухе.

Вставай, ложись спать, завтракай, обедай и ужинай всегда в одни и те же часы. Это очень важно для здоровья.

Начинай готовить уроки не сразу после прихода из школы, а только после того, как отдохнёшь. Но не откладывай приготовление уроков на поздний вечер.

Ужинай за полтора часа до сна. Перед сном погуляй полчаса, пока проветривается комната. Спать надо не меньше 9—10 часов.

Люди, соблюдающие режим труда и отдыха, здоровее, трудоспособнее тех, кто не соблюдает его. Они больше успевают сделать в жизни и приносят большую пользу нашей Родине.

Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР.

Цена 2 р. 50 к.

О ТОМ, КАК СДЕЛАТЬ ТАКОГО ДЕДА МОРОЗА, ПРОЧИТАЙТЕ НА 71-Й СТРАНИЦЕ